СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1961

EX
LIBRIS
ПЕТРО
КРАВЧЕНКО

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ Т. Г ШЕВЧЕНКО

(ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1961

В книге публикуются материалы, освещающие смерть и похороны Т. Г. Шевченко, выступления на могиле поэта, воспоминания современников о нем, а также материалы известного «дела», затеянного полицией после смерти Т. Г Шевченко.

Книга рассчитана на специалистов-шевченковедов и студентов филологических факультетов.

Составили

Д. Ф. Красицкий и *К. Т. Шевченко*

Печатается по постановлению ученого совета Государственного музея Т. Г. Шевченко АН УССР

Редактор издательства *В. Л. Шикан*
Художественный редактор *В. М. Тепляков*
Оформление художника *Г. И. Головченко*
Технический редактор *Н. П. Рахлина.* Корректоры *В. Е. Дементьева, А. С. Евдощук*

БФ 15386. Зак. № 722. Изд. № 273. Тираж 7000. Формат бумаги 84×108/32. Печ. физ. листов 5,25+вкл. Условн. печ. листов 8,7. Учетно-изд. листов 8,2. Подписано к печати 7.VIII 1961 г. Цена 40 коп.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Репина, 4.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Великий украинский поэт, художник, мыслитель, революционер-демократ Тарас Григорьевич Шевченко умер на 47-м году жизни, в расцвете творческих сил. Десятилетняя ссылка, постоянные гонения со стороны царского правительства преждевременно свели в могилу пламенного борца за народное счастье.

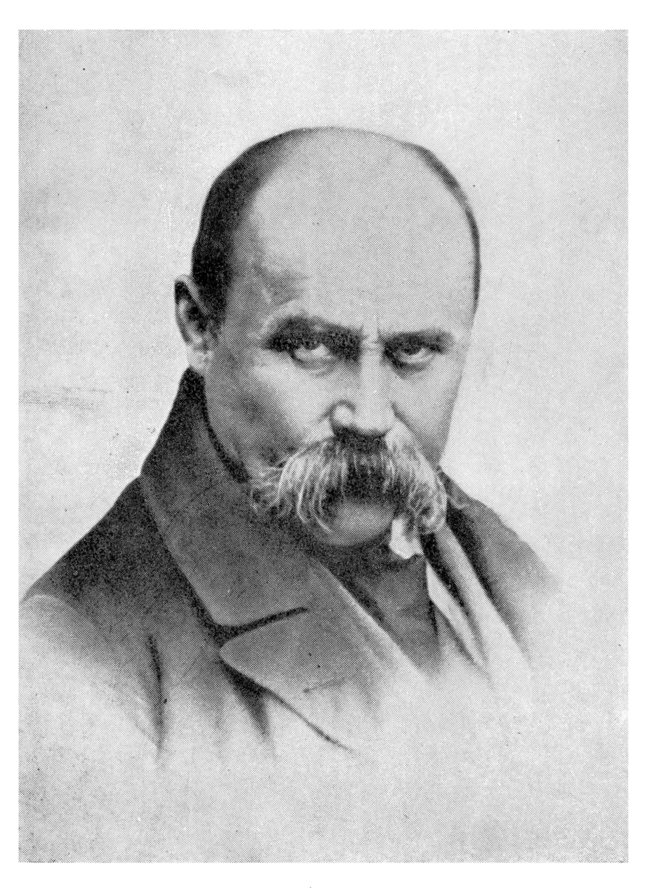
Смерть Т. Г. Шевченко имела огромный общественный резонанс. Над гробом поэта, похороненного в Петербурге 28 февраля (10 марта) 1861 г., были произнесены речи на украинском, русском и польском языках.

Вскоре после похорон в Петербурге друзья Шевченко, выполняя его завещание, перевезли прах поэта на Украину и похоронили его на высоком берегу Днепра у г. Канева. Похороны Т. Г. Шевченко вызвали целый ряд демонстраций и выступлений, свидетельствовавших о любви народа к своему Кобзарю, о народной ненависти к царско-помещичьему строю, борьбе против которого Шевченко посвятил всю свою жизнь. Среди народа стала распространяться легенда о том, что Шевченко будто бы не умер, а в его могиле зарыто освященное оружие, которое необходимо раскопать и обратить против помещиков. С июля 1861 г. по март 1863 г. канцелярия Киевского генерал-губернатора вела судебное дознание по делу о заговоре крестьян против помещиков, будто бы существующем в Каневе и Корсуне. И после своей смерти Шевченко оставался опасным для царского самодержавия.

В настоящем сборнике помещены архивные материалы, относящиеся к этому делу, а также статьи и воспо-

минания о поэте его современников. Некоторые из них публикуются впервые. В статье профессора Черновицкого медицинского института Б. П. Александровского сделана первая попытка воссоздать историю болезни поэта, о которой почти не сохранилось медицинских свидетельств.

Публикуемые материалы еще раз подчеркивают, что не только вся полная борьбы жизнь и гениальное творчество великого поэта, но и сама его смерть сыграла огромную революционную роль в истории украинского народа.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ДОКУМЕНТЫ

1861 г., 2 марта. Запись о смерти Т. Г. Шевченко *.

Означенный в сем свидетельстве Тарас Шевченко сего 1861 года 26 февраля волею божиею умер от водяной болезни и сего же февраля 28 дня погребен на Смоленском православном кладбище.

В чем свидетельствуется. Марта 2 дня 1861 года.

Екатерининской церкви, что при Академии художеств, священник [*подпись*].

Государственный музей Т. Г. Шевченко в Киеве, копия с фоторепродукции.

1861 г., 18 марта. Прошение братьев Т. Г. Шевченко — Никиты и Иосифа Шевченко к Петербургской Академии художеств о выдаче имущества Т. Г. Шевченко, оставшегося после его смерти.

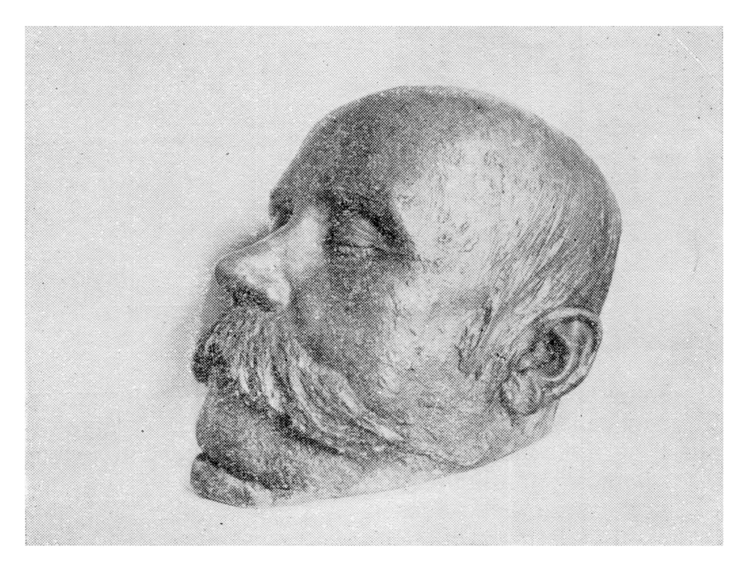
В ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

Вольноотпущенных из крестьян помещика Флиорковского, жителей села Кирилловки, Киевской губернии, Звенигородского уезда,— Никиты и Иосифа Григорьевых, сыновей Шевченков.

Прошение

После нашего брата, бывшего академика Тараса Григорьевича Шевченко, скончавшегося 26 минувшего фев-

* Запись сделана на свидетельстве, выданном Т. Г. Шевченко на право проживания в Петербурге.

Маска Т. Г. Шевченко.

раля, в здании Академии художеств остались некоторые вещи, хранящиеся в ведении Академии художеств.

Так как мы единственные наследники Тараса Григорьевича Шевченко, то покорнейше просим императорскую Академию художеств все имущество нашего брата передать коллежскому советнику Михаилу Матвеевичу Лазаревскому, которому мы доверяем то имущество принять и передать оное или переслать нам.

Просят уволенные из крестьян

Никита Григорьев, сын Шевченко.
Иосиф Григорьев, сын Шевченко.

Что действительно прошение это собственноручно наследниками Тараса Григорьевича Шевченко, Никитою и Иосифом Григорьевыми Шевченками, родными братьями покойного, подписано и сомнения нет в том, подписью и приложением казенной печати удостоверяю марта 18-го дня 1861 года, Киевской губернии, Каневского уезда, м. Корсунь.

Исправляющий должность пристава 3-го стана коллежский секретарь [*подпись*].

ДМШ-7, л. 28.

1861 г., март. Копия описи имущества, оставшегося после смерти Т. Г. Шевченко

Опись имущества академика Тараса Шевченко, описанного по предписанию 1-го де[партамен]та управы благочиния, от 14 марта 1861 года за № 4614, по случаю смерти Шевченко, находящегося в здании Академии художеств, Васильевской части, I квартала, по набережной р[еки] Большой Невы.

Марта * дня 1861 года

№ п/п	Какие именно вещи	Количество вещей	Оценка серебром руб.	Оценка серебром коп.	
1.	Часы карманные золотые с тремя досками, на тринадцати камнях, под № 5372, фабрики Тобиаса, с золотой цепочкой и таким же ключом, часы стенные парижские в круглой деревянной раме, дубового дерева.	2	35		Все эти вещи подержанные
2.	Три нитки кораллов, при одной из них крест золотой с бирюзой, при другой медальон с портретом Шевченко, при третьей сердце из золота с бирюзой, булавка золотая с кораллами, все эти вещи в футляре, табакерка черепаховая с золотой и серебряной насечкой и в ней вещи: два кольца обручальных золотых, наперсток серебряный вызолоченный, три запонки золотые, булавка золотая с коралловой головкой, ложечка чайная серебряная	12	15		
3.	Шкатулка мозаиковая с внутренним замком, термометр Реомюра комнатный в медной оправе, шкатулка простого дерева, обитая кожей	3	3		
4.	Семнадцать досок красной меди, гравированных и разной величины	17	1	70	
5.	Две шкатулки с принадлежностями для рисования акварелью, шкатулка красного дерева с принадлежностями для живописи, две палки, из коих одна с эмалевой ручкой. . .	6	6		
6.	Семь гравированных картин, изображающих сцены и портреты, в деревянных рамках под орех и под стеклами; картина гравированная, оригинальная, Рембрандта, изобража-				

* Дата отсутствует в оригинале. — *Ред.*

№ п/п	Какие именно вещи	Количество вещей	Оценка серебром	
			руб.	коп.
	ющая притчу о виноградаре и сеятеле, в золоченой круглой рамке и под стеклом, две большие гравюры, изображающие пейзажи Калямa, тридцать восемь картин разной величины, гравированных и изображающих портреты, фотографический снимок с картины Брюллова «Благовещение» в рамке орехового дерева под стеклом	49	45	
7.	Два женских пальто, одно драповое серое, а другое такое же белое, обшитое золотым шнурком, три суконных пальто мужских, один сюртук суконный, два таких же жилета, такой же фрак один, пальто 4 парусинных, таких же панталон 4, жилетка такая же одна, мужская малороссийская одежда, кобеняк суконный, армяк верблюжьего сукна, баранья шапка, два тулупа овчиных, крытых сукном, две шляпы пуховые серые, шляпа соломенная мужская, малороссийская женская одежда — плахта шерстяная клетчатая, женская поддевка без рукавов шерстяной материи коричневого цвета, юбка клетчатая шерстяная, кусок материи голубого цвета шерстяной с шелком около 7 аршин, рубах мужских 27, подштанников 7, полотенец 6, салфеток 9, носовых платков 15, — все это белье холщевое, галстук белый бумажный, чулков женских бумажных три пары, детских одна пара, два полотенца и одна наволочка холщевая, шитая красной бумагой и шелком. .	91	38	45
8.	Три кастрюли красной меди около 10 фунтов, самовар желтой меди старой формы, лампа столовая желтой меди со стеклянным матовым колпаком, пресс-папье бронзовый, изображающий лежащего льва . . .	6	4	
9.	Диван турецкий, обитый клеенкой, стол на четырех ножках простого дерева без окраски, столик круглый простого дерева на одной ножке, окрашенный под орех, зеркало склад-			

№ п/п	Какие именно вещи	Количество вещей	Оценка серебром		
			руб.	коп.	
	ное в рамке березового дерева, стекло шир. 5 верш., длин. 5 верш. и сундучок простого дерева, окрашенный синей краской	5	1	80	
10.	Китайские туфли	1	—	80	

Описал и при оценке находился старший помощник надзирателя Китченко.

Мебель оценена мною в 1 руб. 80 коп. Лукан Беперец.

Медные вещи оценены в 5 руб. 40 коп. Эксперт купец Михаил Погин.

Вещи под № 5 и 8* оценены мною в 51 руб. сер. Академик А. Лебедев.

Вещи под № 7 и 10 оценены мною на 38 руб. 68 к[оп.]. Эксперт портной мастер И. Якобсон.

Вещи под № 1, 2 и 3 оценены мною на 53 руб. Эксперт купец золотых дел мастер Иван Миллер.

Означенные в сей описи вещи, принадлежавшие умершему академику Т. Г. Шевченко, на основании доверенности, данной мне наследниками Шевченко, принял в свое распоряжение

коллежский советник Михаил Матвеев Лазаревский.

Верно: производитель дел [подпись].

ДМШ-7, л. 30—31.

1861 г., 28 марта. **Письмо правления Петербургской Академии художеств к первому департаменту Петербургской управы благочиния по делу об имуществе Т. Г. Шевченко, оставшемся после его смерти.**

По распоряжению полиции Васильевской части назначено произвести 31 ч[исла] сего м[есяца] оценку картин, оставшихся после смерти академика императорской Академии художеств Тараса Шевченко.

Ныне наследники Шевченко, родные братья его, живущие [в] Киевской губ., Звенигородского уезда, в селе Кирилловке, Никита и Иосиф Григорьевы Шевченки присланным в Академию прошением, засвидетельствованным местным начальством, просят все имущество покой-

* Ошибка, должно быть: «вещи под № 5 и 6».

ного передать коллежскому сов[етнику] Михаилу Лазаревскому, которому они доверяют то имущество принять и продать или переслать к ним.

Вследствие сего и имея в виду, что на основании 1236 ст., т. X, ч. 1, Св[ода] зак[онов] граж[данских] (изд. 1857 г.) движимые имущества умерших лиц описываются и сохраняются под надзором местных полиций или же под наблюдением того управления, ведомству коего умерший принадлежал, — правление импер[аторской] Академии художеств находит себя вправе принять в свое ведение имущество покойного Шевченки и, сообщая о сем на благоусмотрение первого д[епартамен]та СПБ управы благочиния, покорнейше просит сделать распоряжение, чтобы то имущество, по сделании оному описи, было оставлено в ведении Академии для передачи коллеж[скому] сов[етнику] Лазаревскому, согласно выше изъясненной просьбе братьев покойного и о последующем распоряжении по сему предмету уведомить правление Академии.

Конференц-секр[етарь] [подпись].

ДМШ-7, л. 26—27.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Великий сын Украины, ее гениальный поэт Тарас Шевченко умер в возрасте 47 лет от тяжелой сердечной болезни — недостаточности и перерождения сердечной мышцы, грудной жабы и сопутствующих приступов сердечной астмы.

Биографами Тараса Григорьевича история его болезни еще не исследовалась и не освещалась, хотя эти скорбные страницы его жизни говорят о том, что смерть Т. Г. Шевченко была преждевременной, что страдания и болезни сократили жизнь поэта.

Детально исследовать историю болезни Т. Г. Шевченко довольно трудно, а в некоторых отношениях даже невозможно, так как литературные данные о ней крайне бедны и, кроме того, ни один из источников не принадлежит перу врача.

Шевченко впервые обратился к врачу по поводу болезни, сведшей его в могилу, 23 ноября (по старому стилю) 1860 г., т. е. за три месяца до смерти. Он, несомненно, был болен задолго до этого, но никогда не лечился и не жаловался друзьям. Поэтому никаких систематических наблюдений относительно начала его болезни в биографических материалах не сохранилось. Сведения о болезни Т. Г. Шевченко за время до 23 ноября 1860 г. войдут в приводимую ниже историю болезни как часть анамнеза — рассказа Тараса Григорьевича о болезнях и недомоганиях, перенесенных им ранее, перед обращением к врачу.

* *
*

С.-Петербург, 23 ноября 1860 г. Т. Г. Шевченко обратился за советом к доктору Бари[1] с жалобами на боль в груди. Тарасу Григорьевичу тогда было 46 лет. Адрес больного: С.-Петербург, Васильевский остров, набережная Невы, главное здание Академии художеств.

АНАМНЕЗ ЖИЗНИ

1. Наследственность. Тарас Григорьевич был четвертым ребенком в семье, а всех детей у родителей было восемь. Мать Екатерина умерла сравнительно молодой, на 40-м году жизни, в 1823 г., когда Тарасу Григорьевичу было 9 лет. Причина ее смерти не выяснена; в биографии поэта отмечено только, что мать умерла «от болезни», т. е. не от несчастного случая и не от родов. Это была, по-видимому, какая-то болезнь, изнурившая молодую женщину, обессиленную частыми родами, нуждой и непосильной работой.

Отец Шевченко также умер молодым, через два года после смерти жены, в 1825 г.

О причине смерти отца в биографических материалах сказано неопределенно: «отец Тараса Григорьевича умер от простуды»; но известно, что с подобным диагнозом в то время хоронили людей, умерших от различных болезней — чахотки, воспаления легких и т. д.

2. Перенесенные ранее болезни. Из-за тяжелых условий жизни Шевченко много болел и тяжело переносил заболевания. Сохранились сведения о таких его болезнях.

Весной 1838 г. он был болен в Петербурге, очевидно, брюшным тифом. Болезнь началась лихорадочным состоянием, лицо было бледное. Болезнь длилась долго и протекала тяжело, выздоровление шло медленно и вяло. Шевченко лежал в госпитале.

Весной 1840 г., также в Петербурге, Шевченко заразился тифом, ухаживая за своим больным учителем художником К. Брюлловым. Это, по-видимому, был сыпной тиф, и Шевченко тяжело перенес его.

Осенью 1845 г. в Переяславе Шевченко болел дли-

тельной лихорадкой, которую биограф Конисский называет «какая-то тифозная болезнь».

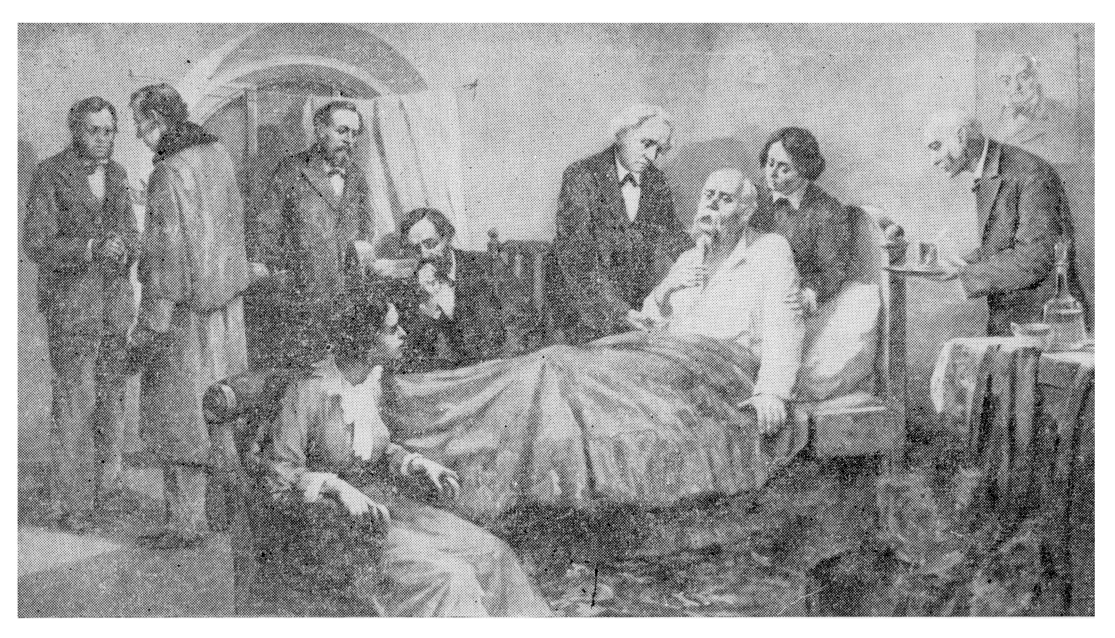
Тифы (сыпной и брюшной) могут вызвать поражение сердечной мышцы — миокардит, миокардиодистрофию, миокардиосклероз, т. е. воспалительные процессы и явления перерождения сердечной мышцы, причем провести четкую грань между этими процессами невозможно. Такие осложнения бывают разной степени и выраженности, они часто обрекают перенесшего тиф на сердечную болезнь и иногда на сердечную недостаточность.

В 1847 г. осенью, в Орской ссылке, Шевченко заболел ревматизмом. В письме к Лизогубу [2] от 11 декабря 1847 г. он писал: «Осенью мучил меня ревматизм». В письме к М. М. Лазаревскому [3] от 20 декабря 1847 г. мы читаем: «Заболел я сперва ревматизмом, тяжелая болезнь». В дальнейшем ревматизм давал рецидивы, что так свойственно этой болезни. 12 апреля 1855 г. Шевченко писал В. И. Григоровичу [4] из Ново-Петровской крепости: «Ревматизм меня быстро разрушает».

В происхождении сердечно-сосудистых заболеваний главную роль играет именно ревматическая инфекция, тяжело поразившая Тараса Григорьевича. Ревматизм может вызвать острый и хронический миокардит. Он также вызывает коронарит (воспалительный процесс в кровеносных сосудах, снабжающих сердечную мышцу), артериит венечных артерий, иногда являющийся причиной грудной жабы (стенокардии), от которой и погиб Шевченко.

В том же 1847 г., вскоре после перенесенного ревматизма, Шевченко заболел типичной для заключенных болезнью — цынгой, или скорбутом. В упомянутом уже письме к М. М. Лазаревскому он писал: «Напала на меня цынга лютая, и я теперь как Иов на гноище. Так мне теперь тяжко, так тяжко». В письме к княгине В. Н. Репниной [5] от 25 февраля 1848 г. Шевченко писал из Орска: «Пугает меня теперешняя болезнь — скорбут».

Две указанные тяжелые болезни, которыми болел поэт,— ревматизм и скорбут — тем сильнее поразили и ослабили его сердце, что они протекали в ссылке, в условиях чрезвычайной нервно-психической подавленности и душевных мук. В том же письме к М. М. Лаза-

Друзья у больного Шевченко. С картины худ. *Д. К. Крайнева.*

ревскому Тарас Григорьевич писал: «Кроме всех бед, терзающих душу, господь покарал меня еще и телесным недугом». Вспоминая свою жизнь, поэт писал, что при этом его охватывает тяжелое чувство, «от которого сжимается сердце и стынет грудь... мое прошлое ужасно».

В 1855 г. Шевченко болел малярией. В письме к Бр. Залесскому[6] от 25 сентября 1855 г. он сообщал: «...Я вернулся из Ханга-Бабы, переболел сильным приступом лихорадки». Малярия, со своей стороны, также может вызвать процессы воспалительного характера и перерождение сердечной мышцы, ведущие к ослаблению сердца.

Тяжелые болезни, которые Шевченко перенес в ссылке, и постоянная душевная подавленность, грусть и тоска очень сильно отразились на здоровье поэта и, в частности, на состоянии сердечно-сосудистой системы.

Н. И. Костомаров[7] свидетельствует: «Под красную шапку взяли веселого, бодрого душой, с густыми русыми волосами, а из-под этой красной шапки вернулся он с седой бородой, совсем лысой головой и с навеки потерянным здоровьем». Врач Козачковский свидетельствует, что Тарас Григорьевич вернулся из ссылки с разбитым здоровьем, с преждевременно и навсегда искалеченным и обессиленным организмом.

Летом 1859 г. Шевченко поехал в родное селе Кирилловку, где жили его брат и сестра, чтобы повидаться с ними после долгой разлуки. Сестра не сразу узнала в измученном, старом, тяжело дышавшем человеке своего брата Тараса. Все эти свидетельства доказывают, что Шевченко вернулся из ссылки уже с больным сердцем, с подорванным здоровьем.

3. Условия жизни и привычки больного. Когда Шевченко обратился за медицинской помощью по поводу смертельной болезни сердца, условия его жизни в Петербурге были неудовлетворительными, а для человека с больным сердцем особенно тяжелы.

Поэт Я. П. Полонский[8] в своих воспоминаниях отмечает, что «Т. Г. Шевченко в Петербурге жил на походную ногу и не мечтал ни о каком комфорте». В начале июня 1858 г. Шевченко поселился в маленькой квартире в доме Академии художеств, где и жил до смерти. Эта квартира состояла из двух комнат: одна

из них, в нижнем этаже, служила мастерской, где Шевченко занимался гравированием и живописью, а также приемной для посетителей. Вторая комната, на антресолях, была его спальней, столовой и кабинетом для литературной работы. Это была очень маленькая, низкая и узкая комната с квадратным окном, начинавшимся от самого пола. Воздуха всегда нехватало, к тому же он был испорчен запахом кислот, употреблявшихся при гравировании. Влажный, туманный воздух Петербурга был очень вреден для тяжелого сердечного больного Шевченко.

Такие условия жизни Шевченко, жизни одинокой, холостяцкой, способствовали катастрофическому развитию сердечного заболевания.

АНАМНЕЗ БОЛЕЗНИ

23 ноября 1860 г. Шевченко обратился за медицинской помощью к врачу Э. Я. Бари. Признаки тяжелой сердечной болезни были замечены его знакомыми еще раньше. Так, 1 марта 1860 г. Л. Тарновская [9] писала сыну: «Бедняга Шевченко болен, и я боюсь, не водянка ли у него в груди; он не лежит, но передвигается с трудом, и лицо отечное». Ф. Черненко [10] рассказывал, что «уже в конце сентября и в самом начале октября, навещая Шевченко, нельзя было не заметить, что поэт очень болен». На автопортрете, написанном в 1860 г., лицо у Шевченко выраженно отечное [11].

Во второй половине ноября болезнь значительно усилилась, 22 ноября Шевченко чувствовал себя особенно плохо и на следующий день обратился за советом к доктору Бари, говоря, что у него очень болит грудь.

* *
*

Незадолго перед болезнью Шевченко И. С. Тургенев [12] писал о его внешнем виде: «Широкоплечий, приземистый, коренастый..., движения спокойные, походка степенная, голова... почти лысая: высокий морщинистый лоб, густые усы, закрывавшие губы, небольшие серые глаза, взгляд которых, большей частью печальный, изредка принимал выражение ласковое, почти нежное, со-

провождаемое хорошей, доброй улыбкой; голос несколько хриплый».

Рост Шевченко, по его воинским документам, был 2 аршина и 5 вершков, в другом документе — 2 аршина $3^{1}/_{4}$ вершка, глаза темно-серые; поседел он рано, до этого волосы были темно-русые.

При первом осмотре, 23 ноября 1860 г., вид у Шевченко был болезненный и отечный. Бари, выслушав сердце и легкие, посоветовал Тарасу Григорьевичу беречься, вести спокойный образ жизни, не выходить из дому.

В первой стадии сердечной недостаточности одышка появляется при движении, больной быстро устает, в дальнейшем одышка становится более выраженной, независимо от движений — постоянной; появляются отеки. Отечность лица, отмечавшаяся у Шевченко уже в марте 1860 г., наблюдается обычно при сердечной недостаточности не в начале заболевания. Следовательно, нужно признать, что Тарас Григорьевич обратился за советом к Бари уже во второй стадии сердечной недостаточности, т. е. с запущенной болезнью, принявшей опасную для жизни форму. Сильная боль в груди, заставившая поэта обратиться к врачу, являлась признаком стенокардии.

По-видимому, уже при первом обращении к врачу болезнь определялась как сердечная недостаточность (декомпенсированный миокардит с началом сердечной водянки и приступами грудной жабы). Лечение — покой — было назначено совершенно правильно, так как первый принцип лечения сердечной недостаточности — принцип щажения больного органа, сердца. Какие именно лекарства были ему прописаны, неизвестно.

ТЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНИ

С этого дня, с 23 ноября 1860 г., здоровье Шевченко начало ухудшаться; изредка наступали короткие периоды улучшения.

Настал декабрь 1860 г. По совету врача Тарас Григорьевич не выходил из комнаты. Вечером 6 декабря его посетил Ф. И. Черненко. Поэт был в довольно хорошем настроении и говорил, что ему значительно лучше и он надеется скоро освободиться «из-под ареста» и

выйти на волю. На совет поберечься и не выходить он ответил: «Колядовать к куме хоть на четвереньках выползу». И в самом деле, на рождество Тарас Григорьевич бывал в гостях, и это снова вызвало резкое ухудшение здоровья и, очевидно, привело к катастрофе.

На Новый, 1861 год Шевченко был уже прикован к постели. В январе ему сказали, что у него водянка. Он стал принимать лекарства, но это уже не помогало. 21 января он писал В. Г. Шевченко [13]: «Плохо я встретил этот плохой новый год. Вторую неделю не выхожу из дому, чихаю и кашляю, аж осточертело». Однако случались дни, когда Тарас Григорьевич чувствовал себя способным работать, он занимался гравированием и начал писать портрет одной дамы. В один из январских дней он весело и спокойно работал с 12 до 16 часов.

Можно допустить, что Шевченко болел в то время еще и гриппом, который представляет большую опасность для тяжелых сердечных больных. 29 января он писал брату: «Много бы еще надо тебе сказать, да нездоровится... Так мне плохо, что я еле перо в руках держу. Прощай — устал, будто копну жита без передышки смолотил». При сердечной недостаточности у больного наблюдается повышенная утомляемость.

В конце января Тараса Григорьевича навестил писатель Н. С. Лесков [14], который так описывает их свидание: «Вот, пропадаю,— сказал он,— бачите, яка ледащиця з мене зробылася». Он жаловался на боль в груди и на жестокую одышку. «Пропаду»,— заключил он и бросил на стол ложку, с которой только что проглотил лекарство. «От як бы до весны дотянуть!— сказал он после долгого раздумья,— да на Украйну... Там, може бы, и полегшало, там, може б, еще хоть трошки подыхав»... «А ехать нужно,— умру я тут, если останусь».

14 февраля поэт написал свое последнее стихотворение «Прощание с музой», полное душевной тоски. В нем он выражает слабую надежду, что врачи помогут ему отдалить смерть, уже заглядывающую в глаза.

24 февраля у Тараса Григорьевича побывал Н. И. Костомаров. Поэт сидел за столом, говорил, что ему лучше. В этот же день он писал П. Мокрицкому [15]: «Я болен второй месяц, и не только на улицу, меня и

в коридор не выпускают: не знаю, чем закончится мое заключение».

В ночь с 24 по 25 февраля у Шевченко был приступ грудной жабы. Его мучила страшная боль в груди, он не мог лежать. 25 февраля (в день его рождения) пришел М. М. Лазаревский и застал поэта тяжело страдающим. Тарас Григорьевич сидел на постели, вцепившись руками в матрац, дышал тяжело, с большим напряжением.

Утром 25 февраля приехал доктор Бари. Выслушав больного, он сказал Лазаревскому, что находит начало отека легких и считает положение совершенно безнадежным.

Страдания Шевченко были непередаваемы. Он почти не мог говорить: чтобы произнести слово, он должен был затрачивать последние силы. Тяжкие страдания не вырвали из его груди ни одного стона. Стиснув зубы, он кусал усы, заглушая боль.

Бари прописал мушку на грудь. Боль немного успокоилась. Шевченко попросил открыть форточку, выпил стакан воды с лимоном и прилег. В три часа дня состояние больного снова ухудшилось. Он часто спрашивал, скоро ли приедет врач. Потом он выразил желание принять снотворное — опий. Приступ боли несколько утих. Тарас Григорьевич сидел на постели, и слова его были полны смертельной тоски. Он говорил о том, как ему хотелось бы побывать на родине: «Вот если бы домой, там бы я, может, и выздоровел». Несколько раз он повторял, что ему не хочется умирать. Приехавший опять Бари нашел больного спокойным.

В 6 часов вечера ему снова стало хуже. Приехал доктор П. А. Круневич [16]. Дыхание и речь больного были затруднены, он с трудом отвечал на вопросы врача. Казалось, что он сознает безнадежность своего положения.

В 9 часов Бари и Круневич выслушали больного и нашли, что печальный конец уже недалек. Чтобы облегчить боли, поставили на грудь вторую мушку.

Вскоре после ухода врачей Шевченко сказал: «У меня снова начинается приступ. Нельзя ли его остановить?» Поставили горчичники на руки.

В 10 часов вечера Тарас Григорьевич сидел на постели и тяжело стонал. Так он провел всю ночь с 25

на 26 февраля, нестерпимая боль в груди не позволяла ему лечь. Ночь прошла без сна. В комнате было душно, воздух был насыщен запахом кислот.

В 5 часов утра 26 февраля Шевченко почувствовал некоторое облегчение и попросил приготовить чай. Выпив стакан чаю со сливками, он сказал: «Я сойду вниз». Тарасу Григорьевичу захотелось побывать в своей мастерской. Он спустился по лестнице, остановился в дверях, вскрикнул, тяжело упал на порог и скончался. Смерть наступила мгновенно.

Это было в 5 часов 30 минут утра 26 февраля по старому стилю, или 10 марта нового стиля, 1861 г., Тарасу Григорьевичу было 47 лет.

Эпикриз

Тело Шевченко не было вскрыто.

Сердечная недостаточность стала резко ухудшаться после рождества, когда Шевченко в значительной степени нарушил режим покоя, предписанный ему врачом. Декомпенсация вскоре после этого перешла в третью стадию с резко выраженными одышкой и застойными явлениями (водянка).

Шевченко находился уже в той стадии сердечной недостаточности, когда лежачее положение для больного нестерпимо, а сидячее дает некоторое облегчение. В таких тяжелых случаях одышка переходит в ортопноэ, т. е. одышку, требующую вынужденного сидячего положения.

Хронический воспалительный процесс и перерождение сердечной мышцы грозно осложнялись у Шевченко приступами спазмов (ангиоспазм), а может быть, и закупорки венечных сосудов (тромбоз), питающих сердце. Эти приступы вызвали тяжелую грудную жабу. При тяжелой форме грудной жабы к картине болезненного приступа присоединяются также именно те черты, которые наблюдались у Шевченко, — сердечная одышка (сердечная астма) и отек легких.

При острой слабости левого желудочка (иногда в результате приступов грудной жабы, особенно при закупорке венечного сосуда) развивается картина сердечной астмы и отека легких. Грудная жаба проявляется резкими приступами загрудинных болей, которые вызываются недостаточным кровоснабжением самой сер-

дечной мышцы вследствие судорог или закупорки венечных сосудов.

В современной клинике нередки случаи, когда у больных устанавливается комплекс болезненных состояний сердца, что подтверждается на секции: миокардит, грудная жаба, сердечная астма, закупорка (тромбоз) венечных сосудов, отек легких. Очевидно, у Шевченко было приблизительно такое сочетание болезненных процессов сердца.

Мгновенная смерть Тараса Григорьевича наступила, по-видимому, вследствие закупорки венечных сосудов сердца, т. е. осложненного приступа грудной жабы, имевшего на этот раз молниеносный характер. Причиной внезапной смерти был паралич сердца, причиной паралича — хроническое сердечно-сосудистое заболевание миокардит (закупорка венечных сосудов).

Диагноз, поставленный врачами Бари и Круневичем,— «водяная болезнь» (со слов друзей Тараса Григорьевича, не врачей). Какой именно подробный медицинский диагноз вкладывали врачи в это общее определение заключительного этапа сердечной недостаточности, неизвестно. С точки зрения современной медицины можно полагать, что диагноз был правилен, но нет точных данных, чтобы установить, какие именно поражения сердца и сосудов привели к недостаточности и водянке (воспалительные процессы, процессы перерождения в миокарде, артериосклероз, состояние венечных сосудов, кровяное давление, состояние почек и т. д.). Можно предполагать, что к трагической развязке привела присоединившаяся к сердечной недостаточности (в связи с хроническим миокардитом) грудная жаба.

В нашем распоряжении имеется очень мало сведений о мерах, предпринятых для лечения Шевченко, но то, что мы знаем, свидетельствует о целесообразности их с современной точки зрения. Так, Шевченко был предписан покой — основной принцип лечения сердечной недостаточности. Далее повторно прибегали к наружному способу лечения — мушкам, которые, подобно горчичникам, иногда целесообразно применять как отвлекающее при сердечной боли. Наконец, умеренное назначение опия, употреблявшегося Шевченко, было целесообразно как болеутоляющее, снотворное и уменьшающее сердечную одышку.

Заключение

Тарас Григорьевич приобрел неизлечимую сердечную болезнь в ссылке, как следствие ревматизма, тяжелых бытовых условий и подавленного психического состояния. Из ссылки он вернулся тяжело больным, а в Петербурге жил в неблагоприятных для сердечного больного условиях, что ускорило трагический конец.

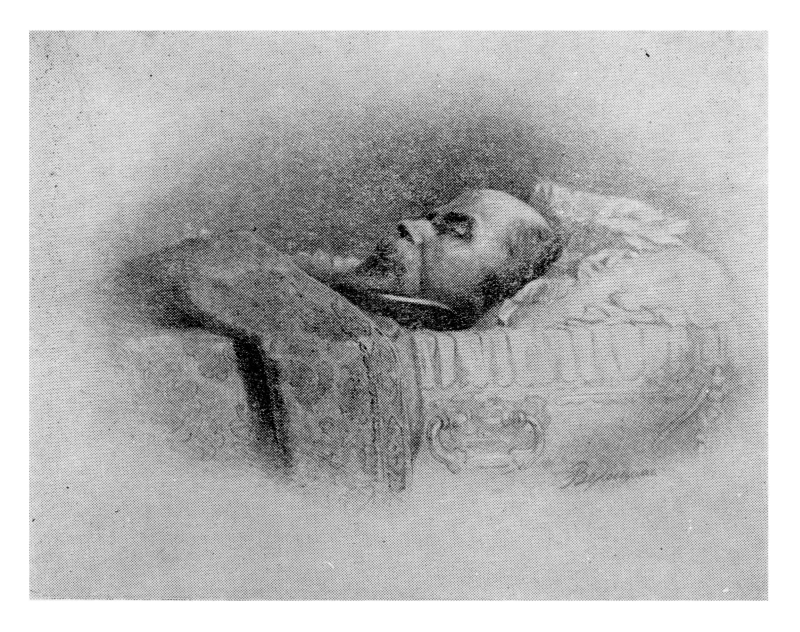
Проф. Б. П. Александровский.
(Черновицкий медицинский институт)

* *
*

В связи со строительством памятника великому украинскому поэту-революционеру Тарасу Григорьевичу Шевченко 4 апреля [1939 г.] в 12 часов дня состоялось раскрытие склепа, в котором 10 мая 1861 г. был похоронен прах поэта. Открытие производилось при участии депутата Верховного Совета УССР, начальника Управления по делам искусств при СНК УССР тов. Компанийца Н. П., представителей местных партийных, советских, профсоюзных и общественных организаций, а также научных сотрудников Государственного заповедника, работающих над оформлением материалов музея Т. Г. Шевченко в г. Каневе.

При осмотре было обнаружено, что под насыпанной могилой стоит подмогильный холм, выложенный из камня — местных валунов. Камень уложен на известковом растворе и имеет форму прямоугольника с наружным уступом. Ширина прямоугольника — 3 *м* 15 *см*, длина — 8 *м*, высота — 2 *м* 50 *см*. На дне могилы, на глубине 2 *м* 30 *см*, сложен кирпичный склеп на известковом растворе. В склепе находится цинковый гроб с прахом великого поэта-революционера. Цинковый гроб содержится в сосновом гробу, обитом по углам железом и в двух местах стянутом железными поясами.

На крышке соснового гроба лежала серебряно-зеленая парча и медная табличка, окруженная веночками. На табличке написано: «Тарас Григорович Шевченко, український поет. 1861 год, февраля 26, СПБ». Медная табличка и парча хорошо сохранились. Кусочки парчи — один 63 *см* длиной, 7 *см* шириной и другой 52 *см*

Т. Г. Шевченко в гробу. Худ. *Верещагин.*

длиной и 2,5 *см* шириной, а также медную табличку комиссия передала в музей Т. Г. Шевченко г. Канева. Склеп и гроб оставлены в первоначальном состоянии.

В связи со строительством памятника поэту склеп и гроб будут покрыты железобетонной плитой и на могиле будет установлена доска с указанием их местонахождения.

В. Коваленко, директор Государственного музея «Могила Т. Г. Шевченко», г. Канев. Напечатано в газ. «Пролетарська правда» 10 апреля 1939 г., № 82.

СТАТЬИ, РЕЧИ, ВОСПОМИНАНИЯ

ПОХОРОНЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

* *
*

Здоровье поэта-художника, видимо, разрушалось. Грусть и душевная тоска, недовольство собою, недовольство жизнью одолевали его. Он редко смотрел в глаза... На горизонт его продвигалась мрачная туча, и уже понесло холодом смертельной болезни на его облитую слезами жизнь. Он все еще порывался видаться с друзьями, все мечтал поселиться на родине... и чувствовал себя все хуже.

Утром 26 февраля, в половине 6-го, не стало Шевченко...

. . . .

Тарас Григорьевич начал чувствовать себя нехорошо с осени прошлого года. 23 ноября, встретившись у М. М. Л[азаревского] с доктором Э. Я. Бари , он жаловался особенно на боль в груди. Доктор, выслушав грудь, советовал Тарасу Григорьевичу поберечься. С тех пор здоровье его плошало со дня на день. Январь и февраль просидел он почти безвыходно в комнате, изредка только посещая коротких знакомых. В это время он продолжал заниматься гравированием, писал копию с своего портрета, бывшего на выставке, и начал портрет одной дамы; последний сеанс был в конце января; он весело и спокойно работал с 12 до 16 часов.

В субботу, 25 февраля, в день именин покойника, первый посетил больного М. М. Л[азаревский] и застал его в ужасных муках. По словам Тараса Григорьевича, с ночи у него началась сильнейшая боль в груди, не позволявшая ему лечь. Он сидел на кровати и напря-

женно дышал. «Напиши брату Варфоломею, — сказал он Л[азаревскому],— що мені дуже недобре». Вслед за тем приехал г. Бари. Выслушав грудь, доктор объявил, что водяная бросилась в легкие.

Муки страдальца были неописанные; каждое слово стоило ему страшных усилий. Мушка, положенная на грудь, несколько облегчила страдания, и ему прочли поздравительную депешу из Харькова, от П. Трунова; «Спасибі!» — только и мог сказать умирающий. Потом попросил открыть форточку, выпил стакан воды с лимоном и лег. Казалось, он задремал; присутствовавшие сошли в его мастерскую.

Около трех часов Тараса Григорьевича посетили еще несколько приятелей. Он сидел на кровати, каждые 5—10 минут спрашивал, когда будет доктор, и выражал желание принять опий, чтобы забыться сном. Отвечали, что доктор будет в три часа, но через несколько минут он опять начал тосковать, спрашивая, скоро ли приедет доктор. Сравнительно ему было в это время лучше. Когда остался у него один В. М. Л[азаревский][17], Тарас Григорьевич начал говорить, как бы хотелось ему побыть на родине и что весной поедет он в Украину... Ободряя больного, В. М. Л. приглашал его сделать поездку вместе с ним в южные губернии. Тарас Григорьевич слушал с удовольствием, охотно соглашался, замечая, что родной воздух восстановит его здоровье: «От якбы додому, там бы я може одужав». Несколько раз повторял он, как не хочется ему умирать. В это время г. Бари опять посетил больного, нашел его в удовлетворительном положении и советовал продолжать прописанные средства. Больного оставили, видимо, успокоенным.

В 6 часов приехал один из друзей покойного с доктором П. А. Круневичем. Больной был опять в трудном положении. Он с усилием отвечал на вопросы доктора и, казалось, сознавал уже безнадежность своего положения.

К 9 часам приехали снова гг. Бари и Круневич. Они еще раз выслушали грудь больного, вода продолжала наполнять легкие. Для облегчения страданий поставили другую мушку. Вслед за сим больной получил вторую поздравительную депешу из Полтавы: «Батьку! Полтавці поздравляють любого кобзаря с именинами і просять:

Похороны Т. Г. Шевченко в Петербурге на Смоленском кладбище. Худ. *В. А. Петухов.*

утни, батьку, орле сизий! Полтавськая громада». Выслушав ее, больной сказал: «Спасибі, що не забувають». Депеша, видимо, обрадовала его. Затем доктора сошли вниз. Оставшимся при нем друзьям Т. Гр. сказал: «Чи не засну я,— возьмить огонь!». Но минут через пять он отозвался: «Хто там?», и когда на зов его явились, то он просил воротить г. Бари и сказал ему: «У меня опять начинается пароксизм: как бы остановить его!». Положили на руки горчичники.

В половине 11-го Тараса Григорьевича посетил М. М. Л[азаревский] с другим приятелем; они нашли больного сидящим на кровати без огня: ему было очень тяжело. На замечание М. М. Л[азаревского], что, может быть, они его стесняют, Т. Гр. отвечал: «И справди так: мени хочеться говорить, а говорить трудно». Его оставили одного.

Почти всю ночь провел он сидя на кровати, упершись в нее руками: боль в груди не позволяла ему лечь. Он то зажигал, то тушил свечу, но к людям, бывшим внизу, не отзывался.

В 5 часов он попросил оставленного при нем М. М. Л[азаревским] слугу сделать чай и выпил стакан со сливками. «Убери же ты теперь здесь,— сказал Т. Гр. слуге,— а я сойду вниз».

Сошел Т. Гр. в мастерскую, охнул, упал, и — в половине 6-го — нашего дорогого, родного поэта не стало!..

Из бедной комнатки покойного распространялась страшная весть по Академии,— разливалась далее, далее, и пошла по городу, отыскивая друзей и братий, каждому нанося рану в сердце.

28 февраля утром была похоронная обедня. Тяжело, невыносимо мучительно было прощанье, но, несмотря на то, какое-то отрадное чувство и свежесть веяли на душу. Храм был полон. Все соединились братски в одну печаль, в одно воздыхание. Благоговение к покойному и ненарушимая тишина были кругом. Тут не было лицемерия: непритворная любовь и уважение к Шевченко крепко сдружили нас.

Невозвратимая утрата снедала тоской, давила грудь свинцом. Печальные и сраженные горем приближались мы, один за другим, ко гробу, чтоб над свежим еще телом усопшего высказать его заслугу. Каждый и плакал и радовался, слушая публичную оценку поэта-

человека. Каждое сказанное слово был готов каждый из нас повторить громко,— оно нам всем принадлежало...

«Воспоминание о Шевченко; его смерть и погребение», «Основа», март, 1861, стр. 3—5.

* *
*

[...] 25 февраля (1861 г.) скончался Тарас Григорьевич Шевченко. Смерть его была скоропостижная. Уже несколько месяцев страдал он водянкою [...]. Накануне его смерти я был у него утром; он отозвался, что чувствует себя почти выздоровевшим, и показал мне купленные им золотые часы. Первый раз в жизни завел он себе эту роскошь. Он жил в той же академической мастерской, о которой я говорил выше. На другой день утром Тарас Григорьевич приказал сторожу поставить ему самовар и, одевшись, стал сходить по лестнице с своей спальни, устроенной наверху над мастерской, как лишился чувств и полетел со ступеней вниз. Оказалось по медицинскому осмотру, что водянка бросилась ему к сердцу. Сторож поднял его и дал знать его приятелю, Михаилу Матвеевичу Лазаревскому. Тело Шевченко лежало три дня в церкви Академии художеств. В день погребения явилось большое стечение публики. Над усопшим говорились речи по-русски, по-малорусски и по-польски. Я также произнес небольшое слово... Гроб Шевченко несли студенты университета на Смоленское кладбище. По возвращении с похорон бывшие там малороссы тотчас порешили испросить у правительства дозволение перевезти его тело в Малороссию, чтобы похоронить так, как он сам назначал в одном из своих стихотворений («Заповіт»).

В то время видно было большое сочувствие и уважение к таланту скончавшегося украинского поэта. Большинство окружавших его гроб состояли из великоруссов, которые относились к нему, как относились бы к Пушкину или Кольцову, если бы провожали в могилу последних.

«Автобиография Н. И. Костомарова, под ред. В. Котельникова», стр. 277—278.

* *
*

Умер він [Шевченко] на другий день після своїх іменин — у 26 число, в 6 часів уранці [...]. Тіло лежало в Академії художеств, бо Шевченко там умер. Всі письменні люди, теж узнавши, повалили, мов хмара, так що у церкві був наголо студент та літератор та учений. Ляхи теж усі прийшли. У церкві шилом не повернеш [...]. Це було 28 числа. У 10 часов началась обідня, в 11 кончилась, і началась панахида [...]. Усіх речей було сказано з 15 [...]. Труни не спускали з рук до самого кладовища, до котрого із Академії буде верст з 7. Труна була дубова, оббита срібною парчею, на узглавії кришки на срібній дощечці було написано: «Украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко. 1861 февраля 26 д.». Дубову труну положили у свинцеву через те, що його повезуть на Україну. На поета возложили лавровий вінок, із которого я увірвав три листика і каждий прикладував до його широкого лоба *.

Феоктист Хартахай[18], Письмо к В. Гнилосырову[19] от 28 февраля 1861 г., «Україна», 1925, кн. 1—2, стр. 145—146.

Умер он [Шевченко] на следующий день после своих именин — 26 числа, в 6 часов утра [...]. Тело лежало в Академии художеств, так как Шевченко там умер. Все грамотные люди, тоже узнав об этом, повалили тучей, так что в церкви были сплошь студенты, литераторы и ученые. Поляки тоже все пришли. В церкви яблоку негде упасть [...]. Это было 28 числа. В 10 часов началась обедня, в 11 кончилась, и началась панихида [...] Всего речей было сказано около пятнадцати [...]. Гроба не спускали с рук до самого кладбища, до которого от Академии будет верст семь.

Гроб был дубовый, обитый серебряной парчой, на изголовье крышки на серебряной табличке было написано: «Украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко. 1861 февраля 26 д.». Дубовый гроб положили в свинцовый в связи с тем, что его повезут на Украину. На поэта возложили лавровый венок, из которого я сорвал три листика и каждый прикладывал к его широкому лбу.

---

* Далее следует перевод на русский язык.

* *
*

[...]. Весть о его смерти 26 февраля меня поразила, как громовой удар. Утром 27 февраля я с другом моим, земляком и знакомым покойника, А. И. Н-ко, отправились в Академию. Дверь Шевченко была заперта и запечатана; мы догадались и пошли в академическую церковь. Там в притворе стояла белая гробовая крышка, а перед амвоном на черном катафалке виднелся гроб, обитый белым глазетом. У изголовья маленький человек читал очень медленно и очень тихо. Я вспомнил, как год тому назад поэт хлопотал об издании псалмов, переложенных им на малорусский язык, и всегда озабоченный заходил ко мне по дороге из Александро-Невской лавры на Васильевский остров. Теперь ему читался один из переложенных им псалмов. Красные шторы у церковных окон, против которых стоял гроб, были спущены и бросали красноватый свет на спокойное лицо мертвеца, хранившее на себе печать тех благородных дум, которые не оставляли его при жизни. Три художника с бумагой и карандашами в руках стояли по левую сторону гроба и рисовали [...]. Вскочил какой-то кавалерист, в мундире приятного цвета, звеня шпорами и саблей, но, пройдя несколько шагов по церкви, взял саблю в руки, и, приподняв каблуки, пошел на цыпочках; весь шум, производимый оружием, прекратился. В церкви опять водворилась благоговейная тишина, и раздавался только слабый голос маленького господина, читавшего над малороссийским поэтом воздыхание библейского поэта-царя.

28 февраля по совершении в академической церкви заупокойной обедни по рабе божием Тарасие и после отпевания по уставам церковным ближние покойника почтили его надгробным словом. Всех речей, если не ошибаюсь, было произнесено 9, из них 7 в церкви и 2 на кладбище. Общий смысл этих речей легко себе представить, и я не считаю нужным о них распространяться, потому что стенографировать их не было никакой возможности, а излагать их вкратце — значит портить их. Могу только сказать, что особенно сильно отозвалось в душе слушателей слово любимого нашего профессора Н. И. Костомарова и г. К[урочки]на [20], которому

сдерживаемые слезы мешали произнести свое короткое слово, дышавшее сердечной простотой и искренностью. Могилу для Шевченки вырыли за колокольней кладбищенской церкви, к стороне взморья; до времени он самый крайний жилец Смоленского кладбища, и за его могильной насыпью расстилается белая снежная равнина, как бы слабое напоминание о той широкой степи, о которой он пел и которую измерил еще «малыми ногами». В могилу был опущен дощатый ящик, выстланный в середине свинцом, но так дурно запаянный в дне, что вода набралась в него прежде, чем гроб принесли на кладбище. И на третий день лицо поэта оставалось удивительно благообразным. Огромный лавровый венок окружал его благородное чело,— в руках у многих тоже были цветочные венки, которые они принесли, чтоб положить на свежую могилу поэта [...]. Многие очень жалели, что нет семьи Т[олсты]х [21], которые любили поэта и не забывали его в самые тяжелые минуты его многострадальческой жизни.

Когда крышка ящика, в который поставили гроб, была запаяна, провожавшая покойника толпа стала расходиться. Снег повалил довольно большими хлопьями, какой-то господин с папкой в руках юлил между проходящими, предлагая литографированные портреты мертвого Шевченки [...]. Не стало еще одного человека, целую жизнь думавшего честную думу [...].

Но как поэтическая деятельность Шевченко останется в числе лучших страниц малороссийской словесности, так и самый день погребения его навсегда останется знаменательным в истории украинской письменности и гражданственности. Любимейшая мечта поэта сбылась и громко заявила свое существование. Малороссийское слово приобрело право гражданства, раздавшись впервые в форме ораторской речи над гробом Шевченко. Из девяти напутствований, сказанных над могилой поэта, шесть были произнесены на малороссийском языке. Из остальных трех речей две были произнесены по-русски и одна по-польски, как бы в знамение общего горя славян, пришедших отдать последний долг малороссийскому поэту-страдальцу.

Н. Лесков, Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко. «Русская речь» [22], 1861, № 21, стр. 315—316.

* *
*

Как громом поразила нас нежданная весть о смерти Шевченко. На чужбине отслужили мы по нем панихиду, но мысленно были вместе с друзьями, около его гроба, сливаясь сердцем с их скорбью. Было что-то бесконечно горькое, трагическое в этой смерти [...]. Певцу позволено было свить желанное гнездо на любимой родине, а судьба с злою насмешкой подкосила его жизнь. Шел он тернистым и мрачным путем к мерцавшему его вещей душе свету, и вот почти дошел, уже озаряло его сияньем, уже охватывало его теплыми лучами, а он пал холодным трупом, не насладившись, не упившись новым счастьем...

[...] Не дается, видимо, личное счастье людям, призванным служить человечеству. Не далось оно и нашему Тарасу Григорьевичу, зато память о нем осталась жива и светла в душе его друзей и поклонников, и, как живой, встанет его прекрасный образ перед всяким, кто когда-либо прочтет его жгучие и нежные, полные любви творения, так ярко рисующие его личность.

Екатерина Юнге[23], Воспоминания о Шевченко, «Вестник Европы», 1883, август, стр. 842.

* *
*

Обізвемось до тебе, батьку, і ще раз нашою рідною материною мовою, що нею ти проспівав на всю Україну свої думи пророчі [...].

Чи справді замовк ти навіки?... Замовк — і сумно стало округи, разом порвалось у грудях, — що не стало поради вірної — батька у дітей, а тепер ми вже не ймемо тому віри,— бо не замовкне вовіки твій голос між нашим народом. Мов луна неперестанна, оддаватиметься він і нам, і нащадкам нашим, поки не замре у синів України щиреє серце, поки нам миле ріднеє слово і громадське добро... За твоїм льотом і ми полетіли— і вже не згорнемо крил: підіймемось раз і вдруге; будемо літати, як той голуб Ноїв, поки не знайдемо свого пристанища.

Хто ж ти такий, що так орудував нами за життя свого і правиш душею нашею і з сії труни тісної? Нащо ти жив у світі? Чом не затерла тебе гіркая доля, як перед тобою і за тобою позатирала вона чимало братів наших убогих і безталанних?.. Тепер зрозуміли і свої і чужі, нащо здався твій вік недовгий. Душа душу чує; почула душа наша, за кого ти тужив, за кого журився і побився, як осуджений, за кого серце твоє люб'яче не знало упокою ніколи і лило гарячі братні сльози. В тих теплих сльозах твоїх були людськії сльози: угадав ти, в кого болить і що болить, і все розказав світу. Ти ввесь у своїх піснях прозорих і мощних, як хвиля на морі; ввесь із твоїм серцем високим, кипучим і ніжним, із твоєю вічною тугою за долю людськую. Твої пісні — високе слово правди і любові — не для самого тільки твого народу.

Бач, скільки зібралось доброго люду коло тебе. Різних батьків і різних язиків, а всі як брати тобі рідні, бо ти всім жадав добра і правди, а для себе дождавсь тільки тісної могили. Убога чужа хатина, старенька одежина — от усе, що скористував ти своїм життям гірким. «Тільки його й долі, що рано заснув...»

«Ми не лукавили з тобою», мовляв ти до своєї долі: «ми просто йшли: у нас нема зерна неправди за собою». Отсе ж і твоя слава вічна і скарб найдорожчий: сього вже ніщо і ніхто не одбере від тебе. Оце ж і твій завіт для нас, для твоїх синів-українців. Як доживемо ми до того, що й об нас люди скажуть: «у вас нема зерна неправди за собою»,— оттоді настане тобі праведна наша дяка, і з чистих діл наших спорядять тобі віковічний пам'ятник. А поки що — оддихай, батьку, по твоїм життю тяжкім, а нас, молодших, благослови на неустанну роботу для добра України і всього світу! *

В. М. Білозерський[24], Слова над гробом Шевченка, «Основа», 1861, март, стр. 6—7.

Обратимся к тебе, батько, еще раз нашей родной материнской речью, которой ты пропел на всю Украину свои думы пророческие [...].

Неужели умолк ты навеки? Умолк — и грустно стало вокруг, вдруг порвалось что-то в груди, — что не стало опоры верной — отца у детей, а сейчас мы уже не верим этому, ибо не умолкнет

---

* Далее следует перевод на русский язык.

вовеки твой голос среди нашего народа. Подобно несмолкающему эхо будет он звучать и нам, и потомкам нашим, до тех пор, пока не перестанет биться у сыновей Украины верное сердце, пока любо нам родное слово и общественное добро... За твоим полетом и мы взлетели — и уже не сложим крылья: поднимемся раз и еще раз; будем летать, как голубь Ноев, пока не найдем своего пристанища.

Кто же ты такой, что так владел нами при жизни своей и направляешь душу нашу из этого тесного гроба? Для чего ты жил на свете? Почему не погубила тебя горькая судьба, как до тебя и после тебя погубила она многих братьев наших бедных и несчастных... Теперь понял и свой и чужой, чему посвящена была жизнь твоя недолгая. Душа душу чует, почуяла душа наша, за кого ты печалился, за кого сокрушался, о ком беспокоился, как осужденный, за кого сердце твое любящее не знало ни дня покоя и лило горячие братские слезы. В этих теплых слезах твоих были людские слезы: угадал ты, у кого болит и что болит, и все рассказал миру. Ты весь в твоих песнях прозрачных и мощных, как волна морская; весь с твоим сердцем возвышенным, кипучим и нежным, с твоей вечной скорбью за судьбу человека. Твои песни — возвышенное слово правды и любви — не для одного только твоего народа.

Взгляни, сколько собралось добрых людей возле тебя. Разных отцов и разных языков, а все — будто братья твои родные, ибо ты для всех хотел добра и правды, а для себя дождался лишь тесной могилы. Бедный чужой дом, старенькая одежда — вот все, что имел ты за свою горькую жизнь. «Тільки того й долі, що рано заснув»...

«Ми не лукавили з тобою», говорил ты своей судьбе: «ми просто йшли; у нас нема зерна неправди за собою». Вот в чем твоя слава и богатство неоценимое: этого уж никто и ничто не отнимет у тебя. Это же и твоя заповедь для нас, для твоих сыновей-украинцев. Когда доживем мы до того, что и про нас люди скажут: «у вас нема зерна неправди за собою»,— тогда прозвучит тебе праведное наше спасибо, и из чистых деяний наших соорудят тебе вечный памятник. А пока — почивай, батько, от своей тяжкой жизни, а нас, младших благослови на неустанную работу для добра Украины и всего мира!

* *
*

Смертный одр усопшего поэта не окружали ни родные, ни жена, ни дети. Одинока была его смерть, напоминавшая украинскую песню:

Ой, загинула козацька головонька
Без роду-родини,
Без вірної дружини.
Без вірної дружини.

Но гроб его теперь окружен не чужими. Поэт не остался чуждым и для великорусского племени, которое воспитало его, после долгих житейских страданий. На его закат блеснула прощальною улыбкой любовь — не

женская любовь, часто изменчивая и лукавая, а бескорыстная, святая любовь душ, способных понимать изящное.

Такова сила поэзии! В какой бы исключительной форме ни проявлялась она, как бы тесно ни соединялась она с народностью и местностью,— ее общечеловеческий смысл не может укрыться и [не] сделаться общим достоянием.

Шевченко не был только поэтом для Украины: он — поэт сельского народа, воспитавший в себе поэтическое вдохновение его существом и передавший его образованному миру в прекрасных безыскуственных образах, добытых им из сокровищницы своей богатой природы.

Простимся с дорогим поэтом словами украинской думы:

Слава твоя не вмре, не поляже!
Буде слава славна
Поміж козаками,
Поміж друзями,
Поміж рицарями,
Поміж добрими молодцями!
Утверди, боже, люду руського,
Народу християнського,
З черню Дніпровою, Низовою,
На многії літа,
До кінця віка!

Н. И. Костомаров, Слова над гробом Шевченко, «Основа», 1861, март, стр. 8.

* *
*

Пусть также и польское слово, короткое, но сердечное, раздается у твоего гроба, достойный поэт русинский! Ты любил свой край родной, свой Днепр синий, свой народ сермяжный; ты был мощным певцом этого народа; на слезы его ты всегда отвечал слезами. Честь же тебе, достойный Тарас, честь тебе [...].

Но пусть у твоего гроба умолкнут всякие упреки, пусть здесь слышится одно сердечное слово: честь тебе!

За ошибки отцов не отвечают их дети, не станем же вспоминать здесь про старые ссоры давно минувшего, а скажем лучше братское: «полюбим друг друга!» О, если бы твоя смерть, почтенный Тарас, и этот торжест-

венно-печальный обряд были началом новой жизни! О, если бы на твоей могиле умолкло хоть несколько ненавистей, если бы это начало повело в будущем к постепенному взаимному, братскому уразумению и к забвению давних неправд и принесло как зернышко, брошенное в землю, обильный плод! Это был твой прекраснейший венец и величественный памятник.

В. Ю. Хорошевский[25], Слова над гробом Шевченко, «Основа», 1861, март, стр. 9.

* *
*

Сумно і страшно вимовить: «Тарас Григорович умер!», а ще страшніше сказати: «На чужій чужині!» Україно, мати наша! Де твоя утіха, де вітає і що тепер робить? Зомліли ніженьки, що по світу носили, зложились рученьки, що тобі служили, закрились карі очі, що на тебе, любуючись і сумуючи, гляділи, минулися думи і пісні! Перестав твій Тарас сльози лити, стомився, заснути схотів. Матінко наша Україно, степи наші, могили, Дніпр широкий, небо наше синє! Хто вам пісню заспіває і про вас загадається? Хто вас так щиро любитиме і за вас душу положить! Тарас Григорович — у труні [...]. Затих і замовк наш соловейко навіки! Україно, Україно, де твій син вірний? Мова українська! Де твій батько, що тебе так шанував, що через його й тебе ще більше поважати стали? Надумався, наплакався, та й годі сказав: тісно йому було на сім світі, він його й покинув...

Довго тебе, тату, на Україну вижидали; як дощику майового ждали,— тепер перестануть! Як сонечко ясне, що з-за чорних хмар визирає, показувавсь ти на рідній землі, та недовго в їй вітав, усе тебе доля на чужину закликала — і очі на чужині закрила, в чужій землі, в чужій труні тіло поховала. Спи ж, тату, поки правда з кривдою силу мірять буде, поки правда запанує на світі!...*

Ф. Хартахай, Слова над гробом Шевченко, «Основа», 1861, март, стр. 13—14.

---

* Далее следует перевод на русский язык.

Грустно и страшно вымолвить: «Тарас Григорьевич умер!», а еще страшнее сказать: «На чужбине!» Украина, мать наша! Где твоя радость, где витает и что теперь делает? Сомлели ноженьки, что по земле носили, сложились рученьки, что тебе служили, закрылись карие очи, что на тебя любуясь и грустя смотрели, умолкли думы и песни! Перестал твой Тарас слезы лить, утомился, уснуть захотел. Матушка наша Украина, степи наши, могилы, Днепр широкий, небо наше синее! Кто вам песнь пропоет и о вас задумается? Кто вас так искренне любить будет и за вас душу отдаст! Тарас Григорьевич — в гробу [...]. Утих, умолк наш соловейко навеки! Украина, Украина, где твой сын верный? Язык украинский! Где твой батько, так почитавший тебя, что благодаря ему и тебя еще больше уважать стали? Надумался, наплакался и руки сложил: тесно ему было на этом свете, он его и покинул...

Долго тебя, батько, на Украине ожидали; как дождя майского ждали,— теперь перестанут! Как солнышко ясное, что из-за черных туч выглядывает, показывался ты на родной земле, да недолго на ней оставался — все тебя судьба на чужбину звала — и очи на чужбине закрыла, в чужой земле, в чужом гробу тело похоронила. Спи же, батько, пока правда с кривдой силами меряется, пока правда восторжествует на свете!..

* *
*

Еще одна могила раскрылась перед нами! Еще одна чистая, честная, светлая личность оставила нас; еще один человек, принадлежавший к высокой семье избранников, высказавших за народ самые светлые его верования, угадавший самые заветные его желания и передавший все это неумирающим словом,— окончил горькую жизнь свою, исполненную борьбы за убеждение и всякого рода страданий... Но не будемте горевать об этом... не о многих можно сказать, как об нем: он сделал в жизни свое дело!

Счастье в жизни было не для него,— его ждет другое, посмертное счастье — слава...

Н. С. Курочкин, Слова над гробом Шевченко, «Основа», 1861, март, стр. 14—15.

* *
*

Спи, страдалец, несчастный друг бедного народа! Не видал ты ясных дней в своей жизни, потому что туманом покрыта была Украина! Но ты уснул на заре светлого ясного дня, в виду земли обетованной.

Песня старой твоей родины воскресла в тебе и не умрет! Твой «Кобзарь» будет гулять по ней за тебя и, как правнук твоего дела, расскажет про давню долю України!

Пермитянин Южаков[26], слова над гробом Шевченко, «Основа», 1861, март, стр. 15.

* *
*

Еще одна потеря в славянском мире; еще одна могила на славном кладбище.

Угас великий поэт, угас человек, у которого не было зерна неправды за собою. Но не потеряется это светило посреди теней... Сравняется его могила — но его грустное существование, его слова, слезы не погибнут, и далекие потомки скажут о нем: недаром він на світ родився, свою Україну любив!

П. П. Чубинский[27], Слова над гробом Шевченко, «Основа», 1861, март, стр. 15.

* *
*

Еще одной жизни не стало! Еще одна могила в числе народных могил! 26 февраля, в пять с половиной часов, умер Шевченко. Поэт Украины закрыл глаза далеко от своей милой родины, под серым небом Петербурга.

Впечатление еще слишком тяжело, могила еще слишком свежа, чтобы хладнокровно говорить о любимом певце; но нельзя и не сказать, хоть сквозь слезы, о таком покойнике.

В нынешнем году Шевченко был болен, но выходил навещать близких ему людей, работал и не думал о смерти, еще надеялся и мечтал. Как старый знакомый я видел его в последний раз в академии, в его труженической студии, он прислал за мной посоветоваться об издании книг для народного чтения. Застав его за работой, я дружески упрекнул Шевченко, что он не послушался меня и выходил в сырую погоду. Он отвечал

с добродушной улыбкой: «Скучно было, не вытерпел». О литературе мы говорили, однако ж, очень мало, а все время делали предположение о поездке весной на родину: куда направиться, где разойтись и где потом встретиться. Шевченко собирался купить себе землю по берегу Днепра и построить хату. Он показывал мне план этой хаты, утешался, как дитя, мыслью, что огромное окно мастерской будет выходить на Днепр, который он страстно любил. Сколько задушевной теплоты было в этих грезах о тихом приюте среди доброго и простого народа, которому искренно желал образования и счастья! Он был разговорчивее, чем когда-нибудь, и каждое слово его в дружеской беседе падало мне тяжелым камнем на сердце, в котором шевелилось подозрение в неизлечимости его болезни. Я оставался сколько мог долее у Шевченко, словно предчувствуя вечную разлуку. Наконец, я взялся за шляпу. «Посиди, покури еще,— сказал он,— мне не хочется работать, несдужаю, побалакаем». На окне стоял у него горшок цветов с бледной тощей зеленью. «Знаешь ли,— начал он,— что теперь меня больше всего печалит: это — невозможность пойти в какую-нибудь хорошую оранжерею и побыть хоть полчаса среди цветущих деревьев». Я тотчас же предложил ему прислать куст камелий в цвету, который мне недавно подарили. «Спасибо, не надо,— отвечал он,— у тебя у самого, может быть, это единственное наслаждение. Не надо». Уходя, я советовал ему не садиться близко к окну, но он рассмеялся и заметил, что занятия его требуют много света. Я жаловался на распутицу и скорбел на невозможность посещать его часто, но просил уведомить, если б болезнь задержала его в квартире. Прошло несколько дней... меня никто не уведомил, а вчера вечером я обнял уже бездыханный труп поэта... После краткой литии мы перенесли покойника в академическую церковь. Мало было посетителей, одни близкие люди, но все лица были глубоко опечалены, во всех глазах дрожали слезы... Мир праху твоему! благородный поэт! Да будет над тобой «земля пером», по выражению украинцев. Ты имел слабости, как и всякий, но слабости эти выкупались и теплой любовью к человечеству, и чистотой души, и той строгой честностью, которая так редка в мире, и тем бескорыстием, которое ценил ты выше всего в горячо любимом

народе. Прощай же, наш славный Кобзарь! При жизни не было у тебя радостей, да и по смерти не исполнилось твое давнишнее завещание, выраженное во время юности гармоническими стихами: тебя хоронят не на родине, над любимым Днепром, а под снегами, на далеком Севере. Но ты и здесь не среди чужих: на гробе у тебя лежали цветы, а на могилу твою не одна украинка положит душистый венок, орошенный теплой любовной слезой.

А. Чужбинский[28], «Основа», февраль, Петербург.

* *
*

Могила Шевченко находится на Смоленском кладбище, на том самом месте, где иногда сиживал и задумывался покойный. Он даже рисовал это место.

Прощай, мой дорогой! как теперь вижу тебя — с опущенной вниз головой, руки в карманы, глаза всегда грустные...

Выпущенный на волю, Шевченко ехал на пароходе и три ночи не смыкал глаз. Оставив в Астрахани свой наемный чулан, Шевченко отдыхал в дороге; он был успокоен дружеским человеческим приемом пароходной публики, от которого давно отвык. В своем дневнике он писал: «Все так дружески просты, так внимательны, что я от избытка восторга не знаю, что с собою делать, и, разумеется, только бегаю взад и вперед по палубе, как школьник, вырвавшийся из школы. Теперь только я сознаю отвратительное влияние десяти лет, — и такой быстрый и неожиданный контраст мне не дает еще войти в себя. Простое человеческое обращение со мною теперь мне кажется чем-то сверхъестественным, невероятным». Душа его была сильно встревожена: знакомые мотивы, малейшее чувство потрясали его до глубины души. Три ночи на пароходе вольноотпущенный буфетчик играл на дурной скрипке, и Шевченко заслушивался его скорбных, вопиющих звуков и писал: «Три ночи этот вольноотпущенный чудотворец безвозмездно возносит мою душу к творцу вечной красоты пленительными звуками своей скрипицы. Из этого инструмента он извлекает волшебные звуки, в

особенности в мазурках Шопена. Я не наслушаюсь этих общеславянских сердечно, глубоко унылых песен. Благодарю тебя, крепостного Паганини! Благодарю тебя, мой случайный, мой благородный!..».

...Что прибавить ко всему сказанному? Малороссы, великороссияне, поляки, мужчины, женщины оплакали Шевченко. Оценка частью сделана, но вполне оценится поэт художник не теперь. Полный разбор его жизни требует годового труда.

Он был живая песнь... живая скорбь и плач. Он босыми ногами прошел по колючему терну; весь гнет века пал на его голову; покоя не было этому вдовиному сыну. Но иногда он возносился духом, пробуждал и зарождал, поддерживал и укреплял в каждом— то песнею, то словом, то собственною жизнью — правду и безграничную любовь к сироте.

Вышед из простого народа, он не отворачивался от нищеты и сермяги — нет, напротив! — он и нас обернул лицом к народу и заставил полюбить его и сочувствовать его скорби. Он шел попереду, указывая и чистоту слова, и чистоту мысли, и чистоту жизни.

Как художник (в прямом смысле) он заслужил себе имя доброе и честное. И на этой дороге он был один из первых обратившихся к родному. Я напомню его давний художественный труд «Живописная Украина», потом множество других рисунков, и особенно «Блудного сына». В народном искусстве ни у кого не высказалось столько сознания, столько силы, как у него. Тогда как другие ловили прелесть, с спокойным духом писали мирный уголок, свадьбу, ярмарку и проч.,— его дух волновался, страдал и выливался горькими слезами, которые потом обратились в беспокойное негодование, залитое желчью.

Некоторые, знающие Шевченко как поэта, слегка упрекают его в однообразии. Упрек этот несправедлив. Его поэзия была отголоском жизни, однообразным настолько, насколько однообразна жизнь народа. Он слишком глубоко чувствовал, слишком был близок бездольной голоте. Крепостное горе всегда стояло перед его глазами. Душа его нашла себе одно созвучие, одно подобие— народ... Слова его замирали на устах, — вырывались одни рыдания.

Я не бачу щасливого —
Все плаче, все гине...
І рад би я сховаться,
Але де — не знаю.
Скрізь неправда — де не гляну...
Серце в'яне, засихає,
Замерзають сльози...
І втомивсь я, одинокий,
На самій дорозі.
Отаке-то! не здивуйте,
Що вороном крячу:
Хмара сонце заступила,—
Я світа не бачу.

Жизнь Шевченко, вся вместе взятая, есть песнь. Это— печальное высокохудожественное произведение. Вырванный из народа, он представляет собой самый поэтический его образчик.

Добрый до наивности, теплый и любящий, он был тверд, силен духом, как идеал его народа. Самые предсмертные муки не вырвали у него ни единого стона из груди. И тогда, когда он подавлял в самом себе мучительные боли, сжимая зубы и вырывая зубами усы, в нем достало власти над собой, чтоб с улыбкой выговорить «спасибі!» тем, которые об нем вспомнили вдали, на родине.

Дружеское участие оживило умирающего. Он отдал жизнь свою народу всецело и до смерти стоял у него на страже, стремясь избавить его грамотой от нелепого невежества и защищая от грозящего ему насильственного просвещения; трудовую свою копейку он отдавал на народ... Он был сила, сплавляющая нас с народом. Он пробудил нас к новой жизни.

Замолкли его уста... Смерть холодом легла на разумное широкое чело поэта. Несчастье тешилось над ним. Развитие его послужило ему только для горьшего уразумения печального своего существования.

Разрушительной силой смерти он отнят от нас. Кто наследует его чудную песнь?..

Засыпана твоя могила.

...Вкруг тебя все могилы и две детские могилы подле. Бедные, без венков, без крестов...

Мы дорожили каждым словом поэта при жизни; теперь — это святой долг каждого. Пусть каждый припомнит что-нибудь,— все теперь дорого. Пусть каждый послужит листком для его венка. Теперь время собирать его

многозначущее жизнеописание. От него мы не услышим ничего. Он с собой унес многое, на что недоставало у него силы рассказать. Он старался забыть свою жизнь, он скрывал ее — от друзей и от врагов.

...Заховаю змію люту
Коло свого серця,
Щоб вороги не бачили,
Як лихо сміється...

...Нема ворогів у могилі... нет и не должно их быть. Не от кого скрывать печальных дней Шевченко. Не в смех они послужат, а составят славу и честь человека.

Л. Жемчужников[29], Воспоминание о Шевченко, «Основа», 1861, март, стр. 18—21.

* *
*

Смоленское кладбище в Петербурге было только временным местом успокоения останков Шевченко. Друзья поэта, зная его страстное желание умереть на родине и помня его последнюю волю, высказанную даже в стихотворении «Завещание», — быть погребенным в родной земле, задумали перевезти тело его в Украйну и похоронить в том месте, на берегу шумящего Днепра, которое так нравилось ему при жизни и которое он решил было приобрести в собственность.

В начале весны того же (1861) года двинулся из столицы в Малороссию печальный поезд с останками Шевченко. Гроб был покрыт, по казацкому обычаю, червоною (красною) китайкою. Почести, которыми сопровождались проводы, и встреча праха Шевченко в Малороссии лучше всего показывают, какой любовью и уважением пользовался он.

В. П. Маслов[30], Тарас Григорьевич Шевченко, Биографический очерк, М., 1874, стр. 47.

* *
*

Желая чем-нибудь отозваться на только что замерший голос любви, земляки Шевченко устроили 27 апреля концерт с целью услышать родные звуки песен, в которых

вылилась вся чувствительная душа южноруса, или украинца, вся радость и тоска его, все высокие побуждения души, которые родили так много прекрасных чувств и дум в сынах Украины. Шевченко, которого душа отзывалась на все изящное, особенно на звуки, сам пел превосходно и любил песни украинские до увлечения. В память его земляки пожелали дать концерт, достойный своей пламенной, нежной любви к домашнему крову, — оправдать, осмыслить эту любовь перед братьями своими, великоруссами.

И. Н. Таволга-Мокрицкий,
Концерт 27 апреля, «Основа», 1861,
июнь, стр. 149.

* *
*

Когда в Петербурге, при выносе тела Шевченко из церкви, хотели поставить гроб на дроги, то молодежь не допустила; понесли на руках, сменяясь. Народу тысячи полторы было — не черного, не любопытных зрителей, а людей интеллигентных, уважающих в Шевченке поэта и человека. Многие навзрыд рыдали; за одного юношу просто боялись... Дамы свежими цветами забросали, студенты принесли лавровый венок... Сколько речей было сказано!... А какое у него прекрасное, светлое выражение лица было! Всем хотелось сказать: «Огляньться, голубе ты наш, да встань! Годи уже нас морочить, томить! Ты жив, не вмер ще!»... Первоначально было предположено поручить провожание тела в Канев художнику Мокрицкому да А. М. Лазаревскому. День для отправки был назначен 26 апреля, а 27 апр. в память Шевченко предположено было дать в Петербурге концерт, а сбор употребить на содержание бедного студента. (Из современ. письма от очевидца.)

Покойный Мих. Матв. Лазаревский сообщил мне, что когда разрыли могилу Шевченко в Петербурге для перевозки тела в Украйну, то вскрывали и гроб: тело в течение двух месяцев нисколько не изменилось, но покрылось плесенью. В Москве гроб Шевченко стоял за городом, на дворе какого-то столяра, среди куч стружек; стечение публики было значительное.

В Орле гроб встретили ученики гимназии; полковой хор играл похоронный марш, скомпонованный капель-

мейстером из песни: «Не ходи, Грицю, на вечерницы!». Тело было с торжеством проведено за город.

В Борзенщине Шевченко был очень хорошо известен даже между мало-мальски образованными людьми, как поэт, певец и рисовальщик; но среди просветителей детей оказался служитель министерства народного просвещения, который даже не слыхивал имени Шевченко. Когда в мае 1861 г. в Борзне приготовлялись к торжественной встрече тела Шевченко, В. Н. Забела[31] особенно суетился; на улице к нему подошел старик-учитель уездного училища, С-кий, и обратился к Забеле с следующими расспросами: «Дак кого се везтимуть у свинцевому гроби?» — Шевченко, отвечал Забела. — «Хто вин такий?» — Коваль. — «Дак за що його везтимуть так далеко?» — За те, що добре кував. — Учитель и рот разинул от удивления: «А-а»!

В Борзне на ночь гроб был поставлен на «цвинтари» Рождественской церкви.

В с. Оленовке, Борзенского уезда, была панихида, которую отправляли два священника обеих оленовских церквей; за гробом дивчина несла «канун». Гроб сопровождали: художник Гр. Н. Честаховский[32] и А. М. Лазаревский. Первый заносил в свой альбом картины провода тела Шевченко, сцену на цвинтаре оленовской церкви, несение за гробом «кануну» и проч. Гроб провожали далеко за село. В одном лесном хуторе был обед для народа; в числе бывших на обеде находились лица из бывшей комнатной прислуги Б-х, хорошо помнившие Шевченко, гостившего в 1847 г. в х. Мотроновке.

В Нежине встреча была особенно торжественная: на встречу вышли все цеховые со значками, лицеисты и гимназисты.

В Киеве встреча была на шоссейном мосту; лошадей выпрягли, и гроб повезла публика. В это время через мост переезжал черниговский архиерей, известный писатель, Филарет Гумилевский[33]; выйдя из экипажа, он благословил прах Шевченко. По прибытии в город гроб поставили в Рождественской церкви на Подоле; на него была положена масса венков; но вот вошла дама в трауре и положила терновый венок:

венец терновый,
увитый лаврами, надела на него.

Это произвело сенсацию; полиция убрала этот венок. Из Киева до Канева гроб везли на пароходе.

Могилу над гробом Шевченко высыпали в несколько дней; работали 17 человек и в числе их В. Н. Забела. С этой картины была снята фотография.

Н. Белозерский, Смерть Шевченко, перевоз тела и погребение в Каневе, «Киевская старина», 1882, октябрь, стр. 75—76.

* *
*

Кто-то сказал, что впечатление, производимое *смертью* человека, показывает значение его *жизни*. И это правда. Только смерть, как последнее слово вполне высказавшейся идеи — жизни, заставляет нас сосредоточиться, отдать себе отчет в ее смысле, привести в ясность и отношения наши к умершему, и ощущения нашего сердца, пораженного неожиданным ударом судьбы, которая часто безжалостно останавливает человека на полпути и в самую лучшую для него минуту.

Смерть общественного деятеля примиряет непримиримых, пробуждает сочувствие охладевших, вызывает беспристрастие в пристрастных, погружает в безвыходное горе слабых и воодушевляет сильных духом на дальнейшее дело, на новую борьбу, борьбу усиленную, потому что еще одной силой стало меньше. Смерть общественного человека уясняет и его самого и самое общество: по впечатлительности и последующим проявлениям общественного сердца можно наверное судить, чем оно бьется, и если оно нездорово, то симптомы болезни выкажутся скорее всего тут, в его тревожном состоянии.

По нашему наблюдению, и смерть Шевченко вызвала наружу все, что есть живого в нашем южнорусском обществе. Шевченко обнимал так широко прошедшую и настоящую жизнь родины, так верно понимал состояние современного нашего общества и потребности народа, что его поэзия, естественно, должна была коснуться всякого. Поэтому у нас нет человека, который, имея какое-нибудь понятие о Шевченко, мог остаться совершенно равнодушным к его смерти и не высказаться так или иначе.

проследить за всеми действиями и взаимными отношениями людей, сочувствующих родине, за всеми толками, возникшими вследствие этой великой утраты, было бы в высшей степени полезно и любопытно: вся громада и отдельные личности, волей-неволей, определились бы при этом настолько ясно, что можно было бы смело сделать некоторые не бесплодные выводы и для настоящего и для будущего... Мы на этот раз ограничиваем свою задачу исторически верным изложением фактов, которые дошли до нас по сю пору.

По всем известиям, смерть бедного Кобзаря отозвалась повсюду — от хат до палат, в украинцах и неукраинцах, читавших и не читавших Шевченко, а только слышавших об этом крепаке-поэте.

И — что всего замечательнее — сочувствие это в большинстве возбуждено не произведениями его за последнее время, известными лишь весьма немногим: оно идет с давнего времени, со времени появления «Кобзаря» в 1840 г., и только обновлено изданием его в 1860. Это сочувствие не изменяло поэту во все 20 лет его литературной известности; он и сам, быть может, не подозревал, как оно было велико и глубоко, так точно, как весьма многие только по смерти Шевченко поняли все высокое его значение, только по смерти его узнали, что Тарас действительно был для украинцев батьком. Да иначе и не могло быть: стоит только припомнить наше прошедшее, характер Шевченко как человека и уяснить себе содержание и направление его поэзии.

Десятилетняя разлука Украины с Шевченко нисколько не охладила восторга и любви молодого поколения к поэту, который нежданно (в 1840 г.) заговорил языком, по мнению письменных, уже замершим на устах простого, непросвещенного народа, языком, давно осужденным ими на безжизненность. С самых первых песен Кобзаря оживилась надежда немногих, еще связанных с корнем народной жизни, что этот мелодический родной язык, эта богатая и прекрасная народная поэзия, отразившая в себе такую живую жизнь, не умрут бесплодно; а через несколько лет, когда взгляд Шевченко расширился, когда жизнь и искусство мало-помалу восполнили в его развитии то, чего не дало ему образование, когда его песни зазвучали всеми струнами народной души и народное слово каким-то чудом стало выражать са-

мые задушевные думы современного человека, надежда немногих перешла в отрадную уверенность, и вскоре самые неверующие поверили в возможность развития нашего языка словесности и жизни на чистых народных началах [...]. Муза его раздирала завесу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!.. Поэзия всегда идет вперед, всегда решается на смелое дело; по ее следам идут история, наука и практический труд. Легче бывает последним, но тяжело первой. Сильное зрение, крепкие нервы нужно иметь, чтоб не ослепнуть или не упасть без чувств от внезапного света истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колее, мимо таинственного занавеса,— не знающей, что сокрывается за этим занавесом! Тарасова муза прорвала своим светом какой-то подземный заклеп, уже несколько веков запертый многими замками, запечатанный многими печатями, засыпанный землей, нарочно вспаханной и засеянной, чтобы скрыть для потомства даже память о месте, где находится подземная пустота: Тарасова муза смело проникла в эту пустоту с своим неугасимым светочем и открыла за собой путь и солнечным лучам, и свежему воздуху, и людской любознательности. Шевченко как поэт — это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество. Песня Шевченко была сама по себе народная песня, только новая, — такая песня, какую мог бы запеть теперь целый народ, — какая должна была вылиться из народной души, в положении народной современной истории. С этой стороны Шевченко был избранник народа в прямом значении этого слова; народ как бы избрал его петь вместо себя.

То, что принимали за смерть, был только сон, утомление, разочарование после долгой и бесплодной для народного блага борьбы: явился истинный поэт, с неугасимой искрой Прометея —

И — о, диво! трупы встали
И очи раскрыли:
И брат с братом обнялися
И проговорили
Слово тихой любви
На вики и вики...

Облегчить обремененного, поднять покинутого или падшего, возвысить его до достоинства человека, про-

будить его к жизни ему свойственной, самобытной,— вот идея, одушевлявшая Шевченко от первой до последней минуты жизни. Независимо от того, что поэзия Шевченко была в высшей степени проста, нежна, образна, независимо от того, что она народна,— понятна решительно каждому, — жизненность ее заключалась именно в общечеловечности его дум и чувств: при всей своей народности поэзия Шевченко не носит в себе ни малейшего признака какой бы то ни было исключительности — национальной, религиозной, политической, сословной; его песни исполнены такой глубокой наивности — искренности, такой человеческой правды, что нет ни одного народа, нет ни одного современно развитого человека, который бы не признал их близкими, родными себе. Нам рассказывал известный славянист, лужицкий серб, г. Смолер[34], что в одном обществе из представителей разных славянских племен кто-то предложил, чтобы каждый прочитал на своем наречии то, что ему всего более по сердцу. И вот один, вместо того чтобы читать на родном языке, просил согласия на прочтение украинских стихов Шевченко: в своем собственном он не нашел ничего более симпатичного... Великая душа Шевченко была полна безграничной любви к человеку и сочувственного беспристрастия ко всякому: от киргиза до украинца, от дикаря до Тургенева, от богача до бедняка, от пана до варнака; он, учась немногому, или, вернее, почти не учась ничему, понимал жизнь лучше весьма и весьма многих, которые целый век свой просидели за книгами и ничего из них не умели вычитать, кроме узкой, обрамленной, все заранее порешающей системы. Шевченко любил и уважал человека как он есть, как он вышел из рук жизни, истории; он яснее многих разумел, отчего люди вышли такими, а не иными, и был снисходителен ко всем их недостаткам,— быть может, и оттого, что сам прошел все степени нравственного развития, мог на себе наблюдать весь ход его, все трудности, лежащие вне и внутри человека, на пути к тому, чтобы стать истинным человеком.

«Значение Шевченко для Украины. Проводы тела его в Украину из Петербурга», «Основа», 1861, апрель, стр. 1—4.

*   *
*

Вчера, часа в два, мы по письму из Петербурга узнали, что тело Тараса Григорьевича Шевченко повезут через Орел. М. М. Лазаревский, получивший это письмо, пригласил всех, и знакомых, и незнакомых, кому только дорога память Шевченко, прийти к нему часов в семь, чтобы решить, как встретить знаменитого покойника.

Когда мы, в числе 9 человек, собрались, то положили: 1) назавтра телеграфической депешей спросить Тулу, проехало ли тело Тараса Григорьевича через этот город, и если не проехало, то просить об уведомлении, когда оно проедет; 2) отправить завтра эстафет на первую от Орла станцию и пригласить одного из провожающих тело приехать в Орел, а другому остаться при гробе; 3) одному из нас ехать за 5 верст от города в ботанический сад для покупки венка, цветов, а остальным уведомить своих знакомых, что завтра будут провозить тело Шевченко.

Лишь только мы разошлись часу в 12-м, как Лазаревский узнал, что тело уже привезено на станцию; он дал знать об этом, прибавив, что тело Тараса Григорьевича пробудет до 9 часов утра.

Много было желающих поклониться праху знаменитого покойника; многим должно было сказать, что они только до 9 часов могут поклониться гробу Шевченко, но времени оставалось мало, — часа четыре-пять не больше и то ночью.

Как приглашен был полковой священник камчатского полка, я не знаю; но когда я пришел на почтовую станцию, то узнал, что мы можем отслужить и панихиду. Народу, несмотря на то что очень короткое время позволяло известить только немногих, собралось довольно много: тут были и чиновники, и купцы, и офицеры, и простые мужики...

— Где стоит гроб? — спросил я кого-то, проходя к почтовой станции.

— Ступайте в ворота, там на дворе под сараем!

Вхожу: на дворе под навесом, среди пустых ямских телег, на куче навоза, стоят дроги с гробом, покрытым

Червоною китайкою,
Заслугою казацкою!..

Толпа народу более и более прибывала... наконец в половине десятого гроб, окруженный толпою, вывезли на улицу; пришли гимназисты с своим попечителем, директором, учителями; священник отслужил панихиду, и поезд тронулся.

По пути толпа народу увеличивалась, как снежный ком; приехали несколько дам; мальчишки шмыгали около гроба... И, несмотря на страшную жару, провожали поэта за шоссейную заставу.

За заставой отслужили панихиду; нам дали один из венков, лежащих на гробе, который и был разорван всеми в одну минуту, а другой, на память, в гимназию. Гроб, украшенный венками, тронулся; мы пошли в гимназию, где была отслужена панихида и объявлена подписка на училище в честь Шевченко и в пользу его семейства.

Павел Якушкин[35], «Северная пчела», 1861, № 119.

* *
*

Шевченко умер — и когда горестная весть достигла Украины и Галицкой Руси, тотчас увидели, что это было общественным несчастьем, народной утратою. Львовская молодежь носила траур (жалобный кокарди, как пишут оттуда) на своих казацких шапках. В Киеве, Харькове, Чернигове и Полтаве, извещенных о смерти Шевченко по телеграфу, служили панихиды. Из Киева по телеграфу сообщали желание принять на свой счет издержки на перевезение тела Шевченко в Украину с тем, чтобы он был похоронен в Киеве; в то же время один молодой помещик из Черниговской губернии предлагал похоронить его в своем имении и насыпать над ним, по древнему народному обычаю, высокую могилу. Можно наверное сказать, что смерть Шевченко отозвалась даже в людях равнодушных, хоть чем-нибудь связанных с Украиной. Это всеобщее сочувствие показалось бы, без сомнения, больше всего неожиданным для самого поэта. Он не сделал во всю жизнь ни одного, ни лишнего, ни кривого шага для снискания популярности и чьего бы ни было благорасположения. Он имел полное право сказать о себе, что шел прямо и не лукавил. Для себя собственно он ни-

чего не ждал от жизни и ничего не желал от людей. Он с трудом верил, что его не позабудут современники, но это его не смущало: он знал, что жил недаром, что его вспомнят когда-то на Украине, и эта мысль была для него единственной отрадой, если только он мог находить отраду в себе самом.

Но глубоко прочувствованная печаль украинцев показала, что и современное поколение умело ценить Шевченко, что и оно умеет быть признательным. Мы не говорим об его похоронах в Петербурге: они уже были описаны в «Основе» (март); здесь мы только дополним, что в самый день смерти Тараса Григорьевича все бывшие вечером на панихиде собрались к другу его, М. М. Л[азаревско]му, где тотчас же было приступлено к подписке на увековечение памяти Шевченко и положено: 1) перевезти тело его на Украину, согласно (поэтическому) его завещанию; 2) поставить ему памятник; 3) основать народную школу под именем Тарасовой или Шевченковой; 4) содержать одного или нескольких стипендиатов в университетах — Киевском, Харьковском, Одесском лицее и Академии художеств; 5) издать наилучшим образом его сочинения; 6) назначить премии за лучшее жизнеописание поэта на украинском языке и за лучший критический разбор его сочинений; 7) издавать народные руководства по разным предметам; 8) помогать его родным и 9) кому-либо из ближайших друзей его ежегодно посещать его могилу на Украине.

Разумеется, все это было высказано как желания, исполнение которых обусловливается количеством сбора по подписке; до сих пор вполне исполнен лишь первый пункт, но мы уверены, что при добром содействии земляков, для которых дороги память поэта и народная польза, все предположенное будет исполнено. Уверенность свою мы основываем на множестве писем, стихов и предложений, с которыми связано имя дорогого поэта.

[. . . . .]

В апреле (1861 г.) получено разрешение на перевезение тела Шевченко на родину: все приготовления для этого сделаны заботливым другом поэта (М. М. Лазаревским); гроб выкопан из земли, переложен в другой, свинцовый, и поставлен на особые рессорные дроги, которые должны были повезти тело на Украину. Гр. Н. Ч[естахов]ский и Ал. Л[азаревский] уже готовы сопровождать его.

Все украинцы, имевшие возможность быть 26 апреля на могиле Шевченко, явились туда ранним утром, чтоб в последний раз проститься с тем, кто в течение 20 лет был самой живой общей связью с родиной для всех, оторванных от нее каким-либо обстоятельством.

Черный гроб уже возвышался на запряженных дрогах. Какое тяжелое впечатление! Какие печальные, серьезные у всех лица! Все были поглощены минутой, всех пронзала мысль о вечной разлуке с дорогим поэтом и человеком. Пока он оставался здесь, пока была перед глазами хоть эта могила в зелени и цветах, казалось, будто смерть еще не все унесла с собою; а теперь — прощай, Тарасе, навіки прощай! В эту минуту не могло утешить и то, что наконец исполнится хоть его желание, — что он будет хоть мертвый спокойно лежать в Украине!

«Значение Шевченко для Украины. Проводы тела его в Украину из Петербурга», «Основа», июнь, 1861, стр. 13—14, 30—31.

ПОХОРОНЫ НА УКРАИНЕ

* *
*

После десятидневного путешествия с гробом Т. Г. Шевченко, 6 мая к вечеру, мы, провожавшие гроб из Петербурга до Киева, приблизились к Никольской слободке. Здесь гроб был встречен родней поэта с Варф. Гр. Шевченком во главе и толпой преимущественно студенческой молодежи. Перед мостом лошади были отпряжены, и студенты повезли дроги с гробом на руках. Между тем, куда везли гроб, где будут его хоронить, — никто не знал... Названный брат поэта В. Г. Шевченко [...], по близким отношениям к покойнику, решил было вопрос о похоронах еще до прибытия тела в Киев; предположил он похоронить тело поэта на Щекавицком кладбище, где была уже, как говорят, приготовлена и могила. Но еще на дороге от моста к Киеву возникли по этому вопросу пререкания, и пока решено было поставить гроб в первой по дороге церкви — Рождества Христова, на Подоле, Но священник этой церкви о. Иосиф Желтоножский [36] не мог без дозволения властей разрешить постановку гроба в церкви, и В. Г. Шевченко за таким разрешением отправился к благочинному подольских церквей, которым тогда был теперешний кафедральный протоиерей П. Г. Лебединцев[37]. Но оказалось, что и благочинный своей властью не может дать такого разрешения; за последним нужно было отправиться к высшим властям. Пока пришло разрешение, гроб остановили на подольской набережной, около башенных ворот. Ждали мы, впрочем, недолго: скоро получено было разрешение и митрополита[38], и генерал-губернатора [39]— поставить гроб поэта в Христо-

рождественской церкви. У последней гроб был встречен облачившимся в ризы П. Г. Лебединцевым и настоятелем церкви о. Желтоножским, которые, по внесении гроба в церковь, отслужили краткую литию. Затем мы, провожавшие гроб, отправились (не помню, куда именно) решать вопрос, где же хоронить привезенное тело Тараса Григорьевича: в Киеве или Каневе, как на том особенно настаивал Г. Н. Честаховский. После долгих разговоров и споров решено было хоронить поэта около Канева, причем такое решение почти всецело принадлежит Честаховскому, о чем и свидетельствую здесь перед теми, кому знать это интересно. Решено было, что на другой день гроб будет перевезен на пароход для дальнейшего путешествия тела поэта в Канев. При этом же было решено перед отъездом из Киева фотографировать гроб, собрав вокруг него родичей поэта. Для этого на другой день, 7 мая, перед обедней (было воскресенье) гроб Тараса Григорьевича был вынесен на церковный двор, поставлен на тех дрогах, на которых он привезен был из Петербурга, и обставлен родней поэта, окруженной нахлынувшей толпой народа [...]. Установив кое-как родню поэта (причем на более видных местах поставлены были: сестра поэта Ирина Григорьевна, по мужу Бойко, и его братья Никита и Осип Григорьевич), Честаховский дал знак фотографу Воюцкому... После фотографирования гроб был снова внесен в церковь, и отслужена была обедня. Позже отслужена панихида, после которой гроб снова поставлен был на дроги и повезен на пароход, чтобы назавтра (8 мая) рано плыть в Канев и там исполнить завещание поэта... Этим завещанием, впрочем, не была та предсмертная будто бы воля Тараса Григорьевича, о которой рассказывает М. К. Чалый в своей книжке «Жизнь и произведения Тараса Шевченко». Здесь говорится, что присутствовавший при последних минутах жизни поэта Грицько Честаховский заявил (при решении вопроса — где хоронить), что на предложенный им умирающему вопрос: где похоронить его? он отвечал: «в Каневе». Но мы хорошо помним, что Честаховский «при последних минутах жизни поэта» не находился, да если бы и находился, то у него в виду предсмертных страданий Тараса Григорьевича, не хватило бы духу спрашивать умирающего о месте похорон. Хорошо также знаем, что никакого завещания, ни письменного, ни словесного, Тарас

Встреча гроба с прахом Т. Г. Шевченко у Никольской слободки. Худ. *В. С. Болдарев.*

Григорьевич о месте своего пребывания не оставлял, а мысль его друзей о погребении тела умершего около Канева (где поэт собирался строить себе «хату») основана была лишь на поэтическом завещании:

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій;
Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий...

Вот это-то завещание страстно желая исполнить, Г. Н. Честаховский и говорил о предсмертной будто бы воле поэта...

А. Л[азаревский], Гроб Т. Г. Шевченко в Киеве, у Христорождественской церкви (7 мая 1861 года), «Киевская старина», 1894, февраль, стр. 314—317.

* *
*

О погребении Т. Г. Шевченко хлопотал в Киеве названный его брат Варфоломей Г[ригорьевич] Шевченко. Совещания по сему предмету шли у М. К. Чалого, исправлявшего тогда должность директора 2-й киевской гимназии. Ввиду начинавшихся тогда польских и украинофильских движений признавалось затруднительным выполнять желание Петербурга или громады похоронить Тараса Г[ригорьевича] на берегу Днепра, под г. Каневом, где предполагал поэт устроить свою усадьбу. Высказаны были и другие основания, по которым не следовало лишать народного поэта погребения на общем христианском кладбище. Поэтому полагали похоронить его тело на Щекавицкой горе. Наконец принято, для избежания всяких демонстраций при этом погребении со стороны учащейся молодежи, приготовить могилу в Выдубецком монастыре и препроводить туда гроб покойника в большой лодке прямо с черниговского берега, по прибытии к цепному мосту. В. Г. Шевченко уже вошел было в соглашение по сему предмету с настоятелем монастыря.

Но случилось иное. Мая 6 в субботу, около 4 часов пополудни, явился ко мне в квартиру, на Хоревой улице Подола, В. Г. Шевченко с пономарем Киево-Подольской Христорождественской церкви за разрешением моим как благочинного внести гроб Т. Г. Шевченко в эту церковь, заявив, что гроб уже следует в город по цепному мосту, но что настоятель церкви не считает себя в праве принять его в церковь без разрешения духовного начальства; при этом названный брат объявил мне твердое намерение уполномоченных петербургского общества выполнить точно волю покойника относительно погребения его на горе между г. Каневом и Пекарями.

Согласно существующим законоположениям, своей благочиннической властью я не мог разрешить внести в церковь тело покойника, о препровождении коего из Петербурга в Киевскую губернию не было получено епархиальным начальством уведомления от министра внутренних дел, и потому предложил В. Г. Шевченко ехать со мной к митрополиту Арсению для предъявления открытого листа, выданного министерством на перевезение тела, а чтобы задержать шествие с гробом, мы отправились в лавру набережным путем по шоссе. Перед башенными воротами на шоссе мы встретились с гробом, который везли студенты и другая молодежь, снявши шапки. Тяжелый свинцовый гроб был в деревянном ящике, на дрогах, и покрыт большим покрывалом из червоной китайки, на которой виднелось множество венков и цветов. По предложению нашему юношество обещало остановиться здесь и ждать разрешения на дальнейшее следование в город, что и исполнено. Митрополит был уже в своей молельной для слушания всенощной, начавшейся в крестовой церкви при его покоях, но по докладу об особенном деле, по которому явился благочинный, принял меня. Посмотрев открытый лист и выслушав мой доклад, владыка сказал: «Поезжайте к генерал-губернатору и доложите, что с моей стороны нет препятствий», но при этом велел мне быть в Христорождественской церкви безотлучно, возложа на меня ответственность за всякий могущий произойти беспорядок. Князь Васильчиков встретился со мной на крыльце, при выходе его с семейством для прогулки. После краткого моего доклада о де-

Похороны Т. Г. Шевченко в Каневе Худ. *В. С. Болдарев.*

ле, по которому я прибыл, князь ответил еще короче: «Стало, пусть внесут в церковь». С этим ответом В. Г. Шевченко отправился к гробу на шоссе, куда спустился от Николаевских ворот, а я — на Подол в Христорождественскую церковь, где облачился в ризы и с настоятелем церкви, о. Иосифом, и его причтом встретили привезенный гроб, отслуживши краткую литию над ним в самой церкви. К вечеру к этой церкви приставлена была уже полиция, а утром присланы и конные жандармы, чем подстрекнуто было любопытство всех проезжающих и проходящих по Александровской улице. В то же время утром гроб под китайкой вынесен был на улицу для снятия фотографии и обставлен братьями Тараса и родичами, явившимися из толпы в своих свитках. На вопрос: кто покойник? получался ответ: «Мужик, но чин на нем генеральский». К 4 часам, когда назначена была панихида и вынос из церкви к пароходу, стоявшему у цепного моста, не только церковь, но и двор оказались битком набиты; по Александровской улице, по шоссе, на горах Андреевской и Михайловской, и на горе у Царского сада стояло народа не меньше, как бывает 15 июля, во время владимирского крестного хода. Литургия в Христорождественской церкви совершена, по случаю воскресного дня, в обычное время настоятелем церкви о. Иосифом Желтоножским, а панихида по покойном Тарасе Гр. отслужена мною в 4 часа, совместно с о. Иосифом, при многочисленном собрании предстоящих, между которыми из известных лиц можно было видеть М. В. Юзефовича [40] и Гр. П. Галагана[41]. Пели панихиду почитатели таланта покойного с участием некоторых студентов духовной академии и воспитанников духовной семинарии, так как пригласить хор академический или семинарский почему-то оказалось невозможным. Никаких речей в церкви не было по условию с распорядителями процессии. Но лишь вынесли гроб из церкви на набережное шоссе, явилось столько всяких ораторов из молодежи, что пришлось останавливаться с гробом чуть не через каждые пять шагов.

Пр. П. Лебединцев, Тарас Григорьевич Шевченко, «Киевская старина», 1882, сентябрь, стр. 565—567.

* *
*

6 мая утром разнеслась весть по Киеву, что в 11 часов привезут тело великого малороссийского поэта Т. Г. Шевченко. Эта весть, как электрическая искра, мгновенно сообщалась всем почитателям его прекрасного таланта. Некоторые из киевлян пешком, а другие в экипажах спешили за Николаевский цепной мост, чтоб отдать последний долг поэту, которого песни принадлежат не одной Малороссии, но всему славянскому миру. Мы даже слышали, что творения Шевченко переводятся на французский язык. Преобладание над лицами, вышедшими навстречу телу поэта, принадлежит студентам университета св. Владимира; несколько дам даже пожелали быть участницами торжественно-грустной церемонии и заявить признательность к поэту. За Николаевским мостом начинается Черниговская губерния, и первое село за Днепром называется «Никольским». Дворов в нем 25, ревизских душ 160. Церковь в селе очень опрятна; вода от села близко; зелени много; деревья только что распустились. Все это сообщало сельскому ландшафту какое-то мирное настроение, так что лучшего места и нельзя было выбрать для встречи поэта, воспевшего в задушевных своих песнях обаятельную малороссийскую природу.

Был первый час, но печальной колесницы еще не показывалось. В ожидании ее многие смотрели вдаль к Броварам, другие приготовлялись сказать речь, а ваш покорнейший слуга присел на небольшом возвышении к группе богомольцев. Они ели черный хлеб и без соли. Такой пост строже монашеского.

[. . . . .]

Между тем в церкви зазвонили, и вдали показалась печальная колесница. Все встали и сняли шапки. Гроб был покрыт красной коленкоровой пеленой, а наверху приколоты венки, те самые, которые положены были еще в С.-Петербурге. Возле одного венка была женская записочка с надписью: «Прощай, батько, орле сизый!» За гробом шли с глубокой скорбью родные поэта, бывшие крепостные люди, а теперь свободные крестьяне — два брата и племянницы. Старший брат очень похож на Тараса Григорьевича. В десяти шагах от никольского сельского базара печальную колесницу остановили, и здесь

Крестьяне копают могилу Шевченко в Каневе. (Фото).

сказаны были четыре речи на русском, малорусском, польском и сербском языках. Во всех речах слышалась глубокая скорбь о смерти великого поэта, соединившая в эту минуту все национальности во имя великого искусства, божественного дара небес — поэзии. При въезде на Николаевский цепной мост лошади печальной колесницы были отпряжены, и студенты на себе повезли драгоценный прах. На средине моста еще сказана была речь в честь усопшего и прочитано стихотворение одним из молодых украинских поэтов, Малашенко. Какая-то райская тишина царила в воздухе, прерывалась изредка щелканьем и свистом соловьев в прибрежных днепровских кустах да плеском воды, ударяющейся о каменные устои моста. Когда печальная колесница показалась на шоссе, из царского сада и прочих киевских гор, лежащих по дороге, во множестве смотрели киевляне, прощаясь с поэтом. Из церкви Рождества, стоящей на конце набережного шоссе, вышли священнослужители с хоругвями. Пошел дождь, как будто и природа плакала о смерти великого поэта. Пред святым храмом свинцовый гроб был снят с колесницы и поставлен в нем на ночь. Довольно просторная церковь Рождества оказалась тесной для желающих проститься с поэтом. Из прежних венков некоторыми цветы были взяты на память, а на другое утро положены венки из свежих цветов.

Вечером 7 мая тело поэта перенесено было из церкви на пароход. Прилив народа был еще многочисленнее, чем накануне. Из многих речей, сказанных в это время, особенно произвела глубокое впечатление речь исправляющего должность директора 2-й гимназии Чалого. Последнюю речь на пароходе сказал студент Ф. Левицкий[42]. Напомнив слушателям о жизни поэта, он заключил ее следующими словами: «Дух свободный — як витер, що бушує в степу над могилами наших батькив; як Днипро, що точыть хвыли свои скризь гирло в сине море — дух Тараса жыве и вично житы буде».

Нельзя умолчать, что некоторые речи молодых ораторов совершенно не соответствовали величию предмета. Эти ораторы скорее похожи были на тех молодых врачей, которые на трупе пробуют свое искусство.

8 мая тело поэта пароход повез в Каневский уезд, где находится деревенька на высоком берегу Днепра, с очаровательным местоположением, которую поэт очень

любил и, говорят, даже хотел купить тут место, чтоб поселиться навсегда среди крестьян, из которых он вышел и воспитался их народной песнью.

Так встретили и проводили тело в Киеве великого, оригинального певца Шевченко, прелестного украинского соловья, нового Бояна Южной Руси. Много эпох из жизни поэта связано с именем Киева. Здесь он жил, писал, учил и сам учился; здесь он провел лучшие годы, полные сил и свежих впечатлений; отсюда его увезли на чужбину; здесь, за год пред смертью, он виделся с друзьями, увенчанный лаврами поэтической славы после издания «Кобзаря». Т. Г. Шевченко всегда возбуждал и будет возбуждать во всех образованных людях симпатию как поэт и как человек.

Его уж нет. Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре!
Потух огонь на алтаре.

Н. Чернышов, «Русский инвалид»[43], 1861, 18 мая, № 107.

* *
*

Едва только в городе стало известно, что из Петербурга привезли Шевченко, как многочисленные поклонники поэта, преимущественно учащаяся молодежь — студенты и гимназисты, устремились за Днепр на встречу поэта. Некоторые из них заранее приготовили речи и стихи. В благородном порыве юношеского увлечения горячие головы, не дожидаясь разрешения духовных и светских властей, хотели везти гроб через город, прямо в университетскую церковь, и, вероятно, они привели бы в исполнение свое намерение, если бы не случились тут люди более сдержанные, которым, после долгих и довольно шумных дебатов с крикунами, удалось остановить погребальное шествие, до получения разрешения, у самого цепного моста.

За разрешением к генерал-губернатору отправились Варфоломей Григорьевич Шевченко, в качестве родственника покойника, и законоучитель 2-й гимназии П. Г. Лебединцев. Кн. Васильчиков отослал их к митрополиту, дабы он указал церковь для постановки гроба.

Владыка указал ближайшую к Днепру церковь Рождества Христова, а князь с своей стороны возложил на о. Петра ответственность за то, чтобы в церкви не было говорено никаких речей.

Вследствие такого распоряжения предержащих властей студенты отпрягли лошадей и на себе повезли бренные останки поэта через все подольское шоссе, до самой церкви.

Когда погребальное шествие двинулось от шлагбаума к цепному мосту, с гробом поравнялась карета черниговского архиепископа Филарета, который ехал с визитом к митрополиту Арсению и который незадолго перед тем заявил г. Тризне[44] о желании своем познакомиться с Шевченко. Усмотрев из окна своей кареты такое необычное зрелище, он велел кучеру обогнать процессию; тот погнал во всю прыть лошадей, преступив таким образом общие для всех проезжающих по мосту правила. Мостовые сторожа заорали благим матом: «Легше шагом!», а молодежь стала и себе покрикивать вдогонку уходившему без оглядки владыке — от мертвого человека, с которым он желал познакомиться покороче при его жизни...

На всем протяжении Киево-Подольского шоссе кортеж часто останавливался, на дроги взлезали ораторы и читали свои речи; когда же запас красноречия истощился, то некоторые произносили свои произведения по два и три раза.

Порешив, согласно поэтическому завещанию покойника, перевезть тело его на родину, петербургская громада все-таки окончательно не решила вопроса, где именно предать земле его многострадальные кости. Со дня похорон поэта на Смоленском кладбище и до определения гроба на Украину об этом нерешенном вопросе шла оживленная переписка между петербургскими и киевскими друзьями поэта: одни настаивали на том, что нашему славному Кобзарю приличнее всего лежать в метрополии украинских городов — в Киеве, причем местом погребения указывали то Аскольдову могилу, то Щекавицу — над самим обрывом святых гор киевских, в виду Днепра-славуты и всего Заднепровья. На могиле поэта предполагали временно поставить высоченный дубовый крест, чтобы виден он был издалече всем идущим и едущим из-за Днепра богомольцам и чтобы при взгляде на крест молились они

за душу Тарасову. Другие, вероятно, для вящего почета, желали похоронить «мужичьего поэта» на кладбище Выдубецкого монастыря, между генералами и именитыми купцами с их дородными супружницами. Иные, наконец, согласно завещанию, энергически отстаивали мысль предать земле тело Шевченко в Каневе, на том самом месте, которое избрано поэтом при жизни для постройки дома— на Чернечьей горе, в трех верстах от города. Присутствовавший при последних минутах жизни поэта Грицько Честаховский заявил, что на предложенный им умирающему вопрос: где похоронить его? он ответил: «В Каневи»!

Не зная до прибытия Честаховского в Киев с телом поэта о его последней воле, названный брат его Варфоломей, уступая настоятельному требованию студентов, порешил похоронить Тараса на Щекавице. В ожидании прибытия гроба вырыта была могила и заготовлен крест; но после переговоров с провожавшими тело поэта Лазаревским и Честаховским все это было брошено.

7 мая было воскресенье. Несмотря на дождливую погоду, к Рождественской церкви собралось народу несколько тысяч. О. Петр отслужил заупокойную обедню. Составился довольно стройный хор певчих из почитателей умолкнувшего навеки Кобзаря. Согласно распоряжению князя, речей не было вовсе. Во время панихиды между народом протиснулась в глубоком трауре дама, положила на гроб поэта терновый венок и удалилась: красноречивее надгробных слов выразила она то, что чувствовал каждый из нас, провожая поэта-страдальца в могилу... Погребальное шествие в сопровождении великой толпы народа потянулось по шоссе к цепному мосту, за которым, по случаю сильного разлива Днепра, стояли тогда пароходы; на одном из них и совершил свое плаванье наш Тарас к тихому пристанищу...

Гроб, для должного порядка, сопровождаем был чинами полиции. Шествие часто останавливалось для произнесения речей, которых, впрочем, по причине небольшой ширины шоссе, почти никто не слыхал, кроме студентов и гимназистов, везших на себе гроб. Лучшие из надгробных речей, к сожалению, не сохранившиеся, произнесены были у крепостного форта на мосту студентами Стояновым [45], Антоновичем [46] и Драгомановым [47]. Затем, в виду парохода с разведенными уже парами, на

возвышенном берегу Днепра, погребальный кортеж остановился в последний раз. На дроги взошел инспектор 2-й гимназии М. К. Ч[алы]й и произнес следующую надгробную речь:

«Думы и чувства, волнующие душу каждого из нас в настоящую минуту, не требуют много слов для выражения их. Предмет их слишком ясно представляется нашему сознанию; мы стоим у гроба нашего славного певца.

Горесть наша слишком велика для того, чтобы высказать ее словами, и слишком сильна, чтобы увеличить печальными воззваниями. Как ни сильно говорили бы мы о великости нашей потери, мы не скажем ничего, о чем стократ сильнее и красноречивее не говорило бы нам бессмертное имя Тараса Шевченко.

Слава этого имени не умрет в потомстве. Оно будет жить в народе долго, долго и исчезнет разве только с последним звуком малороссийской песни, а народная песнь не умирает. Не умрут вместе с нею и произведения нашего народного поэта! В них, как в фокусе, соединились, с одной стороны, все красоты, вся сила и все богатство украинского языка, а с другой, глубокое чувство и энергия характера, свойственные малорусскому племени; в них безыскусственная прелесть и простота народных песен — рядом с высокой художественностью произведений, принадлежащих периоду высшей цивилизации [...].

Сфера его таланта — народная жизнь. Жизнью своей столько же, сколько и поэзией, он представил совершеннейшее олицетворение своего народа: он плоть от плоти его, кость от костей его! Душа его болела не за настоящие только страдания крепостного люда; в груди его скоплялось горе за Украину прошедших столетий. Он пережил и перечувствовал целый бесконечный ряд бедствий: угнетения, убийств, грабежей и пожаров. Одаренный от природы сильной впечатлительностью, он так живо чувствовал минувшие невзгоды своей родины, как многие из нас едва ли чувствуют настоящие.

А что сказать о тех перлах его поэзии, в которых он такими яркими красками рисует украинскую природу? Упиваясь ее девственной красотой, он отдыхал душой от тяжелых впечатлений родной старины, но не надолго: этот ясный луч радости, внезапно озарявший мрачную ночь его печали, сверкал как бы для того, чтобы еще ярче оттенить страшную картину народной бедности. Вели-

У гроба Т. Г. Шевченко в Киеве. (Фото).

ко значение нашего поэта как в жизни, так и в литературе южнорусской [...].

Поэзия Шевченко раздалась высокой песней по всему славянскому миру, убедила в способности украинца к высшему поэтическому развитию даже и тех, которые, имея уши слышати, не слышат, имея очи видети, не видят. Муза нашего Кобзаря возвысила народ в собственных глазах его, тот православный народ, который под гнетом крепостной неволи перестал было считать себя за божье создание. Поэзия Шевченко завоевала нам право литературного гражданства, громко заявив и свой голос в семье славянских народностей.

Вот в чем заключается великое значение и неувядающая слава нашего незабвенного Тараса Григорьевича.

Мир праху твоему, наш добрый друг! Ты исполнил свое призвание, не изменив до последней минуты своим честным убеждениям [...].

Столичные земляки наши проводили тебя теплым, дружеским прощальным словом. Напутствуемый благословением народа, ты совершил свое последнее путешествие на родину: здесь тебя окружают родные, которые надеялись пожить с тобой после долгой разлуки, призреть и отогреть тебя от холода северных зим, примирить тебя на закате дней твоих с жизнью и с людьми, после жестоких испытаний, посланных тебе судьбой, — и закрыть скорбные твои очи. Готовил тебе названный брат твой скромное жилище на избранном тобой месте, на высоком берегу днепровском, посреди любимого тобой народа. Мы все ждали тебя, надеялись услышать новую песнь своего любого Кобзаря.

Про Січ, про могили,
Коли яку насипали,
Кого положили,
Про старину — про те диво,
Що було-минуло...

И вот широко и пышно разлился нареченый брат твой — Днипро —

Встала й весна, чорну землю
Сонну розбудила,
Уквітчала її рястом,
Барвінком покрила,
А на полі жайворонок,
Соловейко в гаї...

Но не откликнется вже своею песнею наш поэт на дружный привет своей неньки-Украины:

Заснули думи, серце спить —
Навіки заснуло...»

Дорогие останки поэта провожали до Канева, кроме родных братьев, сестры и семейства Варфоломея Шевченко, старый приятель И. М. Сошенко, Сошиха[48] и Чалыха[49], десятка два студентов и гимназистов да полтавский знакомый покойника Забела [...].

По случаю разлива реки пароход не мог пристать к самому берегу, а остановился в значительном от него расстоянии. Выгрузить драгоценную кладь составило немалое затруднение: нужно было нести свинцовый гроб, стоя почти по пояс в воде и ступая по тинистому дну полой воды, что оказалось решительно невозможным. Малый плоскодонный баркас не мог сдержать тяжести, а большой дуб стал бы на мели. После долгих споров и толков придуман наконец такой способ выгрузки: достали простой драбинястый воз, спустили на него с парохода гроб и запряглись, вместо лошадей, и старые и молодые да и потащили его к берегу. На берегу покойника встретило местное духовенство, гроб поставили на нары и при стечении значительного числа горожан торжественно внесли в соборную церковь. Сюда же с Михайловой горы прибыл на лодке и страстный почитатель поэта М. А. Максимович.

Отслужив панихиду в день прибытия гроба, друзья поэта отправились на Чернечью гору выбирать место для могилы. Обратились было к каневским мещанам за помощью вырыть яму, но они, по наущению поляка М-ского, запросили такую непомерную плату, что распорядители похорон решили сами, с помощью студентов, вырыть яму своему славному Кобзарю. Под дождем и нависшими тучами благородные юноши принялись за дело с увлечением, и яма была готова.

10 мая, при многочисленном стечении народа из городских предместий и окрестных сел, была отслужена заупокойная обедня протоиереем Мацкевичем в соборне. После панихиды им же произнесено надгробное слово...

М. К. Чалый[50], Жизнь и произведения Тараса Шевченко, М., 1882, стр. 189—197.

Первоначальный вид могилы Т. Г. Шевченко. (Фото).

* *
*

Горы каневские, луга и долины украинские! Вы видите перед собой просвещенного, родного вам мужа, любившего Украину и любимого ею взаимно. От северной столицы России до нашего скромного городка — чей прах шествует? Кого провожают так далеко и с таким почетом? Мужа ли, исполненного воинских доблестей, или сановника, прославившего себя на поприще гражданской деятельности, действовавшего силою власти и закона? Нет, братия, это Тарас Шевченко! Кто здесь не знает его? Он некоторое время был воин, но рядовой, он не был и гражданским чиновником; но имя его известно всему краю, но дела его прославлены: его славный ум, его живые, никем не задобренные мысли и чувства, коими проникнуты его произведения, глубоко запали в сердца и души соотчичей.

Ты, древний Бористень, красующийся седыми волнами своими Днепр! Ты, кому судилось, наконец, на хребтах своих волн принести к нам прах Шевченко,— скажи ты нам о муже сем, дорогом для каждого украинца Кобзаре! Было время, когда об Украине нашей думали как о стране, недоступной для возвышенных чувств и мыслей; но Шевченко доказал, что сия забытая для народного просвещения страна имеет такое же сердце, такую же душу, доступную для всего высокого и прекрасного...

Пройдут века, и отдаленное потомство сынов Малороссии увидит и узнает, кто был Тарас Шевченко!..

Мацкевич[51], Надгробное слово, (в кн. М. К. Чалый, Жизнь и произведения Тараса Шевченко, М., 1882, стр. 197—198).

* *
*

8 мая в 7 часів уранці знялись ми пароходом «Кременчук» од Києва і привезли батька Тараса до Канева в 4 часа пополудні. Пароход пристав к берегу нижче Канева верстов дві з половиною; зняли з парохода гроб, поставили на повозку і повезли понад самісіньким Дніпром,

крутогорим берегом в канівську церкву Успенія Божей матері. Доїхали до сільської дерев'яної церкви Спаса Преображенія (перед Каневом) — маленьке сельце понад берегом Дніпра протяглось аж до Тарасової гори і ділиться на три названня: од Канева зветься Селище, середня часть — Бессарабівка, а коло самої Тарасової гори — Монастирище. Тут був колись монастир; є люди, котрі пам'ятають. Цей монастирок пам'ятний тим, що в йому на Тарасовій горі поховані три козачі гетьмани — Іван Підкова, Кішка і Шах. Максимович[52] розказував оце і показував шлях, де везли убитого Івана Підкову; по тому шляхові везли й Тараса до його тихого дому. Там нас зустрів отець Феодосій в облаченії з причетом і корогвами і проводив до городської церкви Успенія. Як переїхали базар і стали підніматься вгору, то нас зустріло ще два протопопи в облаченії з хрестами, образами, цеховими корогвами і якоюсь цеховою коробкою від гроба, покритою червоним сукном. Оці ж то попи з Успенської церкви йшли проти нас з червоною коробкою скорим парадним маршем і добрих за пlivверстви од Успенської церкви спіткались з нами. Поперед Кобзаревої домовини йшли попи, потім хрести з орлами, а поперед пуста червона коробка застаршинувала, і процесія зробилась такою пишною, що й сам блискучий Петербург не бачив такого дива [...].

Перед входом в цвинтар процесія остановилась служить літію. Тут один із київсько-університетської громади, сопутствующий Кобзареві до Канева, виступив до гробу і сказав щире сердечне слово батькові Тарасові; це дуже-дуже подобалось канівській громаді цеховій. Узнавши, що я йду при тілі Тарасовім, кинулись до мене і усердно просили, щоб я дав їм на пам'ять [про] батька Тараса те, що оце читали, «бо нам так подобалось, що й сказать не можна, як то хороше [...]». Поставили гроб у церкві, одслужили панахиду й вечерню та й потягли шукать пристанища. Найшли, повістили громаду нашу, котра зоставалась у цвинтарі, зійшлись, я й кажу: «Нап'ємось, брати, чаю та ляжем спать, щоб завтра як можна рано встать, то поїдемо обирать місто для нової хати Кобзареві». А мені й кажуть, що вже місце обібране. А я: «Та воно добре, що обібране, але ж треба усім укупі обібрать, роздивившись та посовітувавшись». Кажуть: «Та ми бачили вже — місце добре; а ви хіба не бачи-

ли?» — «Та коли ж мені бачить? Тільки що приїхали, уже й бачить! Я ще й гори тієї не знаю, де вона, на котрій будем ховать». А вони: «Як то не бачили? Адже ви були коло церкви, то повинні бачить, бо коло церкви ж будуть ховать Тараса». Уже, кажуть, договорили й гробокопателів за десять карбованців, і вони пішли за заступами, щоб яму копать. Я зараз побіг у цвинтар, питаюсь, а мені місце показують, де яму копать. Я об'явив народу, що воля покійного була така: поховать його на тій землі, де він дуже бажав поселитися при жизні своїй, і ніхто не має права закопать його там, де він не хотів. Народ одностайно заговорив, що яка воля покійного була, то так треба й робить. Це мене ободрило трошки, я найшов синів Варфоломея Шевченка, вони знали про се, що батько хоче поховать Тараса коло церкви, і тривожно поглядали на мене, а я репетував своє і спитав їх: «Чи правда, що ваш батько хоче закопать коло церкви Тараса?» — «Правда».— «А хто ж йому натуркав оце в голову? Я ж йому об'являв задушевную волю покійного і бажання нашої української петербурзької громади».— «Ми цього не знаєм; батько казав, щоб от на цім місці яму копали».— «А де батько? Шукайте його». А я теж пішов розглядать його поміж народом. Народу була сила велика. Вийшов я за цвинтар, коли дивлюсь — Варфоломей біжить до мене з дітьми, стривожений, й каже: «Друже мій, чи ви оте місце бачили, де я хочу поховать Тараса? Ось подивіться, як тут гарно: і гора висока, і Дніпро близько, і боже мій, як то хороше; а таменьки за оградою купим місце та й школу поставимо. Ось подивіться, як добре буде. А школа буде у його під самим боком».— «Як би воно добре не було, то все добре тільки по-нашому, а ми давайте добре робить по-Тарасовому, як бажала його душа безсмертна, то тоді ще краще зробимо, і добре буде. Бо як начнем порядкувать по-своєму, то душа Тарасова і потомство козацьке, чтуще пам'ять його святу, буде клясти нас, поки світе сонце, і гріх наш буде неокупний. А давайте лишень, Варфоломей Григорович, поховаєм Тараса подальше од церкви, а якщо вам хочеться безпремінно коло церкви, то й там можна буде поставить церкву Тарасову, хоть малесеньку. Може, у вас нема грошей, чим орудовать, возьміть моїх тридцять карбованців, а потім оддасте». А Варфоломей: «Як будем там ховать, то ще й завтра не управимося з цим

ділом, а у мене кожна минута время дорога. Я вже й так неділя як рушив з дому». Я натякнув, що як бува ніколи вам, то ми й самі поховаєм: покажіть тільки місце, де ота гора, а ви з богом їдьте. Варфоломей піддався: «Ну, добре, каже, так завтра поїдемо обирать місто, а тим часом ходім поговорим з цехами, що візьмуть з нас, що викопають могилу». Цехарі, недовго думавши, запалили з нас сто карбованців. «А що, Григорій Миколаєвич, яка у вас думка от про се діло?» — каже мені Варфоломей. А я йому: «У мене зовсім немає ніякої думки у голові, а просто завтра вранці достанемо заступів та лопат, поїдемо вкупі з київською громадою та збудуємо своїми руками нашому батькові хату». Тоді Варфоломей, не сказавши мені нічого, повернувся до цехарів і каже їм: «Ідіть ви собі до чорта, а з ним до самого старшого сатани на пораду, а ми, пане Грицьку, ходім з тобою та нап'ємося чаю, то чи не буде лишень краще». На другий день, у вівторок, 9-го мая, вранці пішли до Дніпра, наняли човен, сіли й поїхали Дніпром понад крутими берегами. Доїхали до гори, на велику силу зібрались на неї, роздивились; я показав місце, де, по-моєму б, приходилось робить Тарасові новий будинок, спитав громади: чи согласні на те? Громада в один голос — «Согласні!». І началась робота. Викопали яму, а каменщики-солдати вимурували кирпичний завод і на третій день, у середу, 10 мая, в той час пополудні, одправились в церкву, одслужили як слідує по закону що було треба, потім протоієрей промовив, спасибі йому, в церкві до батька Тараса прощальне слово: «Ти, каже, брате наш о Христє, Тарасе, настоящий щирий батько свого українського люду, ти перший заступивсь за рідне слово українського народу; в солдатській шинелі, у тяжкій неволі, далеко на чужині, не переставав боліть серцем за люд свій і його слово! Мир ти, Тарасе!»

Потім винесли гроб, поставили на козацький віз, накрили червоною китайкою, а замість волів впрягся люд хрещений, і повезли, як слід, діти свого батька, повернувшого з далекого краю до свого дому. Як рушили од церкви, то везли парубоцтво, чоловіки і наша київська громада. Я давай ходити поміж дівчатками і дітками малими, щоб і вони приставали докупи [...]. Я йшов з людом, розказував їм, що оце за чоловік Тарас, просив їх, щоб вони не звали його паном, а звали батьком Тарасом. Дійшли до Слобідки; я роздав дівчаткам по квіточці з Та-

расової петербурзької могили на пам'ять, і третя доля канівського люду була вже знакома зо мною. На такий лад робив я скрізь, де проїхали з Тарасом, од Петербурга і до самісінького Канева. Так ось чого люд коло мене ходив роєм; йому хотілось слова, а я не скупився на цей товар [...]. Окрест Канева нема ні одного місця рівного, навіть на двадцять сажень, усе гори та гори, поросші лісом, і приходиться чи йти, чи їхати з гори униз, а знизу на гору отакою дорогою. Любі канівські дівчата везли батька України добрих верстов з вісім або і усіх десять, бо треба було далеко кругом об'їжджать лісом, бо такі гори усе, що з великим трудом зійдеш піхтурою, а їхать нема і в помині [...]. Котрі дівчата не мали де притулиться до Кобзаревого воза, напали на ліс і давай ломать віти і устилать дорогу Кобзареві [...]. Покрилась Кобзарева дорога зеленими вітами, як зеленим килимом заслана [...]. Як везли, то поперед усієї процесії несли портрет Кобзарів, і весь люд до малої дитини бачили, який він був живим. Як привезли до могили, то зняли домовину з воза і начали знов одправу попи, а портрет поставили високо на груші, у головах домовини. Кончили попи, зараз начала київська наша братія востаннє привітне і прощальне слово Кобзареві. Таких було чотири чоловіка; один держав слово од білоруської народності; а кончив піп, отець Феодосій, [...] потім ми повечеряли і розійшлись, а декотрі остались ночувать на Тарасовій горі, і усю ніч огнище горіло, наче гайдамацтво ночувало в лісі з свяченими *.

Г. Честаховский, Письмо к Ф. И. Черненко, от 20 июня 1861 г., «Киевская старина», 1898, февраль, стр. 175—182.

8 мая в 7 часов утра выехали мы пароходом «Кременчуг» из Киева и привезли батька Тараса в Канев в 4 часа пополудни. Пароход пристал к берегу ниже Канева версты за две с половиной; сняли с парохода гроб, поставили на повозку и повезли над самым Днепром, по крутому берегу в каневскую церковь Успения божьей матери. Доехали до сельской деревянной церкви Спаса Преображения (перед Каневом) — маленькое сельцо на берегу Днепра раскинулось до самой Тарасовой горы и делится на три названия: от Канева называется Селище, средняя часть — Бессарабовка, а возле самой Тарасовой горы — Монастырище. Тут был некогда монастырь; есть люди, которые помнят. Этот монастырек памятен тем, что в нем на Тарасовой горе похоронены три казачьих гетмана — Иван Пидкова,

* Далее следует перевод на русский язык.

Кошка и Шах. Максимович рассказывал об этом и показывал путь, где везли убитого Ивана Пидкову; по этому пути везли и Тараса к его тихому дому. Нас там встретил отец Феодосий в облачении с причетом и хоругвями и проводил до городской церкви Успения. Как только проехали базар и стали подниматься в гору, нас встретили еще два протопопа в облачении с крестами, образами, цеховыми хоругвями и какой-то цеховой коробкой от гроба, покрытой красным сукном. Эти самые попы из Успенской церкви шли навстречу нам с красной коробкой скорым парадным маршем и за добрых полверсты от Успенской церкви встретились с нами. Перед Кобзаревым гробом шли попы, потом кресты с орлами, а впереди пустая красная коробка застаршиновала, и процессия стала такой пышной, что и сам блестящий Петербург не видел такого дива [...].

Перед входом на кладбище процессия остановилась служить литию. Тут один из киевско-университетской громады, сопутствующий Кобзарю до Канева, выступил у гроба и сказал искреннее сердечное слово батьке Тарасу; это очень-очень понравилось каневской громаде цеховой. Узнав, что я иду при Тарасовом теле, бросились ко мне и усердно просили, чтоб я им дал на память о батьке Тарасе то, что только что читали, «потому что нам так понравилось, что и высказать невозможно, как это хорошо [...]». Поставили гроб в церкви, отслужили панихиду и вечерню и пошли искать пристанища. Нашли, известили громаду нашу, что оставалась на кладбище, сошлись, я и говорю: «Напьемся, братья, чаю и ляжем спать, чтобы завтра как можно раньше встать, поедем выбирать место для новой хаты Кобзарю». А мне говорят, что уже место выбрано. А я: «Это-то хорошо, что выбрано, но надо же всем вместе выбрать, рассмотрев и посоветовавшись». Говорят: «Да мы видели уже — место хорошее; а вы разве не видели?» — «Когда же мне видеть? Только что приехали, уже и видеть! Я еще и горы той не знаю, где она, на которой будем хоронить». А они: «Как это не видели? Вы же были около церкви, так должны видеть, потому что около церкви и будут хоронить Тараса». Уже, говорят, уговорились и с гробокопателями за десять рублей, и они пошли за заступами, чтобы яму копать. Я сразу же побежал на кладбище, спрашиваю, а мне место показывают, где яму копать. Я объявил народу, что воля покойного была такая: похоронить его на той земле, где он очень хотел поселиться при жизни своей, и никто не имеет права закопать его там, где он не хотел. Народ в один голос заговорил, что какая воля покойного была, так нужно и делать. Это меня немного ободрило. Я нашел сыновей Варфоломея Шевченко, они знали о том, что отец хочет похоронить Тараса около церкви, и тревожно посматривали на меня, а я твердил свое и спросил их: «Правда ли, что ваш отец хочет закопать около церкви Тараса?» — «Правда».— «А кто же ему набил это в голову? Я же ему объявлял задушевную волю покойного и желание нашей украинской петербургской громады». — «Мы этого не знаем; отец говорил, чтоб вот на этом месте яму копали».— «А где отец? Ищите его». А я тоже пошел посмотреть его меж людьми. Народу было очень много. Вышел я за кладбище, когда смотрю — Варфоломей бежит ко мне с детьми, встревоженный, и говорит: «Друг мой, вы видели то место, где я хочу похоронить Тараса? Вот посмотрите, как тут хорошо: и гора высокая, и Днепр близко, и боже мой, как хорошо; а там вот за оградой купим место и школу поставим. Вот

посмотрите, как хорошо будет. А школа будет у него под самым боком».— «Как бы оно хорошо ни было, это все хорошо только по-нашему, а мы давайте хорошо делать по-Тарасовому, как желала его душа бессмертная, вот тогда еще лучше сделаем, и хорошо будет. Потому что если начнем управлять по-своему, то душа Тарасова и потомство казацкое, чтущее память его святую, будет клясть нас, пока светит солнце, и грех наш будет неискупимый. А давайте-ка, Варфоломей Григорьевич, похороним Тараса подальше от церкви, а если вам хочется непременно около церкви, то и там можно будет поставить церковь Тарасову, хотя бы маленькую. Может быть, у вас нет денег для этого, возьмите моих тридцать рублей, а потом отдадите». А Варфоломей: «Если будем там хоронить, то и завтра не управимся с этим делом, а у меня каждая минута времени дорога. Я уже и так неделю как из дому». Я намекнул, что если уж некогда вам, то мы и сами похороним: покажите только место, где эта гора, а вы с богом езжайте. Варфоломей поддался: «Ну, хорошо, говорит, так завтра поедем выбирать место, а тем временем пойдем поговорить с цехами, что возьмут с нас, что выкопают могилу». Цехари, недолго думая, слупили с нас сто рублей. «А что, Григорий Николаевич, какое ваше мнение про это вот дело?» — говорит мне Варфоломей. А я ему: «У меня совсем нет никакого мнения в голове, а просто завтра утром достанем заступы да лопаты, поедем вместе с киевской громадой и построим своими руками батьке нашему хату». Тогда Варфоломей, не сказав мне ничего, повернулся к цехарям и говорит им: «Идите вы себе к чорту, а с ним к самому старшему сатане на совет, а мы, пан Грицько, пойдем с тобой да напьемся чаю, так-то оно будет лучше». На другой день, во вторник, 9 мая, утром пошли мы к Днепру, наняли лодку, сели и поехали по Днепру под крутыми берегами. Доехали до горы, с большим трудом выбрались на нее, огляделись. Я показал место, где, по-моему бы, приходилось делать Тарасу новый дом, спросил громаду: согласны ли на это? Громада в один голос — «Согласны!». И началась работа. Выкопали яму, а каменщики-солдаты вывели кирпичный склеп и на третий день, в среду, 10 мая, в полдень, отправились в церковь, отслужили как следует по закону, что было нужно, потом протоиерей произнес, спасибо ему, в церкви батьке Тарасу прощальное слово: «Ты, говорит, брат наш во Христе, Тарасе, настоящий щирый батько своего украинского народа, ты первый заступился за родное слово украинского народа; в солдатской шинели, в тяжкой неволе, далеко на чужбине, не переставал болеть сердцем за народ свой и его слово! Мир тебе, Тарасе!»

Потом вынесли гроб, поставили на казацкую повозку, накрыли красной китайкой, а вместо волов впрягся народ крещеный, и повезли, как следует, дети своего батька, вернувшегося из дальнего края в свой дом. Как двинулись от церкви, везли парни, мужчины и наша киевская громада. Я давай ходить меж девчат и малых деток, чтобы и они присоединились [...]. Я шел с народом, рассказывал им, что это за человек Тарас, просил их, чтобы они не звали его паном, а звали батькой Тарасом. Дошли до Слободки, я раздал девочкам по цветочку с Тарасовой петербургской могилы на память, и третья часть каневского народа была уже знакома со мной. Таким образом делал я всюду, где проехали с Тарасом, от Петербурга и до самого Канева. Вот почему народ около меня ходил роем; ему хотелось

слова, а я не скупился на этот товар [...]. Окрест Канева нет ни одного места ровного, даже на двадцать саженей всё горы да горы, поросшие лесом, и приходится или идти, или ехать с горы вниз, а снизу на гору такой вот дорогой. Милые каневские девчата везли батька Украины добрых верст восемь, а то и все десять, так как нужно было далеко вокруг объезжать лесом, потому что такие горы всё, что с большим трудом взойдешь пешком, а о езде и говорить нечего [...]. Девчата, которые не могли протесниться к Кобзаревой повозке, бросились в лес и пошли ломать ветви да устилать дорогу Кобзарю [...]. Покрылась Кобзарева дорога зелеными ветвями, будто зеленым ковром застелена [...]. Когда везли, впереди всей процессии несли портрет Кобзаря, и весь народ от мала до велика видел, какой он был живым. Как только привезли к могиле, сняли гроб с повозки и начали снова отправление попы, а портрет поставили высоко на груше, в изголовье гроба. Кончили попы, и сразу же начала киевская наша братия в последний раз приветственное и прощальное слово Кобзарю. Таких было четыре человека; один держал слово от белорусской народности, а кончил поп, отец Феодосий [...]. Потом мы поужинали и разошлись, а некоторые остались ночевать на Тарасовой горе, и всю ночь костер горел, будто гайдамаки ночевали в лесу с освященными.

* *
*

[...]. Якось у п'ятницю вечором почулисьмо ми невзначай, що везуть Тараса,— уже в Броварах ночує, за Дніпром,— та й лишень не знать, де похоронять. Ми жвавіше кинулись і, зібравши копійчину, вирядили свого громадського учителя (що у нас приготовляє сільських дітей на шкільних наставників) та й на всю ніч послали його за Дніпро вартувати. Той на другий день, у суботу, побіг назад у Київ із Броварів, і не єден йому завидував, що він перший удостоївся бачити труну, содержащую найдорожчий скарб нашої України. Зараз скочило із десяток наших хлопців до ректора та й до цензорів за позволенням мовити річі при встрічі [...]. Другі ж хлопці, що не такі головачі письменні, повдягались у віщо хто мав, книжки покинули в кутки, а самі за бриль (капелюх) та й за ціпок.

Майнулисьмо ми стежками, аби куди ближче над берег Дніпра та берегом далі, аж до ланцюгового моста, по мосту за Дніпро аж у Александріївську слобідку. Тутки уже було людей чимало, селяни, міщани, козацтво вільне і панське. Панство вельможне у берлинах або дрожками поприїздило, а поміж усіма походжають наші молодці університетської громади, всі в киреях чорних,

усі в брилях солом'яних, в широких штанах та в козлових чоботях; питались ми за рідню Тарасову, чому нас не ведуть вони на стрічу покійнику.

Вони, бачте, сердешні, пішки поприходили із далеких повітів у Київ, та й зложили 15 руб., закупили місце на цвинтарі на Щекавиці, уже і грабарів найняли, щоб яму копати. Ждали ми на тім боці Дніпра, у Чернігівщині, зо 2 години, аж насилу дождалися,— труна на возі вінками обвита, на козлі ямщик бородатий, коні поштарські ледве бредуть по піску глибокому [...]. Народ поскидав шапки,— ми заспівали йому хором сумну пісню,— на труні був вінок, і з руки жіночої на йому написано: «Прощай, батьку, орле сизий!». А ми ж його, діти бідолашні, живого й не бачили, хіба його знали од наймолодших літ.

Тоді перший наш козак Федір Тимішив виступив з мовою сердечною українською, у котрій виразив простими словами жаль і плач українців за Тарасом, нашим Ієремією. Потім була друга і третя мова українська, тоже сердечна і повна честі заслугам вікопомного мужа. Далі виступив один серб — семінарист [...], той по-свійськи виразив од усіх южних слов'ян: болгарів, сербів, чорногорців — свою честь і шанобу для українського співця. Затим настала черга речі одному молодцю великоросу, желавшему тоже почесть пам'ять Шевченку. За недостатком пана Сича (Совінського, переводчика «Гайдамаків») виступив другий лях, которий зачав словами: «У нас, бачите, молодії ляхи стають уже інші!» Потім була славна, глибокомислена мова молодого К. В. Ш., подолянина, працюючого над етнографією рідного краю. Затим слідувала дуже гарна річ щиромосковська [...]. Тим часом прийшла рідня Тарасова з сином вольного козака, інспектором 2-ї Київської гімназії,— і за їх плачем не чути було нічиєї мови. Серед великого мосту випряглисьмо ми поштові коні і самі потягли тяжкий караван до правого берега Дніпра і дальше по шосе до церкви св. Рождества Христова [...].

Брат покійника, не рідний — Варфоломей їздив аж до лаври прохати його преосвящ. отця митрополита об тім, лишень би монахи не боронили пригостить на сутки (24 години) мертвого Тараса в городі, куди йому живому запрещено було уїжджати.

За труною йшло з 14 душ рідні Тарасової, його два

брати рідні, сестри, небожі з дітворою; усі одягнуті по сільському обичаю, у свитках, жінки в хустках, а хлопи під пахами несли подрані брилі.

Сердешно плакали ми, гіркими сльозами покійника споминали ми. Чимнайбільше його згадували родичі, отсе за теє, що він допомагав їм викуплятись на волю із підпанства, що він трудову копійку позичав їм на те, щоб вивчить дітей письму та й грамоти, по-церковному й по-граждански. Отже, в пам'ять сего узялисьмо ми двох його племінників на виховання, аби то і вони, сердешні, пізнали, як молодіж українська щиро шанує та повіки споминатиме Тараса Шевченка [...].

Довезлисьмо ми до кінця шосейної дороги, затримались біля церкви, та й нашими-таки руками тихесенько знесли труну через бокові двері у церкву.

Тут прочитав молитву монах із Братського монастиря, знавший колись Тараса і розумівший його заслуги для української словесності.

На другий день наші хлопці кинулись, найняли музику; із усіх шкіл випущена була дітвора, а старшенькі молодці посунулись усі на панахиду до церкви Рождества. Багато тутки мовилося гарних мов [...]. Не занедбали тож і наші молодці роздать старцям грошей і спом'янути заслуги Тарасові перед щирими київлянами, особливо перед чесним міщанством і ремесельними цехами *.

[В.] Б[ернатович], Похорони Тараса Шевченка, «Слово», 1861, № 49.

[...] Как-то в пятницу вечером прослышали мы невзначай, что везут Тараса,— уже в Броварах ночует, за Днепром,— да только неизвестно, где похоронят. Мы, поскорее собрав копейку — другую, отрядили своего общественного учителя (который готовит из наших сельских детей школьных наставников) да на всю ночь послали его за Днепр дожидаться. Тот на следующий день, в субботу, вернулся в Киев из Броваров, и не один ему завидовал, этой чести, что он первый удостоился видеть гроб, содержащий самое дорогое сокровище нашей Украины. Тут же с десяток наших парней побежали к ректору и к цензорам за разрешением произносить речи при встрече [...]. Другие же парни, не такие толковые и грамотные, поодевались кто во что горазд, книжки побросали в углы, а сами — за шляпу да за посох.

Двинулись мы тропинками, поближе к берегу Днепра, а по берегу дальше, до цепного моста, по мосту за Днепр — в Александров-

* Далее следует перевод на русский язык.

скую слободку. Тут же было людей немало, крестьяне, мещане, казачество вольное и панское. Панство вельможное в берлинах или на дрожках поприезжало, а между всеми прохаживаются наши молодцы университетской громады, все в киреях черных, все в шляпах соломенных, в широких штанах и в козловых сапогах; спрашивали мы о родне Тарасовой, почему нас не ведут они навстречу покойнику.

Они, вишь, сердешные, пешком поприходили из дальних уездов в Киев, собрали 15 руб., закупили место на кладбище на Щекавице, уже и землекопов наняли, чтоб яму копать. Ждали мы на той стороне Днепра, в Черниговщине, часа два, еле дождались,— гроб на повозке венками обвит, на козлах ямщик бородатый, кони почтовые едва бредут по песку глубокому [...]. Народ поскидал шапки, — мы запели ему хором грустную песню, — на гробу был венок, и женской рукой на нем написано: «Прощай, батьку, орле сизий!» А мы-то его, дети сирые, живого и не видели, хоть знали его с молодых лет.

Тогда первый наш казак Федор Тимошев выступил с речью сердечной украинской, в которой выразил простыми словами скорбь и плач украинцев по Тарасу, нашему Иеремии. Потом была вторая и третья речь украинская, тоже сердечная и полная почитания заслуг незабвенного мужа. Затем выступил один серб — семинарист [...], тот по-братски выразил от всех южных славян: болгар, сербов, черногорцев — свое почитание и уважение к украинскому певцу. Засим пришел черед речь держать одному молодцу великоросу, желавшему тоже почтить память Шевченко. За отсутствием пана Сыча (Совинского, переводчика «Гайдамаков») выступил другой поляк, который начал словами: «У нас, скажу вам, молодые поляки становятся уже иными!». Потом была замечательная, глубокомысленная речь молодого К. В. Ш., подолянина, работающего над этнографией родного края. Дальше следовала очень хорошая речь чисто московская [...]. Тем временем пришла родня Тарасова с сыном вольного казака, инспектором 2-й киевской гимназии, — и за их плачем не слыхать было ничьих речей. Посреди большого моста выпрягли мы почтовых коней и сами потянули тяжкий караван на правый берег Днепра и дальше по шоссе к церкви св. Рождества Христова [...].

Брат покойника, не родной — Варфоломей ездил в самую лавру просить его преосвященство отца митрополита о том, чтобы монахи не запрещали приютить на сутки (24 часа) мертвого Тараса в городе, куда ему живому запрещено было въезжать.

За гробом шло душ 14 родни Тарасовой, его два брата родных, сестры, племянники с детворой; все одетые по сельскому обычаю, в свитках, женщины в платках, а мужчины подмышкой несли потертые соломенные шляпы.

Горько плакали мы, горькими слезами покойника поминали мы. Больше всех его поминали родичи, это ж за то, что он помогал им выкупа́ться на волю из подпанства, что он трудовую копейку одолжал им для того, чтобы выучить детей письму да грамоте, по-церковному и по-гражданскому. Вот в память об этом взяли мы двух его племянников на воспитание, чтобы и они, сердешные, знали, как молодежь украинская свято чтит и повек помнить будет Тараса Шевченко [...].

Довезли мы до конца шоссейной дороги, задержались у церкви, да своими руками потихоньку занесли гроб через боковые двери в церковь .

Здесь прочел молитву монах из Братского монастыря, знавший некогда Тараса и понимавший его заслуги для украинской словесности.

На другой день наши хлопцы пошли, наняли музыку; со всех школ выпущена была детвора, а молодцы постарше отправились все на панихиду к церкви Рождества. Много тут говорилось хороших речей [...]. Не позабыли наши молодцы раздать нищим деньги и помянуть заслуги Тарасовы перед лучшими киевлянами, особенно перед честным мещанством и ремесленными цехами.

* *
*

Каневский корреспондент «Киевского телеграфа» пишет... следующее: В Канев останки праха Т. Г. Шевченко на пароходе по Днепру прибыли вечером 20 мая. И здесь также народ разного возраста и наций толпился и старался, чтоб удостоиться нести гроб в церковь св. Георгия, в которую, за теснотой народа, не было возможности протолпиться.

В продолжение трех дней, при множестве народа, служили панихиды по усопшему. Здесь было сказано несколько речей на языке малороссийском и одна на польском, все эти речи глубоко западали в душу слушателя и невольные слезы вызвали на глаза.

Мая 23 мы проводили тело на Чернечью гору, где предали его вечному покою. На могиле предполагается поставить памятник, и гора, отделенная от города на две версты, с этих пор будет именоваться «Могилой Шевченко».

«Книжный вестник», 1861, № 14—15.

* *
*

По предании тела земле, отдавши последний долг покойному поэту, все сопутствовавшие из Киева и других мест начали разъезжаться, и когда 12 числа я один, посетивши могилу, думая последний раз перед отъездом поклониться батькови и другу, выйдя на высокую гору, увидел осиротелую могилу, то невыразимая грусть сдавила мне сердце; не хотелось расставаться с местом, где улеглось тело нашего любимого и дорогого Кобзаря, а

желалось самому закопаться в той славной земле. Думаю: а кто ж насыплет над ним высокую могилу по его завещанию? не попробовать ли мне?

Едва блеснула в моей голове эта с в і т л а щ и р а д у м а, как из-за нее вырос в воображении мрачный демон-чудовище — мысль о провинциальном чиновничестве, способном из мухи вывести слона, хотя я знал о нем только понаслышке, это сильно пугало меня, но надежда: авось, может быть, вывернусь, вольными широкими крылами рассеяла по воздуху темное бесовское наваждение и утвердила во мне доброе намерение сделать последнюю услугу незабвенному батькови и други Тарасу.

Объявив о моем намерении — остаться на некоторое время в родной Украине, между своего народа, подышать ее воздухом после 18-летнего моего отсутствия,— одному из почитателей покойного поэта, знакомому с некоторыми властями города Канева, и о моих опасениях насчет чиновничества, я просил его представить меня некоторым лицам, что и было сделано им.

Когда явились мы к некоей особе, облаченной значительной властью по тамошнему положению, то особа эта сейчас же направила разговор на новое положение о крестьянском быте и свела на ту дорогу, что у них несколько мудрецов (так выразилась значительная особа) уже посажено в тюрьму за чтение нового положения об улучшении быта помещичьих крестьян, говоря: «мы их, голубчиков, выведем».

Таким образом, участь моя заранее решена: стало быть, другими словами: если хочешь остаться здесь, где царит порядок и спокойствие, так полезай в тюрьму, а не хочешь в тюрьму, так убирайся отсюда.

Я со своей стророны сделал намек, что я художник и остаюсь только с тем, чтобы насыпать могилу своему любимому земляку и народному поэту, и не только, мол, тебе, но и никому из вас не помешаю порядковать во все четыре заставки.

О б р а щ е н и е с н а р о д о м. Между тем по разнесшимся слухам о привозе и погребении тела Шевченко в Каневе беспрестанно прибывал разного звания народ, чтобы посмотреть могилу и поклониться праху покойного. После погребения Шевченко народ с самого начала прибывал, частию с барок и плотов с лесом, плывущих по Днепру и проходящих как раз у самой подошвы Чер-

нечьей горы, на которой погребен поэт (народ этот большей частью литвины; малороссияне наши называют их кракодзеями), а частью с пароходов, пристающих в полуверсте от могилы Шевченко. Посетители с пароходов большей частью благородное сословие: офицеры, гражданские чиновники, студенты, дамы и разного звания люди. Потом уже, по мере распространившихся слухов, начали посещать могилу поэта духовенство и сельский народ из окрестностей, в особенности в воскресные и праздничные дни.

Оставшись один исполнить свое намерение насыпать могилу над прахом любого батька Тараса, 12 мая я перешел из Канева и поселился в маленьком сельце, на расстоянии полторы версты от центра города и в двух с половиною от могилы, ибо могила поэта находится верстах в четырех за Каневом вниз по течению Днепра. Во время производства работ и во все время жительства моего в Каневе я постоянно находился между крестьянами и обходился с ними, как следует честному человеку и христианину, ласково и приветливо, одним словом — по-братски и как родной их селянин *. На разные вопросы их о каком-либо недоразумении объяснил им, как следует и как я понимаю, но вопросы эти и объяснения мои касались исключительно семейных дел, ссоры крестьян между собою и других разных обыкновенных предметов, не заключающих в себе ничего политического и важного [...]. Затем, в свободное или праздничное время, от нечего делать я занимался рисованием с натуры окрестностей и по просьбе крестьян с удовольствием читал и объяснял им, на понятном для них малороссийском языке, разные стихи и повести известных сочинений Шевченко, Основьяненко и других малороссийских поэтов. Стихи и повести эти, как народные и отпечатанные в особых брошюрках, были высланы из Петербурга по почте для распродажи, и крестьяне покупали их от меня с большой охотой.

Г. Честаховский, Эпизод на могиле Тараса Шевченко, «Киевская старина», 1896, февраль, стр. 231—234.

---

* Н. Г. Ч-ий по происхождению был сам крестьянин, родом из Новороссии. *(Прим А. Лазаревского.)*

* *
*

Оце учора, 16-го, тільки що вивершив батькові Тарасові могилу сажені в дві заввишки, а тепер піду оброблять; добрий люд дуже поміг мені в сьому ділі; з канівським людом начав робить могилу, а кончив з пекарцями й хмілянами (поміщичими кріпаками),— одні за 7 верст від Канева, а другі за 14, і робили щиріше, ніж канівське міщанство. Боже мій! Як би мені хотілось хоть капелиночку подякувать їх на прощання — зварить їм обід на вічне поминання батька Тараса; це ж у нас обичай старинного заповіту, і народ наш дуже за його придержується. Дуже б гарно було, бо батька України поховали, а людові не дали ні шматочка хліба в поминок, тільки своя громада та попи випили по чарочці, трошки перекусили печеної риби з хлібом, а потім Шевченки сім'єю зварили капусту й локшини два горшки, то ж все для своїх п'ятнадцяти чоловік, та тим і закінчили. А потім роз'їхались по куточках, як горобці по остріхах, тільки я один остався і кожен день вештаюсь по Тарасовій горі, хоть дернину або дві викопаю та положу йому на широкі груди, і якось легше на серці.

Канівським панам і людові якось моторошно дивитися на мене, що я, панич з великого Петербурга, та надіну гайдамацькі штани й сіру свитку, та візьму заступ в руки й роблю Тарасові могилу не так, як би пан робив з заступом в руках, а таки так, як добрий хазяйський син або щирий робітник, або, ще краще, як добрий пан посеред кріпаків з палицею або батогом пристає до помочі людові на панщині; та ще після того возьму та прочитаю що-небудь із «Кобзаря» або карандаш в руки та й нарисую якого чоловіка абощо,— те їм в диковину, і самі не придумають і не приберуть собі толку, що б то воно за чоловік такий. Сказать би що воно пан, так не виходить: пани того ж не роблять, що він виробляє заступом і довбешкою.

От для сих сиріт я дуже бажав би од усього серця зварить обід коло Тарасової хатини і пом'януть з щирим нашим людом його велику да любящу душу, нехай би вони згадували, що колись-то було, як приїхав батько Тарас з далекої дороги у свою господу панувать між ними. Вони всі називають його батьком Тарасом, рятував-

шим їх волю, а гору, на котрій поховали, — Тарасовою горою, замість прежнього названня Чернечою *.

Г. Честаховский, Письмо к Ф. И. Черненко от 17 июня 1961 г., «Киевская старина», 1898, февраль, стр. 172—173.

Только вчера, 16-го, насыпал батьке Тарасу могилу сажени с две высотой, а теперь пойду обрабатывать; люди добрые очень помогли мне в этом деле; с каневским народом начал делать могилу, а кончил с пекарцами и хмелянами (помещичьими крепостными), — первые за 7 верст от Канева, а вторые за 14, а делали добросовестней, чем каневское мещанство. Боже мой! Как бы мне хотелось хоть капельку отблагодарить их на прощанье — сварить им обед на вечное поминанье батька Тараса; это ведь у нас обычай старинного завета, и народ наш очень его придерживается. Очень было бы хорошо, ведь батька Украины похоронили, а народу не дали ни кусочка хлеба на поминки, только своя громада да попы выпили по рюмочке, слегка перекусили печеной рыбы с хлебом, а потом Шевченки семьей сварили капусту и лапши два горшка, только на своих пятнадцать человек, да на том и покончили. А потом разъехались по домам, как воробьи по застрехам, только я один остался и каждый день брожу по Тарасовой горе, хоть дернину-другую выкопаю да положу ему на широкую грудь, и как-то легче на сердце.

Каневским панам и простолюду как-то не по себе смотреть на меня, что я, паныч из великого Петербурга, да надену гайдамацкие штаны и серую свитку, да возьму заступ в руки и делаю Тарасу могилу не так, как бы пан делал с заступом в руках, а так же, как добрый хозяйский сын или настоящий рабочий, или, еще лучше, как добрый пан среди крепостных с палкой или кнутом принимается помогать народу на панщине; да еще после того возьму и прочитаю что-нибудь из «Кобзаря» или карандаш в руки да нарисую какого-нибудь человека или еще что-либо — это им в диковинку, и сами не придумают и не возьмут в толк, что это за человек такой. Сказать бы пан, так не выходит: паны же того не делают, что он выделывает заступом и долбешкой.

Для этих вот сирот я очень хотел бы от всего сердца сварить обед около Тарасовой домовины и помянуть с добрым нашим народом его великую и любящую душу, пусть бы они вспоминали, что когда-то было, как приехал батько Тарас с далекой дороги в свое именье владеть ими. Все они называют его батькой Тарасом, что ратовал за их волю, а гору на которой похоронили,— Тарасовой горою, вместо прежнего названия Чернечьей.

---

* Далее следует перевод на русский язык.

МАТЕРИАЛЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

1861 г., 12 июня. Письмо полицейского надзирателя 1-го квартала Васильевской части Петербурга к правлению Академии художеств с описью имущества Т. Г. Шевченко

Во исполнение предписания 1-го департамента управы благочиния от 4 сего апреля за № 6255, препровождая у сего опись имущества умершего академика Тараса Шевченко, имею честь покорнейше просить оное правление принять имущество это по описи в свое ведение и таковую возвратить ко мне с распиской в принятии.

Надзиратель [подпись].

ДМШ-7, л. 29.

1861 г., 8 мая. Письмо киевского гражданского губернатора начальнику каневской полиции о сохранении порядка во время похорон Т. Г. Шевченко в Каневе

Сегодня повезут на пароходе в Канев тело умершего академика Шевченко, где предполагают предать его земле. Меж тем при погребении, по всей вероятности, будет большое стечение народа, то я предписываю вашему высокоблагородию принять надлежащие меры к сохранению порядка. Последующем мне уведомить.

Генерал-лейтенант Гессе.

ДМШ-123, л. 1.

1861 г., 16 мая. Письмо киевского генерал-губернатора гражданскому губернатору о похоронах Т. Г. Шевченко в Каневе

Вашему превосходительству известно из донесения начальника каневской уездной полиции и чиновника особых при Вас поручений Скрипцова от 12 сего мая по делу о дворянине Борисе Познанском, что при погребении 10 числа сего месяца в г. Каневе тела академика Тараса Шевченко студенты Киевского университета говорили речи, в которых ясно высказывалась будто надежда на будущую свободу Малороссии.

Покорнейше прошу ваше превосходительство немедленно потребовать от начальника каневской уездной полиции донесения, кто именно из студентов говорил при погребении Шевченко речи и в чем они заключались. Прикажите ему употребить все старание достать эти речи, если они существуют в рукописи, в противном же случае пусть он подробно укажет, в чем речи эти заключались и кто может подтвердить достоверность того, что в них говорилось о будущем освобождении Малороссии.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

ДМШ-123, л. 2.

1861 г., 16 мая. Письмо начальника каневской уездной полиции киевскому генерал-губернатору о похоронах Т. Г. Шевченко и о содержании речей над его могилой

Во исполнение предписания вашего превосходительства от 7 сего мая за № 3288, честь имею почтительнейше донести, что тело академика Тараса Шевченко похоронено вблизи г. Канева на особо избранном месте двоюродным братом его Варфоломеем Шевченко на возвышенном берегу Днепра.

Погребение это происходило 10 сего мая, в 3 часу пополудни, при стечении народа около 2 тысяч человек, во время похорон было сохраняемо спокойствие и порядок. Над телом покойника говорено было две проповеди и шесть речей; первая проповедь произнесена была протоиереем Мацкевичем при выносе тела из церкви, а вторая — при самом погребении священником Чайковским.

Во время же шествия похоронной процессии, когда останавливались для чтения над телом св. Евангелия, и при погребении покойника произнесено шесть речей на русском, малороссийском и польском языках окончившим курсы университета св. Владимира Ковалевским, студентами того университета Михаилом Малашенко, Петром Вишневским, учеником 2-й гимназии Вельегорским и канцелярским Иваном Шукетой. В проповеди, говоренной протоиереем Мацкевичем, преувеличено выставлены заслуги Шевченко как человека, хотя и не государственного, по его выражению, но старавшегося своим высоким умом разлить свет истины в здешнем крае; в произнесенных же студентами и другими попутными лицами речах высказано, что Шевченко был отцом Малороссии и Украины, что слава его не померкнет надолго и что в творениях его есть зародыш будущего величия страны, им воспетой.

Список лицам, прибывшим из г. Киева в г. Канев на пароходе вместе с телом академика Шевченка, у сего представляется.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 4—5.

1861 г., 16 мая. Список лиц, прибывших из Киева с гробом Т. Г. Шевченко в Канев

1. Елисаветградский купец Варфоломей Шевченко.
2. Жена его Александра.
3. Каленик Шевченко.
4. Никита Шевченко.
5. Жена его Пелагея.
6. Иосиф Шевченко.
7. Жена его Матрона.
8. Гавриил Бойко.
9. Жена его Ирина.
10. Учитель 2-й Киевской гимназии Иван Сошенко
11. Жена его Мария.
12. Жена инспектора 2-й киевской гимназии Надежда Чаповая.
13. Коллежский секретарь Александр Лазаревский (из С.-Петербурга).
14. Мещанин Николай Постернак (из С.-Петербурга).

15. Дворянин Виктор Вогодский.
16. Губернский секретарь Григорий Честаховский.
17. Канцелярский Иван Шукета.
18. Окончивший курс в университете св. Владимира Николай Ковалевский.
19. Поручик Виктор Забелло.
20. Студент университета св. Владимира Михаил Малашенко.
21. Дворянин Яков Габель.
22. Поручик Богданович.
23. Студент университета св. Владимира Петр Вишневский.
24. Ученик 2-й киевской гимназии Вельегорский.

Верно: Начальник уездной полиции Котляров.

1861 г., 12 июля. Письмо помещика Парчевского кн. П. П. Лопухину по поводу слухов о заговоре на могиле Т. Г. Шевченко и на Каневщине

Г. Канев есть центр заговора против помещиков, а Корсунь подручное место. Есть очень деятельные агенты между последователями Шевченко. Мы все на вулкане, неведение или беспечность полиции удивительны.

Я поставляю себе в священную обязанность предупредить об этом вашу светлость и прошу поручить г. Змеевскому приехать сюда разузнать о деле. Данные, которые я имею, не вымышлены, и каждому позволено защищать, кто знает, быть может, свою жизнь, а время не терпит. 12 июля. Межиричи село.

P. S. Я бы просил письмо это сжечь.

ДМШ-123, л. 19.

1861 г., 15 июля. Рапорт полковника кн. Лобанова-Ростовского киевскому генерал-губернатору о получении известий относительно заговора на могиле Т. Г. Шевченко

Долгом считаю донести вашему сиятельству, что вчера вечером довольно поздно помещик князь Павел Петрович Лопухин получил от соседнего помещика Парчев-

ского письмо, копию которого имею честь при сем приложить. Письмо это было мне сообщено, и я сегодня до рассвета сам поспешил отправиться в Межиричи к господину Парчевскому, чтобы мне от него подробнее узнать о сведениях, которые он мог иметь, и об источниках оных.

Сведения эти оказываются, конечно, не довольно точными, но, по крайней мере, он называет несколько лиц, на которых показывает разные подозрения, и других, от которых, по предложению его, узнать многое можно; как, например, один из его экономов, как сие видно из копии прилагаемой при сем его записки.

ЦГИА УССР, дело из фонда киевского генерал-губернатора, секретная часть, 1861, № 136, л. 1.

1861 г., 15 июля. Записка чиновника, адресованная кн. Лобанову-Ростовскому

В предместье Канева есть один артист. Некоторые называют его Грицем, другие говорят, что Гриц есть старый, воскресший после 16 лет смерти крестьянин, который главное пребывание имеет на могиле Шевченко и ходит по окрестным селениям.

Эконом Буркат знает об этом деле. Место свидания этих личностей — могила Шевченко и Канев.

Сотский из Пекарей везде сопровождает Гриця.

Кулиш прибыл из Петербурга в Канев и оттуда отправляется в Корсунь.

С подлинным верно:
чиновник особых поручений [подпись].

ЦГИА УССР, дело из фонда киевского губернатора, стол 1, 1861, № 198, л. 19—20.

1861 г., 15 июля. Рапорт каневского уездного стряпчего киевскому губернатору о слухах, связанных с могилой Т. Г. Шевченко

С прибытием в Канев тела покойного малороссийского поэта Шевченко прибыли сюда несколько лиц, как можно полагать, приверженцев малороссийской национальности; но после погребения они, пробыв некоторое время в Каневе, уехали отсюда,— один же из них, Гри-

горий Честаховский, до сих пор остается в Каневе. Образом жизни своей и поступками Честаховский обращает на себя внимание, как человек подозрительный: сначала он казался странным своим малороссийским костюмом, но, когда и действия его стали казаться странными и предосудительными, он известный здесь в простом народе под именем Грицька, обратил на себя особое внимание. Следя за толками и слухами, которые о нем ходят, я узнал, что он в постоянных беседах с простолюдинами, происходящих большей частью на могиле Шевченко, старается внушить им идею малороссийской независимости [и] свободы, рассевает между народом слухи, будто Тарас Шевченко не умер, но живет и, проникнутый мыслью малороссийской пропаганды, не перестает думать о дорогой ему Малороссии и со временем даст знак к действиям, что в так называемой могиле Шевченко находятся ножи. Честаховский старается поселить в своих слушателях ту мысль, что они до тех пор не могут воспользоваться совершенной свободой, пока не перережут ляхов — своих панов, которые всегда были и будут их врагами; что даже попам не нужно верить потому, что здесь все подкуплены и все действуют заодно — во вред простому народу. Честаховский старается как можно больше распространить в обращение сочинения Шевченко и продает маленькие экземпляры их по 3 коп. сер[ебром]. Книжечки эти, склад которых, как говорят, у купца Карпова, заключают в себе выдержки из поэмы «Гайдамаки» и в особенности те главы, где всего более говорится о кровопролитиях, бывших в Украине. По воскресным и праздничным дням, когда люди свободны от работ, на могиле Шевченко можно видеть всегда большое стечение народа и в особенности девок и парней. Здесь они, по целым ночам пьянствуя и бесчинствуя, слушают рассказы Грицька (Честаховского). Честаховский посещает также по праздничным дням окрестные села, а в особенности во время храмовых праздников. Все действия Честаховского возбуждают сильное подозрение. Он являлся в полицию, прося отнестись к капитуле орденов, где, вероятно, служит, что он не может по болезни отправиться туда, но старший заседатель полиции под благовидным предлогом отклонил удовлетворение его ходатайства и предупредил о том городского врача.

Недавно приезжал сюда, как говорят, некто Лазарев-

ский *, служащий, как я слышал, в С.-Петербурге. Лазаревский выдавал будто себя за великого князя Константина Николаевича, рассказывая, что хотел приехать инкогнито, но паромщики его узнали. Он говорит, что теперь нет никого в С.-Петербурге, кроме государя и государыни, все же прочие члены царской фамилии уехали из столицы. Лазаревский делал, говорят, выговор Честаховскому, что тот ничего до сих пор не приготовил. Он отправился в Корсунь, куда часто ездит Честаховский. Инспектор киевской гимназии Чалый также был в Корсуне. Все они бывают там для свидания с помощником тамошнего управляющего Шевченко (родственником покойного поэта)**, известным также преданностью малороссийской национальности.

На днях, как я слышал, привезли какой-то зеленый сундук, опечатанный, и что́ в нем заключается, не знают, но догадываются, что ножи.

Все эти слухи рассказывают в разных вариациях, и потому можно думать, что донесения по этому вопросу вашему превосходительству не будут во всем согласны.

При нынешних же обстоятельствах и при тревожном настроении умов простого народа все подобные слухи и толки не могли не обратить на себя внимания, и потому я счел моим долгом донести о них вашему превосходительству и его сиятельству г. генерал-губернатору.

Уездный стряпчий [подпись].

ДМШ-123, л. 31—32.

1861 г., 15 июля. Письмо старшего заседателя каневской уездной полиции на имя помещика кн. Лопухина о Честаховском и В. Шевченко

В г. Каневе и его окрестностях с мая месяца с. г. имеет пребывание чиновник капитула орденов Григорий Честаховский, доставивший в Канев тело умершего академика Шевченко. С некоторого времени я устремил все мое внимание на действия этого чиновника и из-под руки дознал, что он весьма вреден для порядка; народ, пред

---

* Лазаревский Михаил Матвеевич. *(Прим. ред.)*.

** Имеется в виду Варфоломей Григорьевич Шевченко. *(Прим. ред.)*.

которым он распространяет нелепые толки, угрожающие общим волнением, совершенно ему предан и разглашает весьма опасное будущее.

Честаховский часто бывает в Корсуне у двоюродного брата Шевченко, который состоит в экономической должности в имении вашей светлости; оба преданы, кажется, одному делу, и едва ли бывшие в имении вашей светлости лет тому несколько назад волнения крестьян не происходили от влияния Шевченко, так тесно своею службою с ними соединившегося; поэтому, независимо от распоряжений, какие будут вслед за сим сделаны официальным путем о чиновнике Честаховском, я долгом счел почтительнейше представить на благоусмотрение вашей светлости, что состояние Шевченко в экономической должности, а даже и самое пребывание его в имении при настоящих обстоятельствах очень не кстати, доселе, по крайней мере, носится молва, что Честаховский успел убедить простой народ, будто бы в могилу вложено не тело Шевченко, а ножи, которые присланы для произведения резни и получения таким образом простому народу полной свободы.

С беспредельным уважением

старший заседатель каневской уездной полиции Владислав Монастерский.

ДМШ-123, л. 22.

1861 г., 15 июля. Письмо начальника каневской уездной полиции киевскому губернатору о слухах вокруг могилы Т. Г. Шевченко и о деятельности Честаховского в Каневе

Весьма секретно

В первых числах мая месяца сего года, в числе прочих лиц, прибывших в г. Канев вместе с телом академика Тараса Шевченко, прибыл из С.-Петербурга губернский секретарь, служащий в капитуле орденов, Григорий Николаев Честаховский, который, по настоящее время находясь в г. Каневе, занимается обделкой могилы над Тарасом Шевченком, срисовыванием разных видов с натуры, раздачей и продажей разным лицам сочинений покойника в отдельных брошюрках. Сего числа, возвратясь из уезда, где я находился по делам службы, я узнал, что в г. Каневе носятся следующие слухи:

а) что скоро наступит *Тарасова ночь,* в которую будут резать попов, ляхов и жидов;

б) что 8 числа сего июля, в день отправления над могилой Шевченко панихиды, приезжал к Честаховскому коллежский секретарь Александр Лазаревский. Он сперва приехал из С.-Петербурга в Киев, а оттуда на пароходе в Канев, отсюда ездил в Корсунь к Шевченко (двоюродному брату умершего); затем, по возвращении в Канев, отправился обратно на пароходе в Киев. По приезде же своем Лазаревский будто бы доставил к Грицку (так называют Честаховского) сундук ножей. Простонародие же говорит, что приезжал к могиле Шевченко великий князь и желал быть здесь инкогнито, но его узнали рабочие парохода;

в) что академик Тарас Шевченко не умер, а отравлен, что вместо него в гробу сохраняются ножи;

г) что Грицко (Честаховский) в крестьянском платье, расхаживая по ближайшим селениям и храмовым сельским праздникам, разглашает, что он внук славного Гайдамаки, который резал ляхов и жидов, и

д) что Григорий Честаховский имеет тесную связь с какими-то двумя-тремя неизвестными жителями г. Канева, лицами, которые вместе с ним занимаются постоянно какой-то перепиской, что лица эти приезжают к нему из других мест. Все эти слухи приводят жителей в тревожное состояние, они доходили даже до служащих здесь чиновников: уездного стряпчего Немченко, также Гродецкого, Шульца и Александровича, членов городской думы, дворянки Багницкой и других. Причем мною дознано: что Григорий Честаховский бо́льшую часть дня проводит на могиле Шевченко, занимается устройством могилы, а в особенности снимает с натуры разные виды, вечерами же проводит время с каневским и соседственных мест простым сословием обоего пола, которое собирается над вечер почти ежедневно, в особенности в праздничные дни; любит, чтобы простое сословие обращалось с ним как можно короче, называло его ты, Грицко и т. п.; нередко при этом ходит в ближайшие селения Пекари и Хмельну (Черкасского уезда), где проводит время в корчме также с простым сословием и при всяком случае старается сбыть в брошюрках отрывки сочинения Шевченко, а в особенности автора этого поэму «Тарасова ночь», в которой описывается картина истреб-

ления поляков и жидов, каждая брошюрка стоимостью по 3—5 коп. сереб.; а также и граматку издания П. Кулиша[53], которая по содержанию своему весьма вредна, может быть объясняема простым сословием различно, а в особенности же окончательные выражения на стр. 67. Все эти сочинения в брошюрках Честаховский старается сбыть, если не за деньги, то дает в дар крестьянам и другим лицам, и до того успел в этом, что в продолжении нескольких дней текущего месяца сбыл несколько сот брошюрок, в г. же Канев они были переданы Честаховским для продажи в лавку купца Карпова и там почти все проданы, за исключением нескольких экземпляров граматок. Независимо [от] этого Честаховского в конце июня месяца посещали два студента Киевского университета Михаил Малашенко и Федор Панченко, которые, прогостив 3 суток в квартире Честаховского, посещали почти ежедневно могилу Шевченко; а затем на пароходе отправились в Киевский уезд; во время же бытности своей в г. Каневе посещали дворянина Познанского в д. Дударях.

Трудно обнаружить [не] только удостоверением, но даже и следствием настоящую цель сближения Честаховского с местным простонародием и быстрое распространение им в значительном числе брошюр между этим сословием; говорят, что будто бы он распродажу этих сочинений делает для покрытия издержек, употребленных на расходы погребения Шевченко, другие же говорят, что для доставления будто бы средств к жизни его бедных родственников, а некоторые — чтобы за вырученные деньги устроить в память Шевченко ремесленный дом для обучения ремеслам местных мальчиков; все три мнения эти неправдоподобны собственно уже потому, что продажа брошюр производится как бы тайком, но усиленно, без ведома и участия местного начальства, тогда как наше правительство всегда с рьяным усердием содействует всякому частному благому намерению.

Обращая же внимание на характер сочинений Шевченко, в которых так занимательно обрисована, по мнению автора, былая когда-то Украина, с ее резкими событиями, с ее населением, свободным в своих действиях, я нахожу, что подобное распространение упомянутых сочинений служит ясным доказательством, что распространитель их Честаховский желает как бы исподволь разъяснить простому народу стеснительные для них тепереш-

ние узаконения русского правительства и вместе с тем возобновить в его памяти былые времена Украины; не упоминая уже о других изложенных обстоятельствах, еще более утверждающих в этом мнении каждого наблюдателя.

Но несмотря на изложенное мною мнение, хотя нет в виду положительных улик, по которым можно [было] бы обвинять губернского секретаря Честаховского в распространении им вредных слухов, кроме изложенных мною обстоятельств, но принимая их уважительными, я нахожу пребывание его здесь весьма опасным для общественного спокойствия, что он здесь продолжительное время находится по болезни, хотя отпускной билет его около 2 месяцев просрочен, а тем более потому, что вредные слухи время от времени могут распространиться и в более отдаленной местности от г. Канева.

Поспешая донести об этом вашему превосходительству на благоусмотрение, имею честь доложить, что я к учинению обыска в квартире губернского секретаря Честаховского не принимал никаких мер, впредь до разрешения вашего превосходительства, а один экземпляр граматки издания П. Кулиша, признаваемой по содержанию своему вредной, вашему превосходительству почтительнейше у сего честь имею представить, присовокупляя, что вместе с сим донесено мною и г. генерал-губернатору. Относительно же посещения Честаховским сс. Пекарей и Хмельной я вместе с сим сообщил начальнику черкасской полиции для зависящего со стороны его наблюдения, объяснив при этом собранные мною сведения о Честаховском.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 25—30.

1861 г., 17 июля. Из рапорта начальника каневской уездной полиции киевскому губернатору о том, что в Каневском уезде будто бы формируются повстанческие отряды из крестьян

Сего числа я получил частное сведение, верность которого совершенно ничем еще не подтверждается, что будто бы в 3 стане Каневского уезда в одном из селений формируются три шайки из крестьян, которые готовятся

прийти в Канев для истребления ляхов, панов... По важности этих слухов я вместе с сим для лучшего дознания командирую помощника своего полковника Булаха в 3 стан.

О чем вашему превосходительству на благоусмотрение почтительнейше донося, имею честь доложить, что об оказавшемся по удостоверению г. Булаха я буду иметь честь рапортовать дополнительно.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 54.

1861 г., 17 июля. Рапорт начальника каневской уездной полиции киевскому губернатору о том, что для подавления возможных крестьянских волнений нужны дополнительные войска

По соображении обстоятельств, изложенных в рапортах моих от 15 и 17 сего числа за № 523, 528 и 530 относительно поступков губернского секретаря Честаховского и слухов [об] устраивающихся трех шайках крестьян, я, признавая необходимым нахождение войск в г. Каневе для предупреждения могущих произойти беспорядков в народе, в случае, если привязанность простого сословия к Честаховскому так велика, что беспорядки сразу обнаружатся, а в особенности если Честаховский будет подвергнут аресту и слухи об этом разнесутся по окрестностям уезда,— представил об этом вместе с сим генерал-губернатору, прося его сиятельство, не благоугодно ли будет распорядиться, независимо от батальона Александропольского полка, квартирующего в 3 стане Каневского уезда, командировать для означенной надобности в г. Канев и его окрестности для квартирного расположения еще хотя [бы] 2 роты пехоты.

Донося о сем вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не оставить своим ходатайством о скорейшем разрешении представления моего о командировании в г. Канев и его окрестности воинских чинов.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 55—56.

1861 г., 17 июля. Письмо киевского генерал-губернатора киевскому гражданскому губернатору о заговоре против помещиков на могиле Т. Г. Шевченко

Совершенно секретно

14 сего июля поздно вечером помещик князь Павел Лопухин получил от соседнего помещика с. Межиричи Парчевского письмо, в котором извещает князя о существующем в г. Каневе и с. Корсуни заговоре против помещиков, где будто бы находятся очень деятельные агенты этого заговора между последователями Шевченко, и, указывая на беспечность полиции, просит прислать некоего Змиевского для разузнания об этом деле, так как данные, которые он имеет, не вымышлены и каждому позволено защищать свою жизнь, а время не терпит.

Письмо это было сообщено флигель-адъютанту полковнику князю Лобанову-Ростовскому, который поспешил отправиться с рассветом следующего дня к помещику Парчевскому, чтобы получить от него более подробные сведения по настоящему делу и затем представить мне копию записки Парчевского.

В записке этой Парчевский объясняет, что в предместье г. Канева есть крестьянин музыкант Гриць, о котором говорят, будто он воскрес после 16 лет смерти. Он ходит по окрестным деревням, но главное пребывание свое имеет на могиле Шевченко, которая вместе с Каневом служит местом свидания заговорщиков, о чем известно эконому Буркату, что сотский с. Пекарей сопровождает везде Гриця и что Кулиш прибыл из Петербурга в Канев, а оттуда намерен отправиться в Корсунь.

Препровождая при сем в переводе письмо помещика Парчевского к князю Лопухину и записку флигель-адъютанту князю Лобанову-Ростовскому, покорнейше прошу ваше превосходительство распорядиться тотчас командировать [штаб-офицера] корпуса жандармов полковника Грибовского в г. Канев и с. Корсунь и поручить ему, прибыв туда под благовидным предлогом наблюдения за исполнением крестьянами своих повинностей в отношении помещиков или за успехами мер, принятых к истреблению саранчи, совершенно секретно собрать самые подробные сведения по обстоятельствам письма и записки поме-

щика Парчевского, для чего полковник Грибовский может секретно вызвать в Канев или Корсунь его и эконома Бурката, при указании и содействии их разузнать о существовании в Каневе заговора, его цели, руководителях и участниках, а также о крестьянине Грице, сотском из Пекарей, Кулише, цели его прибытия из Петербурга в Канев, занятиях и сношениях в этих местах. Если по розыскам собранные помещиком Парчевским сведения будут подтверждаться, то полковник Грибовский обязан сделать немедленно обыск на законном основании у всех лиц, на которых падает подозрение в участии в заговоре, и когда по обыску найдены будут улики, тотчас арестовать виновных и ожидать дальнейших моих распоряжений по этому делу.

О результатах розысков полковника Грибовского и мерах, которые будут приняты им на месте к раскрытию истины и изобличению виновных в преступных замыслах, ваше превосходительство не оставите сообщить мне в возможной поспешности по получении донесения Грибовского.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

ДМШ-123, л. 17—18.

1861 г., 17 июля. Рапорт заседателя каневской уездной полиции начальнику полиции с требованием арестовать Честаховского

Сегодня я представляю вашему высокоблагородию дело весьма большой важности, которое привожу в окончание, а между тем поспешаю доложить Вам, что по обстоятельствам этого дела настоит весьма экстренная необходимость не теряя ни минуты арестовать прибывшего в г. Канев из С.-Петербурга губернского секретаря Честаховского, который известен здесь под именем Грицька, и содержать его весьма секретно.

Старший заседатель Монастерский.

ДМШ-123, л. 44.

1861 г., 17 июля. Рапорт заседателя каневской уездной полиции об аресте матроса Семена, будто бы призывавшего к бунту

В дополнение рапортов моих от 17 сего июля имею честь донести вашему высокоблагородию, что прикосно-

веннсго к делу о приготовлении к бунту и ужасным сценам отставного матроса Семена я арестовал при уездной полиции впредь до Вашего распоряжения, какое Вам угодно будет сделать по обстоятельствам сказанного дела.

Старший заседатель Монастерский.

ДМШ-123, л. 45.

1861 г., 17 июля. **Письмо начальника каневской уездной полиции киевскому губернатору о Честаховском**

Совершенно секретно

Представленное мне сего числа в 10 часов пополудни старшим заседателем Монастерским начатое следствием дело о губернском секретаре Честаховском, возбуждающем простой народ к бунту, я вместе с сим это дело представил г. генерал-губернатору на благоусмотрение, прося его сиятельство, по важности происшествия, назначить для произведения следствия над губернским секретарем Честаховским особую комиссию и мне разрешить, следует ли тотчас же г. Честаховского подвергнуть аресту. Из начатого же следствием дела видно, что слухи, упомянутые мною в рапорте вашему превосходительству от 15 сего июля за № 523, более распространяются.

Донося о сем вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить не оставить Вашим ходатайством о скорейшем разрешении просимых мною обстоятельств, присовокупляя при этом, что Честаховский с 15 сего июля состоит под самым тщательным секретным наблюдением полиции.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 52—53.

1861 г., 18 июля. **Донесение киевского штаб-офицера жандармского корпуса шефу жандармов о своем откомандировании в г. Канев**

Вследствие полученных губернским начальством письменных извещений, что в г. Каневе на могиле погребенного там малороссийского поэта Шевченко собираются заговорщики против помещиков, г. начальник Киевской

губернии, согласно последовавшему распоряжению его сиятельства г. генерал-губернатора, предложил мне отправиться в г. Канев, произвести негласное там дознание и, если бы потребовалась надобность, произвести у подозрительных лиц обыски, подвергнуть виновных аресту и об оказавшемся донести в Киев, в ожидании на месте дальнейших затем распоряжений начальства.

Об отъезде своем сего числа из Киева в Канев вашему сиятельству донести честь имею.

Полковник Грибовский.

ДМШ-118, л. 3.

1861 г., 18 июля. Письмо начальника каневской уездной полиции киевскому губернатору о содержании речей, произнесенных на похоронах Т. Г. Шевченко

Во исполнение предписаний вашего превосходительства от 19 и 23 минувшего мая за № 3795 и 4047 имею честь почтительнейше донести, что при всем старании моем ни во время погребения академика Тараса Шевченко, ни теперь я не мог приобрести речей, говоренных студентами университета св. Владимира на гробе его. Смысл этих речей был следующий: что правый берег реки Днепра принял в свои недра человека, которого думы глубоко запечатлены в сердцах каждого малоросса, что теперь пусть плачут Канев, Черкассы и Чигирин — свидетели погребения Кобзаря Малороссии, но настанет время, когда явится достойный человек и осуществит мысли сего великого мужа, тогда оба берега реки Днепра соединятся и над могилою сего великого мужа воздвинется памятник, который будет свидетельствовать о славе его.

Смысл этих речей может подтвердить чиновник особых поручений вашего превосходительства Скрипцов, помощник мой полковник Булах, судебный следователь I участка Каневского уезда Хантинский и другие лица, которые находились во время чествования похоронной процессии и погребения Шевченка.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 9—10.

1861 г., 18 июля. Письмо старшего заседателя каневской уездной полиции киевскому губернатору о деятельности Честаховского в Каневе

Секретно

С мая месяца сего года имеет пребывание в городе Каневе и его окрестностях чиновник капитула орденов Григорий Честаховский; он сопровождал тело умершего в Петербурге академика Шевченко и сделался здесь известным под именем «Грицька». С самого приезда в Канев он вошел в сношение с простым народом и приобрел его доверие; на поведение его устремлено было все мое внимание с того повода, что он, под предлогом болезни, ходатайствовал об отсрочке отпуска, тогда как был совершенно здоров; из-под руки я дознал следующее: что Честаховский явился в наш край, чтобы возмутить простой народ к низвержению общего порядка и произведению ужасных кровавых сцен; что для достижения сего он внушал народу слепо верить, что крестьяне вышли из крепостной зависимости по старанию Шевченко; что государь император, не соглашавшийся на это, заключил было Шевченко в тюрьму, но твердая воля Шевченко заставила государя уступить ему; что Шевченко хотел отомстить за угнетение народа, но, будучи призван к богу, где находится с телом и душою, оставил это дело на него, Честаховского, и он, Честаховский, не позволит государю мешать в этом, а сделает все, что угодно народу; что великий князь Константин приедет в Канев объявить народу, чтобы перечистить свет, в помощь же народу явится из Запорожи, Черномории, Дуная и Петербурга 25 тысяч состоящих в распоряжении его, Честаховского, казаков. Говоря о Шевченко как об избраннике божием для освобождения народа, Честаховский приводит в трепет всех тех, кои не были бы ему преданы; верование в силу, славу и святость Шевченко до того стало фанатическим, что народ рассказывает уже о сбывшихся будто бы чудесах, например: что у одной женщины был сын калека, она только раз помолилась Шевченко, и сын ее будто совершенно выздоровел; народ, стекаясь на могилу Шевченко по воскресеньям и в праздничные, а даже и рабочие дни в огромных массах, пьянствует за счет Честаховского, который, не щадя денег на водку, научает моло-

дых и старых петь песни гайдамацкие, браня страшно тех, кои поют русские песни, рассказывая же, как в старину предки резали ляхов и жидов, толкует, что время это вскоре возобновится и Малороссия с восторгом будет смотреть на пламя, которое вспыхнет в один момент в Чигирине, Умани, Черкассах и Каневе.

В прошлую субботу могила Шевченко была окружена массою народа, простиравшегося до тысячи человек, и когда туда же прибыл, вероятно, сообщник Честаховского, какой-то молодой человек, то его выдавали за великого князя Константина, а вчерашнего числа явились ко мне канцелярский Лукашевич и однодворка Лопатецкая со сведениями: Лукашевич — что между солдатами Каневской команды внутренней стражи существует убеждение, что сюда не привезли тела Шевченко, а вместо оного положены в могилу ножи, однодворка же Лопатецкая — что отставный матрос Семен, живущий с нею в соседстве, призвав ее к себе, предостерегал, чтобы уезжала из Канева, ибо в скором времени начнется резня; затем мещанин Степан Кутах, делавший по заказу Честаховского крест для установки на могиле Шевченко, положительно разъясняет, что народ приготовляется к ужасному беспорядку; что Честаховский приводит людей в страшное уныние; он записывает на бумагу тех, к коим не расположен, и люди эти опасаются ссылки на Кавказ, крестьяне же с. Хмельной пребывают в страхе из-за того, что по воле Честаховского деревня их через сорок дней будет совершенно уничтожена, исключая двух хозяев, заслуживших себе его расположение.

Доноси о сем вашему превосходительству, имею честь доложить, что собранные мною сведения по сему предмету я представил 17 июля на 13 листах начальнику каневской уездной полиции для дальнейших с его стороны действий и что такое же донесение вместе с сим послано от меня и г. генерал-губернатору.

Старший заседатель Монастерский.

ДМШ-123, л. 60—61.

1861 г., 19 июля. Письмо киевского губернатора о выдаче денег жандарму на поездку в г. Канев

По случаю выезда моего по делам службы в Каневский уезд, командировав туда жандарма, рядового Герасима Жиненко, я предписываю вашему благородию выдать ему из экстраординарной суммы на прогоны и суточные от г. Киева до г. Канева и обратно, сколько причтется по числу верст, деньги, отнеся таковые на счет казны.

Генерал-лейтенант Гессе.
Скрепил секретарь Галушинский.

ДМШ-123, л. 34—35.

1861 г., 19 июля. Предписание об оказании всевозможного содействия жандарму, откомандированному в г. Канев

Предписывается градским и земским полициям, волостным и сельским начальствам предъявителю сего рядовому киевской жандармской команды Герасиму Жиненко, командированному в Каневский уезд, давать по две лошади за уплату прогонов и вообще оказывать, в случае нужды, всякое законное вспомоществование. Дан сей лист за подписанием моим и с приложением печати. г. Киев, июля 19 дня 1861 года.

Генерал-лейтенант Гессе.

ДМШ-123, л. 36.

1861 г., 19 июля. Письмо старшего полицмейстера Киева губернатору относительно семьи Лазаревских

Секретно

По собранным сведениям я узнал, что коллежский секретарь Александр Лазаревский, служащий в сенате, прибыл в Киев в одно время с телом Шевченко и уехал спустя несколько дней в Канев, а оттуда будто в имение свое, состоящее Черниговской губернии в Конотопском уезде, где он намеревался искать место мирового посредника; в Киеве Лазаревский чаще всего бывал у инспектора 2-й гимназии Чалого и родственников Шевченко. На прошлой

неделе приехал сюда брат его советник Петербургского губернского правления Михаил Лазаревский на богомолье и уехал тоже в именье.

Старший полицмейстер полковник Ивенсен.

ДМШ-123, л. 36.

1861 г., 19 июля. Письмо киевского генерал-губернатора гражданскому губернатору об откомандировании войск в г. Канев

Милостивый государь Павел Иванович.

Препровождая при сем к вашему превосходительству представленное мне сего числа начатое старшим заседателем Каневского земского суда следствие о губернском секретаре Честаховском, возмущающем будто бы простой народ к беспорядкам, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, распорядиться передать это немедленно штаб-офицеру корпуса жандармов Грибовскому, командированному для разысканий в г. Канев. Вместе с тем разрешаю вашему превосходительству распорядиться согласно ходатайству начальника полиции Каневского уезда о переводе в г. Канев из квартирующих в окрестностях этого города войск такое число, какое признаете нужным для сохранения порядка и спокойствия, если, впрочем, это признано будет необходимым.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга князь И. Васильчиков.

ДМШ-123, л. 39.

1861 г., 20 июля. Телеграмма киевского генерал-губернатора начальнику III отделения о собрании крестьян на могиле Т. Г. Шевченко

В Каневе на могиле Шевченко было сходбище народа, встревожившее жителей и подавшее повод опасению заговора против помещиков. Губернатор поехал на место успокоить.

Генерал-адъютант князь Васильчиков *.

ДМШ-118, л. 1.

---

* Телеграмма передана шифром.

1861 г., 21 июля. Письмо киевского генерал-губернатора начальнику III отделения о событиях в г. Каневе, связанных с могилой Т. Г. Шевченко

В первых числах мая месяца сего года в числе других лиц, сопровождавших тело покойного академика Тараса Шевченко, прибыл из С.-Петербурга в г. Канев служащий в капитуле орденов губернский секретарь Григорий Честаховский. Оставшись в Каневе для обделки могилы Шевченко, он странным поведением своим обратил на себя общее внимание местных начальства и жителей.

Получены были мною сведения, что, занимаясь обделкою могилы и срисовыванием с натуры разных видов, Честаховский стал сближаться с простым народом, оделся в его костюм и, говоря его языком, вошел в фамильярные отношения с ним, запрещая называть себя по имени и отчеству, а именуя себя просто Грицьком, посещая шинки и народные сходбища и привлекая простонародие к себе на могилу, где и начали собираться крестьяне соседних деревень, преимущественно в праздники, а иные и в будни, в свободное от работ время. Здесь Честаховский распевает с простонародием гайдамацкие песни и читает ему сочинения Шевченко. В то же время он старается распространять эти сочинения и изданную Кулишом граматку, распродавая их по самой низкой цене — от 3 до 5 коп. за экземпляр и раздавая многим крестьянам даром, в особенности поэму Шевченко «Тарасову ночь», в которой описывается картина истребления поляков и жидов. Распродажа сочинений Шевченко имела значительный успех, так что в течение нескольких дней текущего месяца Честаховский сам успел сбыть несколько сот экземпляров, а переданные им в то же время для продажи в Каневе одному купцу все распроданы.

В народе Честаховский сделался известным под именем Грицька, и по поводу его рассказов о Шевченко, сочинениях последнего, исторических событиях и преданиях Украины возникли разные толки и тревожные слухи. Стали рассказывать, что Шевченко не умер, а живет и не перестанет думать о дорогой Малороссии и со временем подаст знак к действиям малороссов; что в могиле его находятся ножи и что скоро наступит Тарасова ночь, в ко-

торую будут резать панов и ляхов. В день отправления панихиды по Шевченко 8 сего июля приезжал в Канев к Честаховскому служащий в сенате коллежский секретарь Лазаревский, и это подало повод к толкам, будто он привез ему сундук ножей, а в простом народе распространились слухи, что это был великий князь Константин Николаевич, который будто бы хотел быть в Каневе инкогнито, но рабочие парохода, на котором он приехал из Киева, узнали его.

Все это встревожило жителей и в особенности окрестных помещиков из поляков, которые видят в этом правильно организующийся заговор против их жизни.

Получив об этом самые неопределенные сведения от флигель-адъютанта полковника князя Лобанова-Ростовского, которому сообщил их один из помещиков Каневского уезда Парчевский, передавший дело в самых темных и неясных выражениях и с весьма неопределенными указаниями, я распорядился тотчас послать на место для розысков штаб-офицера корпуса жандармов полковника Грибовского, поручив ему, в случае подтверждения сообщенных Парчевским сведений, произвести обыски у подозреваемых лиц и арестовать виновных. Вслед за тем получены были мною подробные сведения по настоящему делу от местного начальства, и, наконец, вчерашнего числа начальник полиции Каневского уезда донес мне, что он получил частное сведение, вероятность которого совершенно ничем еще не подтверждается, будто в одном из селений Каневского уезда формируются три шайки из крестьян, которые готовятся прийти в Канев для истребления ляхов, панов..., и что поэтому он находит необходимым для предупреждения могущих возникнуть беспорядков усилить в Каневе число квартирующих там войск.

Вследствие этого последнего донесения начальник Киевской губернии сам отправился вчерашнего числа в Канев, получив от меня уполномочие, в случае небходимости, передвинуть в г. Канев нужное число войск из расположенных вблизи этого города.

О последствиях розысков полковника Грибовского и поездки генерал-лейтенанта Гессе я ожидаю сведений, по получении которых не премину сообщить их вашему сиятельству, но тем не менее полагаю, что предположение о существовании заговоров [в] г. Каневе с преступной

целью и слухи о формирующихся будто бы шайках крестьян для истребления панов, ляхов и жидов слишком преувеличены и возникли вследствие боязливо настроенного воображения окрестных помещиков из поляков, которые в малейшем народном движении видят угрозу себе. Сколько можно судить по поставленным мне сведениям, Честаховский принадлежит к числу приверженцев малороссийской народности и своими необдуманными действиями мог подать повод к тревожным толкам в местах, полных преданий и воспоминаний о кровавой борьбе Малороссии с Польшей. При таком положении края жаль, что было разрешено перевезти тело Шевченко в Канев, место его родины, где память о нем еще так жива.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

ДМШ-118, л. 4—5.

1861 г., 21 июля. Распоряжения киевского губернатора об отправке сотни казаков в г. Канев

Начальнику черкасской уездной полиции

Предпоручив одну сотню казаков перевести на некоторое время в г. Канев, предписываю Вам вручить прилагаемое при сем мое предписание тому из сотенных начальников, которому вверено начальство над ними в м. Смелой, с тем, чтобы другая сотня оставалась в Смелой. Маршрут имеете Вы составить и вручить г. сотенному начальнику, распорядясь о их следовании.

Начальнику каневской уездной полиции

Находя нужным на некоторое время расквартировать в г. Каневе одну сотню казаков, предписываю по прибытии их Вам разместить по городским обывателям и принять в Ваше распоряжение, доколе пребывание их в г. Каневе найдете нужным, после возвратите их в Смелу на прежние квартиры, снесясь о сем с Черкас[ским] началь[ником] уездной полиции, о чем в то же время имеете донести и мне.

Сотенному начальнику казаков 37 полка, находящегося в м. Смелой

Предписываю вашему благородию немедленно по получении сего одну сотню казаков по усмотрению Вашему направить в г. Канев, где она и должна будет остаться на некоторое время в распоряжении начальника Каневской уездной полиции; другая же сотня останется в Смелой на прежнем основании. Маршрут получите Вы от г. черкасского нач[альника] уезд[ной] полиции.

Киевский гражданский губернатор
генерал-лейтенант [подпись].

ДМП-123, л. 37.

1861 г., 24 июля. Письмо киевского гражданского губернатора генерал-губернатору о деятельности Честаховского в Каневе

Ваше сиятельство изволит помнить, что еще при провозе тела академика Шевченко через Киев замечено было между малороссийским населением проявление необыкновенного сочувствия множеством собравшегося народа и [в] говоренных молодежью речах, в которых они прославляли подвиги покойного, как какого-нибудь необыкновенного героя. Похороны его здесь, в Каневе, совершены были при большом стечении народа, на возвышенном берегу Днепра, в 4 верстах от города, с новыми восторженными речами лиц, приезжавших из Киева и сопровождавших тело из Петербурга, при всем этом они старались как можно более придать значения личности покойного.

Отдавая всю справедливость академику Шевченко как малороссийскому поэту и живописцу, поведение его и нравственные качества далеко не заслуживали тех почестей, с которыми так горячо принялись прославлять покойного, и этого одного достаточно [,чтобы] заподозреть желание заявить при этом случае малороссийскую национальность.

После погребения для устройства могилы остался в Каневе сопровождавший его чинов[ник] капит[ула] орденов Честаховский, который, с 10 мая живя в Каневе, почти ежедневно посещал могилу Шевченко, привлекая туда простой народ рассказами о деянии покойного, чтением

сочинений Шевченко и Кулиша, учил старинным песням, поил иногда водкой и угощал женщин орехами и семечками, продавал дешевле существующих цен, а некоторым и дарил граматку соч. Кулиша и сочинения Шевченко в отдельных брошюрках; рассказы и чтения Честаховского вспоминали былые времена гайдамачества, запорожства, казачьей вольности, ненависти к полякам и мщения за угнетение их свободы и православия. Обращаясь к нашему времени, [Честаховский] рассказывал, какое Шевченко терпел гонение от в боге почившего государя за свободу, и будто за Украину и крестьян он положил свою голову.

Не ограничиваясь местом погребения Шевченко, Честаховский ездил по соседним селам и деревням, одевался иногда сам в малороссийское платье, посещал свадьбы и занимался рисованием с натуры лиц более типических, действовал так же, как и на могиле, рассказывая о старине гайдамацкой, о храбрости и удальстве их предков со всеми кровавыми прикрасами, действующими на воображение простолюдинов.

С какою целью поступал так г. Честаховский, неизвестно, я уверен только, что дурные семена сеял он на здешней почве; надобно желать, чтобы крестьяне, это мирное земледельческое сословие, воспользовалось своей свободой не в духе гайдамачества и казачества времен гетманских, а путем добрых отношений с прежними владельцами, и нахожу во всяком случае, а в особенности в здешнем крае, поведение Честаховского вредным и убежден, что какую бы не имели цель эти господа, приобретая доверенность к себе крестьян на таких основаниях, готовят в будущем печальные последствия такому классу людей, который, при необразовании своем и не понимая настоящего своего положения, действительно нуждается в благонамеренном и добросовестном руководстве.

Мне кажется, что для сохранения общественного спокойствия, мирного исхода настоящего преобразования и будущего народного счастья должно обратить особенное внимание на малороссийские национальные выходки и принять строгие меры к прекращению зла в самом его начале.

В настоящем случае формальное следствие охватило бы собою тысячи людей, бывших в сношениях с г. Честаховским, и едва ли было бы соответственно обстоятельст-

вам. Собранные показания приказать подкрепить настоящее удостоверение несколькими присяжными показаниями и допросными из всех показаний пунктами самого г. Честаховского, то это вполне будет достаточно в таком деле, которого гласность желательно бы избежать, а дальнейшие допросы ему могли бы быть сделаны в Киеве; на что и имею честь испрашивать разрешения вашего сиятельства.

Что же касается до встревоженных в г. Каневе жителей, как католиков, так и евреев, ожидающих ежедневно нападения на себя крестьян, и слухи о собирающихся для того по деревням шайках, то это ничем решительно не подтверждается и есть следствие распространения сочинений Шевченко, Кулиша и поведения с крестьянами г. Честаховского, все это с разными сочинениями самых жителей привело их в страх и отчаяние. Собственно для успокоения их я распорядился поставить на некоторое время сотню казаков постоем в г. Каневе.

А дабы впредь устранить подобные случаи, я полагал бы предписать полиции иметь надзор за всеми приезжающими на могилу Шевченко, и если они будут крестьянам рассказывать о былых гайдамацких, запорожских и казацких временах или делать какие бы то ни было вредные внушения, таковых обязывать подписками сейчас же оставить Канев, донося каждый раз о таковых случаях. Кроме того, я нахожу в руках крестьян в здешнем крае сочинения Шевченко, Кулиша и других им подобных вредными, а потому распространение их я находил бы полезным здесь запретить, и вообще было бы полезно распространять грамотность на русском языке чрез священников и лиц, заслуживающих доверия.

Обыск у г. Честаховского не мог быть произведен, потому что начаты[м] непременным заседателем Монастерским следствием огласилось обращенное на г. Честаховского внимание прежде, нежели шт. оф. корпуса жандармов прибыл в г. Канев.

Генерал-лейтенант Гессе.

ДМШ-123, л. 40—42.

1861 г., 25 июля. Сообщение киевского губернатора каневскому уездному предводителю дворянства о том, что в Канев присылается сотня казаков

По распоряжению моему 28 сего июля, то есть в пятницу, из м. Смелой, Черкасского уезда, прибудет в г. Канев на квартиры одна сотня казаков Донского казачьего № 37 полка.

Уведомляя об этом ваше высокоблагородие, покорнейше прошу вас распорядиться о назначении для казачьих лошадей пастбищных мест, примерно на 120 лошадей.

Гражданский губернатор генерал-лейтенант Гессе.

ДМШ-123, л. 38.

1861 г., 26 июля. Сообщение каневского уездного предводителя дворянства киевскому губернскому предводителю дворянства о настроениях и слухах среди крестьян

Зная, что все касающееся безопасности и спокойствия дворянства составляет предмет особенной заботливости вашего превосходительства, считаю долгом сообщить здесь следующие обстоятельства:

1. От некоторого времени распространились между простым народом, т. е. между мещанами г. Канева и крестьянами соседних селений, слухи, которые привели весь край в уныние и тревогу. Слухи эти заключаются в следующем: что в скором времени настанет час, в который по-прежнему народ будет резать помещиков (панов) и притом не пощадит ни духовенства, которое держит заодно с панами, ни чиновников, которых дворянство оплачивает для того, чтобы они скрывали права народа,— скоро будет время, что здесь останется только один народ; царь желает того, это подтвердил князь Константин; говорят о приезжавшем здесь каком-то лице, которое народ считает князем. Есть розыски о спрятанных в могиле над прахом Шевченко священных ножах для совершения всеобщего истребления панов, попов и всех людей в тонких жупанах с большими воротниками, о неисчисленном множестве казаков, рассыпанных по всей Украине

от Хортицы до Тамани — по всему Запорожью понад Днепром и в других странах; они соберутся в Канев совершать то, что проповедывал «отец Тарас» (Шевченко); Канев не будет в состоянии обнять их всех, так их будет много; время их прибытия назначено в этом году, между пречистыми, т. е. от 15 августа по 1 сентября; чтобы начать резь, ожидают особенного сигнала. Рассказы эти повторяли многие из гг. чиновников, которые сами слышали их от мещан каневских, а также от крестьян из окрестных селений и других простолюдинов, рассказы эти повторялись на рынке и торговой площади, на улице и при выходе из церкви. Почти все чиновники, с коими я об этом предмете разговаривал, удостоверяли мне, что они сами слышали эти рассказы.

Слухи подобные распространяются даже и в дальние деревни Каневского уезда, а особенно со времени начатия следствия; рассказывает народ на ярмарках, что ищут священных ножей, присланных на то, чтоб резать панов, и что ножи эти закопаны в могиле Шевченко. Слухи вышеупомянутые, хотя оные не основаны на положительных доказательствах, что кто-либо побуждал народ к истреблению помещиков, но сами собой составляют важное и страшное явление, а посему тревожат всех дворян и помещиков. Предположив, что многие из них для собственного спокойствия и безопасности выедут из селений, неминуемым последствием того будет разорение имуществ и совершенное расстройство удерживаемого в хозяйстве и сельских обществах самим их присутствием порядка. Тревога, какую слухи эти распространили, имеет то основание, что подобные признаки предшествовали прежней гайдамацкой рези в здешнем крае и вообще повторялись везде перед каждой этого рода катастрофой.

2. Могила Шевченко служит как бы знаменем соединения людям, порождающим ненависть народа к здешнему дворянству, — это только предлог, а предметом ненависти народа становятся все помещики, которые требуют от них повинностей за земли; все начальство, побуждающее их к исполнению обязанностей, и самое даже духовенство, которому он (народ) тоже не верит, ибо оно ему не толкует положения нового в том смысле, как его желали понимать крестьяне.

Друзья Шевченко, любители его сочинений и, наконец, люди одних с ним идей приезжают в наши стороны,

имеют частые непосредственные тайные сношения с народом, собирают людей под предлогом работы на могиле, читают простому народу из сочинений Шевченко рассказы об гайдамаччине, речи, представляющие так известные здешнему народу имена герштов разбойничьих Гонты и Железняка, как священных героев, и, наконец, представляющие самую резь священными ножами как справедливое священное дело, составляющее славу здешнего народа.

При чтении этих сочинений эти господа, как видно из рассказов, позволяли себе толков, еще более возбуждающих народ противу всему высшему у нас сословию. По рассказу мещанина Степана Кутаха, один из друзей Шевченко, г. Честаховский — на вопрос его, Кутаха, почему со времени похорон Шевченко и приезда его, Честаховского, и частых его с народом поговорок люди пришли в тревогу и уныние и говорят об вещах, о которых страшно подумать, г. Честаховский отвечал: что так как некогда по причине их (т. е. панов) лилась кровь и пот из народа, так в скором времени польется кровь и пот из них. Этот разговор был вечером, после того, как г. Честаховский читал сочинение «Тарасова ночь» собранным на работу людям. Слова, приведенные здесь, указывают, в каком духе производились толки о читанных народу сочинениях.

3. Сочинения Шевченко «Гайдамаки», «Тарасова ночь», «Граматка» другого автора, хотя и дозволены цензурою, но заключают в себе рассказы, дышащие неумолимой ненавистью к дворянству нашему, и притом резко изображенные картины гайдамацкой рези — что именно в наших сторонах, где народ и сам по сю пору сохраняет предание этих кровавых событий, — крайне опасны для дворянства и всех других сословий и общества. Пока эти сочинения составляли предмет чисто литературный, оставались в сфере людей образованных, они, конечно, не могли иметь столь пагубного влияния на читателей, но низведенные между простой народ, как народные песни, как предания старины, изображающие славу предков, — крайне опасны, ибо народ, видя в них исключительно только изображение мести — рези, кровопролития, побуждается к тому, чтобы повторить эти дела, столь прославляемые.

Одно из этих сочинений распространяемо было не-

сколько год тому назад, в ту именно пору, когда представители нашего дворянства в Киевском губернском комитете, по вызову государя императора, приступали к осуществлению благих намерений монарха в деле освобождения и улучшения быта крестьян, и тогда сочинение это, как возбуждающее ненависть одного класса народа к другому и возобновляющее предания давно погасшей национальной вражды, почтено было главным начальством нашего края вредным для оного, и потому распродажа этого сочинения у нас воспрещена. Ныне приведение в действие нового положения, когда более всего благомыслящие люди должны стараться об том, чтобы настоящая реформа осуществилась в духе мира и доброжелательства, появилось опять это сочинение и распространяется между народом систематически, раздачею его даром или распродажею оного по самой низкой цене. Лица, занимающиеся в Каневе продажею «Граматки» и сочинений Шевченко, продают его преимущественно простолюдинам, дабы они расходились по деревням. Таким образом, в то время, когда более всего нужно взаимное доверие помещиков и крестьян во всех их между собой отношениях; когда при составлении уставных грамот все дворянство желало бы положить прочное основание будущего благополучия обоих земледельческих классов, полагаясь на правде, справедливости, взаимных выгодах и добровольном обоюдном согласии, — в то именно время посторонние лица, в непонятных для них целях, возбуждают ненависть к дворянству и возобновляют предания вражды и мести. Крестьяне, которые и без того ожидают безвозмездной отдачи им мирских земель, несмотря на все усилия гг. мировых посредников объяснить им слова высочайшего манифеста, что было бы крайне несправедливо пользоваться землею от помещиков и не нести за то никакой обязанности, теперь тем более упрочивают себя в этом мнении, а потому не желают приступать ни к каким с помещиками добровольным соглашениям, не желают переходить ни на оброк со сдельною повинностью, ни приобретать земли в собственность, ожидая чего-то другого в будущем. Расходящиеся слухи о совершенном истреблении помещиков, может быть, не одному из крестьян наводят ту мысль, что ему не нужно покупать землю, когда по выбытии настоящих их собственников вся земля останется им даром.

4. Тело Шевченко погребено столь торжественно, восторг для него возбужден с таким искусством и такою ревностию, что народ толпами собирался на его могиле, идущие на богомолье в Киев люди приходят здесь, по дороге, как [к] священному месту: почитают Шевченко как бы народным пророком своим, и каждое слово его заветом для народа. Видя в его сочинениях, что резь священными ножами изображена делом, составляющим славу здешнего народа, легко себе можно представить, какими чувствами одушевляются в этом месте прохожие. Все рассказы вышеупомянутые распространились в Каневе со времени погребения Шевченко и прибытия [туда] же Честаховского для устройства его могилы; к сему последнему приезжало, по рассказам мещан, много лиц, воодушевленных, вероятно, теми же, что и он, идеями. Между простолюдинами он известен под именем Грицька; его считают быть внуком Гонты или Железняка; при встрече с крестьянами он приветствует каждого словами: «Здрастуй, гайдамако!», несмотря на то, что слово это до сих пор в нашем народе значило не что иное, как простой разбойник.

Из лиц, кои приезжали на похороны Шевченко, были такие, кои явно провозглашали мысль, что в здешнем крае не должны оставаться лица других вероисповеданий, кроме православного. Это последнее обстоятельство было мне подтверждено начальником каневской уездной полиции.

В заключение скажу, что если нет положительных фактов, обвиняющих кого-либо в прямом возбуждении народа к истреблению помещиков, то это еще не доказывает, чтобы заговор этакого рода не существовал действительно между простым народом. Народ здешний умеет упрямо сохранять всякую того рода тайну. Лучшим доказательством того служит дело о совершенном пять год тому назад убийстве Гудим Левковича крестьянами с. Григоровки. Преступление это, совершенное многими лицами, без сомнения известно многим, несмотря на то долговременные усилия производивших[ся] неоднократно следствий к открытию виновных остались тщетными. Если в распространенных слухах есть много несообразностей, то потому, что распространяют их люди, отвергающие мысль всякого заговора, и предполагают даже, как говорят, удалиться во время рези, если бы таковая со-

вершилась. Они по тому самому и не знали бы всех тайн заговора, если бы таковой существовал. Можно сказать, что, во всяком случае, большинство народа не дало бы себя увлечь никакой пропаганде, но есть среди оного такие лица, кои обо всем этом отзываются полусловами, видно в глазах их и в целом лице какую-то строгость и постоянное уныние, они-то [и] возбуждают страх жителей г. Канева и его окрестностей.

Собрав все сведения об этом важном деле и представляя его вашему превосходительству так, как понимаю его я сам и все дворянство моего уезда, покорнейше прошу исходатайствовать у высшего начальства все то, что почтете нужным к ограждению спокойствия и безопасности дворянства. По моему мнению, прежде всего следовало бы удалить лиц, уличенных в тайных и непосредственных сношениях с крестьянами, коих вредное влияние на народ доказывается уже тем, что они подали повод к распространению таких слухов; сверх того, воспретить распространение и продажу помянутых здесь и других им подобных сочинений; поставить в наших сторонах достаточную военную силу, чтобы в случае существования заговора не допустить разгореться пламени; предпринять все меры к убеждению народа в том, что правительство строго будет взыскивать с виновных, угрожающих нарушить спокойствие и общественный порядок; убедить народ, что освященных ножов не было и быть не может и что никакой обряд не может быть употреблен на то, чтобы очистить убийство и орудие, коим оно совершается. Народ предполагает, что никто не смеет коснуться этих ножов, скрытых в могиле отца (Тараса Шевченко). Не было ли угодно начальнику разрыть эту могилу и показать народу, что этих ножов вовсе не было?

Верно: коллежский секретарь [подпись].

ДМШ-123, л. 151—159.

1861 г., 27 июля. Письмо киевского губернатора начальнику каневской уездной полиции о строгом надзоре за могилой Шевченко и посещающими ее лицами

Весьма секретно

Независимо [от] распоряжений об известном Вам чиновнике Честаховском, который различными предосудительными действиями своими подал повод к тревож-

ным толкам и опасениям жителей г. Канева, я согласно предложению г. киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора предписываю в. благородию иметь строгий надзор за всеми приезжающими на могилу Шевченко, и если они будут делать какие-либо вредные внушения простонародию, в чем Вы должны положительно удостоверяться, то в то же время принимая надлежащие меры к обеспечению личности этих лиц, для предания их законной ответственности доносить о том подробно мне и г. генерал-губернатору для дальнейшего распоряжения, доставляя эти донесения по эстафете.

Вместе с тем поручаю Вам распорядиться о приостановлении распространения в Вашем ведомстве малороссийских букварей Кулиша, обратив внимание и на сельские школы, в которых, кроме разосланных оным русских букварей, никакие другие буквари не должны быть допускаемы. Об исполнении сего мне донести.

Генерал-лейтенант Гессе.

ДМШ-123, л. 64.

1861 г., 27 июля. Письмо киевского генерал-губернатора гражданскому губернатору о запрещении украинских букварей в сельских школах и о других мерах в связи с возможностью крестьянских волнений

На отношение вашего превосходительства от 25 сего июля № 51 имею честь уведомить, что, разделяя взгляд Ваш на поведение Честаховского, подавшего повод своими необдуманными действиями к тревожным толкам и опасениям жителей, и соглашаясь с Вами в необходимости бдительного наблюдения за слишком крайними проявлениями малороссийской национальности, я однако же еще не вижу никакой необходимости обращаться в этом отношении к каким-либо строгим мерам, которые должны быть принимаемы в случае только действительного открытия вредных или преступных замыслов, а пока этого не обнаружено и все дело, как и ваше превосходительство сами убедились на месте, заключается в пустом страхе и неосновательных опасениях, навеянных слишком пугливым воображением, достаточно ограничиться внимательным наблюдением за действиями подобных

Честаховскому малороссийских пропагандистов, чтобы иметь возможность вовремя сдержать их слишком горячие порывы и не дозволить им выйти за пределы благоразумия. В этом отношении предположение Ваше о предписании полиции иметь строгий надзор за всеми приезжающими на могилу Шевченко я вполне разделяю и покорнейше прошу приказать полиции, в случае положительного удостоверения в делании вредных внушений простонародию со стороны этих лиц, не ограничиваясь заставлением их оставлять Канев, принимать в то же время меры к обеспечению личности для предания их законной ответственности.

Что касается приостановления распространения сочинений Шевченко и Кулиша, то я полагаю возможным это сделать только в отношении малороссийских букварей последнего, так как сельские школы в этом крае открыты правительством, которым и разосланы уже по приходам для обучения крестьян русские буквари, и другие буквари не должны быть допускаемы в этих школах.

Затем, соглашаясь с вашим мнением о неудобстве производства формального следствия о действиях Честаховского, покорнейше прошу вас доставить мне имеющиеся уже у вас показания по этому делу, не отбирая, для подкрепления сделанного удостоверения, вновь принятых показаний, которые без формального следствия не могут быть допущены; самого же Честаховского можно спросить по обстоятельствам возведенных на него обвинений, и затем не оставьте обязать его немедленно явиться ко мне в г. Киев.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

ДМШ-123, л. 62—63.

1861 г., 28 июля. **Письмо киевского генерал-губернатора начальнику III отделения о мерах, принятых в связи со слухами о крестьянском «заговоре» в Каневском уезде**

Изложенные в отношении моем к вашему сиятельству от 21 июля № 3454 предположения о преувеличенности возникших в Каневском уезде толков и опасений насчет образования будто там заговора и шаек между крестья-

нами, в видах истребления будто бы панов, ляхов и жидов, оправдались поверкою на месте.

На днях начальник Киевской губернии возвратился из Канева и официально довел до моего сведения, что все слухи и тревоги о мнимых заговоре и шайках крестьянских возникли единственно по поводу неблагоразумного поведения и необдуманных действий занимавшегося обделкою могилы Шевченко губернского секретаря Честаховского, который, сближаясь с народом, своими рассказами и чтениями сочинений Шевченко о гайдамаччине, запорожцах, казачьей вольности, ненависти к полякам и мщении за угнетение ими свободы и веры малороссиян, а также распространением между простонародием сочинений Шевченко и Кулиша произвел такую тревогу между жителями из поляков и евреев, что генерал-лейтенант Гессе нашел нужным собственно для успокоения их поставить в г. Каневе на некоторое время сотню козаков.

При этом начальник губернии, признавая такое поведение Честаховского и других подобных ему лиц вредным, в особенности при настоящем преобразовании крестьянского быта, выразил свое предположение о необходимости строгих мер против выходок малороссийской национальности, а к предупреждению подобных настоящему случаев он полагал нужным поручить местной полиции строгий надзор за всеми приезжающими на могилу Шевченко с тем, что если эти лица станут делать какие бы то ни было вредные внушения крестьянам, немедленно обязывать их подписками тотчас оставлять Канев; в то же время принять меры к прекращению распространения между крестьянами сочинений Шевченко... В заключение генерал-лейтенант Гессе высказал мнение о неудобстве производства формального о действиях Честаховского следствия, так как дело достаточно разъяснилось путем секретных розысков, и придавать гласность этому делу нет никакой надобности.

Разделяя взгляд начальника Киевской губернии на поведение Честаховского, подавшего повод своими необдуманными действиями к тревожным толкам и опасениям жителей, и соглашаясь в необходимости бдительного наблюдения за слишком крайними проявлениями малороссийской национальности, но не видя, однако, никакой необходимости обращаться в этом отношении к каким-

либо другим мерам, которые должны быть принимаемы в случае действительного открытия вредных или преступных замыслов, я признал достаточным, пока ничего подобного не обнаружено и все дело заключается только в пустом страхе и неосновательных опасениях, навеянных слишком пугливым воображением, ограничиться внимательным наблюдением за действиями подобных Честаховскому малороссийских пропагандистов, чтобы иметь возможность вовремя сдержать их слишком горячие порывы и не дозволить им выйти за пределы благоразумия, и потому просил начальника губернии приказать полиции, в случае положительного удостоверения в делании приезжающими на могилу Шевченко лицами вредных внушений простонародию, не ограничиваясь заставлением их оставлять Канев, принимать в то же время меры к обеспечению личности для предания их законной ответственности.

Что касается мнения генерал-лейтенанта Гессе насчет приостановления распространения сочинений Шевченко, то я признал возможным сделать это только в отношении малороссийских букварей последнего, на том основании, что сельские школы в здешнем крае открыты правительством и им же разосланы для обучения крестьян русские буквари, и потому другие буквари не должны быть допускаемы в этих школах.

Затем, согласившись с мнением начальника губернии о неудобстве производства формального следствия о действиях Честаховского, я поручил немедленно вызвать его ко мне в Киев, где и предполагаю подробно расспросить его по обстоятельствам взведенных на него обвинений и о цели его действий и поступков, обративших на себя общее внимание жителей и подавших повод к такому беспокойству со стороны их. Потом прикажу ему возвратиться в С.-Петербург, если не представится, впрочем, как надеюсь, необходимости в бытности его здесь.

Поспешаю довести о всем этом до сведения вашего сиятельства, в дополнение к помянутому отношению моему за № 3454.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

ДМШ-118, л. 11—14.

1861 г., 28 июля. Письмо киевского губернатора министру внутренних дел о Честаховском и его деятельности в Каневе

Весьма секретно

Вместе с телом умершего академика Шевченко, перевезенным из С.-Петербурга и преданным земле 10 прошлого мая месяца в окрестностях г. Канева, прибыл в те места чиновник капитула орденов губернский секретарь Честаховский, посещающий постоянно могилу Шевченко и, видимо, старающийся сблизиться с простым классом народа.

Спустя некоторое время в Каневском и смежных уездах распространились неопределенные слухи о скрытых волнениях между крестьянами и враждебных будто бы замыслах противу лиц польского и еврейского происхождения.

Слухи эти, преувеличиваемые разными нелепыми толками о личности чиновника Честаховского и огромном влиянии, приобретенном им среди крестьянского населения, послужили поводом к откомандированию в Каневский уезд штаб-офицера корпуса жандармов полковника Грибовского для собрания о том самых положительных и достоверных сведений.

Вслед за тем именно 19 сего июля я получил секретные сведения от начальника каневской уездной полиции, что распространившиеся слухи принимают все более и более тревожный характер и до того встревожили тамошних жителей, что они опасаются открытого возмущения крестьян и скорого осуществления враждебных их замыслов.

Хотя действия чиновника Честаховского, подверженные со стороны местной полиции строгому секретному надзору, не представляли достаточных улик в явном намерении волновать крестьян и не оправдывали вполне опасений, встревоживших местных жителей, за всем тем, однако, имея в виду необыкновенное проявление между малороссийским населением сочувствия к умершему академику Шевченко, как главному представителю малороссийской национальности, еще при провозе тела его через г. Киев и похоронах около Канева, обнаружившегося в произнесенных во множестве восторженных речах и огромном стечении народа, окружавшем его гроб и мо-

гилу, я признал необходимым отправиться в Канев для принятия самых деятельных на месте мер к прекращению тревожных слухов и успокоению жителей. Из собранных в г. Каневе и его окрестностях сведений оказывается, что после погребения академика Шевченко в расстоянии 4 верст от города на возвышенном берегу реки Днепра, остался в г. Каневе для устройства могилы чиновник капитула орденов Григорий Честаховский, который, посещая почти ежедневно эту могилу и срисовывая виды окрестностей, привлекал туда простой народ рассказами о деятельности покойного, чтением сочинений Шевченко и Кулиша и обучением старинным малороссийским песням; причем Честаховский угощал иногда собравшихся водкой и обедами, продавал там, дешевле существующих цен, а некоторым раздавал безденежно грамматику Кулиша и сочинения Шевченко в отдельных брошюрах. Рассказы и чтения Честаховского проникнуты были воспоминаниями былых времен гайдамачества, казачьей вольности и ненависти к полякам за угнетение свободы и православия; кроме того, Честаховский рассказывал о гонениях, претерпевших Шевченком за свободу от в бозе почившего государя, и внушал слушателям, что будто он положил свою голову за Украину и крестьян.

Не ограничиваясь местом погребения Шевченко, чиновник Честаховский, одеваясь иногда в малороссийское платье, отправлялся в окрестные селения и деревни, посещал свадьбы и, занимаясь рисованием с натуры лиц более типических, повторял свои рассказы о давно прошедших временах.

Хотя цель этих рассказов, при секретных разговорах, не могла быть положительно открыта, но во всяком случае с достоверностью полагать должно, что при настоящих условиях жизни народной рассказы эти могли прямо противоречить, видимо, и предположениям правительства в мирном осуществлении совершающейся реформы крестьянского быта. Земледельческое сословие и до сего времени слишком мало развито для того, чтобы не нуждаться в благонамеренных и добросовестных руководителях, и слишком скоро, и печально, поддается постороннему влиянию, лишь бы оно сколько-нибудь согласовывалось с понятием его о совершенной свободе.

По сим соображениям считая совершенно несовременным проявление малороссийской национальности, сопро-

вождаемое изложенными выше условиями, могущими нарушить добрые отношения землевладельцев и временно обязанных крестьян, высокие интересы которых требуют самого мирного исхода начавшихся преобразований, равным образом не признавая уместным производить о поступках чиновника Честаховского формальное исследование, согласно полученному мною от г. генерал-губернатора разрешению, ограничиваюсь распоряжением о снятии показаний с некоторых лиц, имевших более ближние с г. Честаховским сношения, допросив его самого и вызвав в г. Киев для личных объяснений г. генерал-губернатору. Независимо [от] того, на основании предъявления г. генерал-губернатора предписано мною начальнику каневской уездной полиции учредить строгий надзор за лицами, посещающими могилу Шевченко, и выяснение положительных удостоверений в делании ими вредных внушений простонародию, принимать меры к обеспечению их личности для предания законной ответственности, что же касается сочинений Шевченко и Кулиша, то я распорядился о приостановлении распространения малороссийских букварей и обязал начальников полиций не допускать их в вверенных школах Киевской губернии, где введены в употребление буквари, издаваемые при Киево-Печерской лавре.

О чем считаю долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства, докладывая, что собственно для успокоения жителей расквартирована мною в г. Каневе одна сотня Донского казачьего полка.

Генерал-губернатор кн. Васильчиков.

ДМШ-123, л. 40—42.

1861 г., 29 июля. Письмо начальника каневской уездной полиции киевскому губернатору о слухах вокруг могилы Т. Г. Шевченко

Секретно

В дополнение донесений моих от 15 и 17 сего июля за № 523 и 528 относительно распространившихся слухов по г. Каневу о предстоящем якобы вскорости истреблении панов, ляхов и жидов имею честь почтительнейше донести, что упомянутые слухи до сего времени продолжаются даже более прежнего и приводят некоторых жителей города, а в особенности евреев, в тревожное беспо-

койное состояние: так что 26, 27 и 28 чисел сего месяца ко мне являлись многие лица с извещениями о предстоящих опасностях, могущих легко постигнуть как лично их, а равно и многих других городских жителей. Список упомянутым лицам у сего почтительнейше представляю вашему превосходительству на благоусмотрение с пояснением, в чем именно заключались извещения тех лиц. Вообще, по соображении сказанных слухов, время истребления панов, ляхов и жидов должно начаться с дня маковея или же с успения пресв[ятой] богородицы, то есть с 1 или 15 наступающего августа, хотя эти слухи и не заслуживают никакого вероятия и не имеют никаких оснований, судя по собранным доныне достоверным сведениям, но по поводу их, а более для успокоения жителей сделаны мною следующие распоряжения:

1-е. Мною постоянно собираются из-под руки верные сведения, могущие служить к разъяснению сказанных слухов. Для этой надобности я командирую постоянно способных чиновников полиции и сторонних благонадежных лиц не только по Каневскому, но и смежным уездам, а именно: в Черкасский и Золотоношский уезды, из сего последнего еще сведений мною никак не получено, в Межиричском же имении Черкасского уезда крестьяне обратились ныне к своим обязанностям с усердием и вредные для общественного спокойствия между ними толки прекратились, и по этой причине нельзя думать, что этих местностей крестьяне склонны были принимать участие в каких-либо беспорядках; в Каневском уезде также повсеместно сохраняется между крестьянами спокойствие.

2-е. По извещениям, означенным в приложенном у сего списке, я лично производил удостоверение.

3-е. С 29 сего июля я назначил ночные полицейские обходы по городу, которые поверяться будут мною и другими полицейскими чиновниками.

4-е. Отнесся к сотенному начальнику казачьего № 37 полка о назначении с 31 сего июля по 4 ефрейторских патруля для ночного обхода по городу, каждый патруль не менее как из трех казаков при одном ефрейторе, для постоянного по ночам обхода в сопровождении полицейских служителей по разным частям города, предоставив казакам 29 и 30 числа для отдохновения их после сделанного ими перехода; в случае каких-либо особенной важности беспорядков или в дворе, на улице, сходбища лю-

дей простого сословия, в то же время приказывать им расходиться и, кроме того, обязаны докладывать мне невзирая на время суток, а о благополучном состоянии города докладывать старшим из ефрейторов утром в 8 часов по истечении каждой ночи.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 75—77.

1861 г., 31 июля. Письмо киевского военного губернатора гражданскому губернатору о деятельности Честаховского

Отзывом от 27 июля № 3391 я просил ваше превосходительство вызвать ко мне в г. Киев губернского секретаря Честаховского, занимающегося обделкой могилы Шевченко в г. Каневе.

Отправляясь теперь на некоторое время в г. Житомир, покорнейше прошу ваше превосходительство, если Честаховский прибудет в Киев в мое отсутствие, призвать его к себе и, по известности Вам обстоятельств взведенных на него подозрений, подробно расспросить его о намерениях и цели его действий и поступков, обративших на себя общее внимание жителей и подавших повод к опасениям и беспокойствам со стороны их. Затем, если в объяснениях Честаховского Вы не найдете ничего, за что бы он мог быть подвергнут законному взысканию, разъясните ему все неблагоразумие его поведения и неуместность его действий в крае, полном воспоминаний о борьбе Малороссии с Польшею, которые подали повод к тревожным толкам и опасениям жителей и повели к розыскам со стороны начальства; и, сделав ему строго внушение держать себя осторожнее и осмотрительнее, прикажите ему отправиться к месту своего служения в С.-Петербург и наблюдайте, чтобы приказание это было в точности и безотлагательно исполнено. Если бы Честаховский просил позволения остаться в Каневе еще на некоторое время для окончания работ над могилою Шевченко, то не оставьте объявить ему, что окончание этих работ он может предоставить кому-нибудь другому и что дальнейшее пребывание его там ни в коем случае не может быть допущено.

Затем, если к окончанию могилы Шевченко на место Честаховского прибудет кто-либо другой, то не оставьте

сделать распоряжение, чтобы работы эти были произведены без сборищ, подобных тем, которые делались при Честаховском, и вообще без тех действий, которые могли бы подать повод к подобным беспокойствиям.

О распоряжениях ваших покорнейше прошу меня уведомить.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

ДМШ-123, л. 72—73.

1861 г., 31 июля. Письмо начальника каневской уездной полиции киевскому губернатору по поводу слухов о назревающих волнениях крестьян в окрестностях Канева

Секретно

Озабочиваясь о спокойствии жителей г. Канева, мною были собираемы из-под руки сведения в соседственных с г. Каневом селениях, в какой распространены там слухи касательно будто бы предстоящего истребления панов, ляхов и евреев, причем дознано: что в с. Прохоровке, Золотоношского уезда (Полтавской губернии), носятся толки подобного же рода, как в Каневе, что проживающий в Каневе какой-то панич разослал по ближайшим селениям пригласительные письма, которыми приглашал крестьян на могилу Тараса Шевченко в день маковея (1 августа) на панихиду и затем на обед, и что в с. Хмельной (Черкасского уезда) крестьяне будто бы приготовляют на тот день съестные припасы, но в какой степени справедливо относительно рассылки пригласительных писем, никаких данных к подтверждению сего собрать было невозможно.

О чем вашему превосходительству в дополнение рапорта моего от 29 сего июля за № 620 честь имею почтительнейше донести, присовокупляя, что об этом донесено мною и г. генерал-губернатору.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 13.

1861г., 1 августа. Переписка об откомандировании штаб-офицера корпуса жандармов Грибовского в Канев

Весьма секретно

Согласно распоряжению г. генерал-губернатора командируя в Каневский уезд и другие места, где надоб-

ность укажет, г. штаб-офицера корпуса жандармов полковника Грибовского для исполнения возложенного на него секретного поручения, я предлагаю вашему высокоблагородию оказывать г. Грибовскому зависящее от Вас в этом случае содействие и исполнять без малейшего отлагательства всего законные его требования.

Генерал-лейтенант Гессе.

ДМШ-123, л. 63.

Приходорасходчику канцелярии моей Козловскому

Командируя в некоторые места Киевской губернии г. штаб-офицера корпуса жандармов полковника Грибовского, я предписываю вашему благородию выдать под расписку его, г. Грибовского, пятьдесят рублей серебром на расходы по исполнению возложенного на него поручения, вместе с шнуровой тетрадью на записку прихода и расхода этих денег.

Генерал-лейтенант Гессе.

ДМШ-123, л. 64.

Секретно

Штаб-офицеру корпуса жандармов полковнику Грибовскому

Впоследствии прежних отзывов моих, согласно предложению г. киевского военного, п[одольского] и волынского генер[ал]-губ[ернатора], я имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие по всем имеющимся в виду обвинениям на чиновника Честаховского опросить его подробно и ответ сего лица прислать мне вместе с другими сведениями, какие будут собраны Вами по сему предмету; самого же Честаховского не оставьте обязать немедленно явиться в г. Киев к генерал-губернатору.

Генерал-лейтенант Гессе.

ДМШ-123, л. 64.

Весьма секретно

Начальникам уездных земских полиций

Вследствие предложения г. киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора предписываю вашему высокоблагородию принять меры к приостановлению распространения в Вашем ведомстве малороссийских букварей.

Генерал-лейтенант Гессе.

ДМШ-123, л. 64.

Приходорасходчику Козловскому

Прилагаемые при сем пакеты за № 157 и 158 по секретному делу на имя нач[альника] Канев[ской] уезд[ной] полиции и штаб-офицера кор[пуса] жанд[армов] полковника Грибовского предписываю вашему благородию отправить по эстафете в г. Канев, употребив на это деньги из экстраординарной суммы с отнесением настоящего расхода на счет казны.

Генерал-лейтенант Гессе.

ДМШ-123, л. 65.

1861 г., 2 августа. Письмо с требованием выслать киевскому генерал-губернатору сведения по поводу слухов о «заговоре» крестьян

Весьма секретно

Канцелярия генерал-губернатора имеет честь препроводить его превосходительству господину киевскому гражданскому губернатору список с полученного в отсутствие генерал-губернатора рапорта начальника каневской уездной полиции от 29 июля № 619, с приложенными при сем сведениями о толках по поводу распространившихся в Каневском уезде слухов о заговоре будто бы крестьян в цели истребления помещиков, поляков и евреев.

Правитель канцелярии [подпись].

ДМШ-123, л. 75.

1861 г., 2 августа. Письмо начальника каневской полиции киевскому губернатору о размещении казаков в г. Каневе

По распоряжению вашего превосходительства 28 сего июля вступила в г. Канев одна сотня казаков Донского казачьего № 37 полка, в которой числится воинских чинов: обер-офицеров и нижних чинов — 135; вступившие казаки по распоряжению моему расположены по квартирам в г. Каневе по домам обывателей, а для их строевых лошадей отведены на городских лугах пастбища. О чем вашему превосходительству почтеннейше честь имею донести.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 75.

Письмо штаб-офицера корпуса жандармов Грибовского киевскому губернатору о расследовании в Каневе слухов в связи с похоронами Т. Г. Шевченко

Секретно

Окончив секретным дознанием возложенное на меня поручение о образовавшемся будто бы заговоре в г. Каневе и м. Корсуне приверженцами покойного академика Тараса Шевченко об истреблении на Украине помещиков, приемлю честь доложить вашему превосходительству о тех по этому предмету обстоятельствах, которые во время расследования не могли не обратить на себя внимания.

Прибывший из С.-Петербурга для погребения тела покойного Шевченко чиновник капитула российских орденов губернский секретарь Честаховский проживает в г. Каневе с 10 числа мая сего года, занимаясь устройством могилы. Человек этот сближался с простым сословием людей и в особенности с крестьянами ближних к Каневу селений, которые посещал в простом крестьянском платье под именем «Грицька», приглашал крестьян для обделки дерном могилы Шевченко, угощал рабочих людей водкой и обедами, беседовал в их кругу и рассказывал исторические эпизоды об Украине, о существовавшей гайдамаччине и, указывая на некоторые местности, объяснял: что близ могилы Шевченко погребено тело за-

мученного ляхами гайдамаки Ивана Пидковы Серпяги и что прежние люди были дельные, что они порядочно резали ляхов и [намеревались] таким образом перечистить свет: каковые и тому подобные рассказы между народом необразованным, проникнутым и без того духом неприязни против владельцев, без всякого сомнения, не могли не оставить резкого в них чувства, поэтому и вследствие сближения с крестьянами чиновника Честаховского посредством водки, обедов и вообще популярности обращения его и всегдашних приветствий к крестьянам: «Здоровы булы, гайдамаки» породились между ними нелепые толки в преувеличенном размере, и, наконец, в самом городе Каневе разнеслась молва, что будто бы в ночь 1 августа, на маковея, должна произойти резня: панов, ляхов, жидов и всех тех, кто носит широкие на рубашках воротники, каковая весть, конечно, встревожила городских жителей и в особенности евреев, но уже прошло роковое число и все по-прежнему благополучно, а прибывшая пред тем для квартирования в Канев сотня казаков совершенно успокоила встревоженные умы жителей.

Нельзя не обратить особого внимания на следующее обстоятельство: среди производимого в Каневе дознания о действиях Честаховского, а именно 30 числа июля, явился ко мне полицейский десятник, которому поручил начальник каневской уездной полиции следить за Честаховским, и объявил, что этот чиновник вел какой-то разговор с прибывшим из с. Хмельной крестьянином Щербаком и что этого разговора не могли не подслушать находившиеся вблизи евреи.

Для приведения в известность этого обстоятельства спрошены по указанию полицейского десятника евреи, которые, с обещанием подтвердить присягою, изъяснили, что чиновник Грицько, подходя к крестьянину Щербаку, спросил: «Що у вас чутно?», на что Щербак отозвался: «Поганенько... козаки прийшли»... Вследствие чего Грицько возразил: «Не бійтесь!!!», а между тем, обратясь к жене крестьянина Щербака, произнес: «Ото через ваші язики прийшли козаки».

Против сего отзыва евреев крестьянин Щербак, учинив запирательство, изъяснил, что чиновник Грицько не вел с ним подобного разговора, а только спрашивал: «Что поделывает в селении крестьянин Тимофей Садовый?».

Личность этого крестьянина замечательна по настоящему делу тем, что сын его Роман Садовый принадлежит к числу людей, с которыми в особенности был откровенен чиновник Грицько.

Во время пребывания в Каневе Честаховского приезжали на могилу Шевченко: из С.-Петербурга чиновник Лазаревский, из Киева инспектор 2-й гимназии Чалый, из-за Днепра, с. Прохоровки, коллежский советник Максимович, каковые лица состоят в соотношениях с Честаховским и были в Корсуне у служащего в экономии князя Лопухина, двоюродного брата покойного Тараса, Варфоломея Шевченко, который так разумно и осторожно себя ведет, что не подал малейшего повода усомниться в каких-либо неблагонамеренных его поступках, кроме знакомства с означенными лицами, гостившими у него в доме, как между тем известно каждому, что самолюбие Варфоломея Шевченко безмерно и что он проникнут любовью к Украине, о которой так много воспевает покойный брат его Тарас Шевченко.

После секретного разыскания, которым также подтверждается, что чиновник Честаховский не только продавал за ничтожную плату, но даром раздавал крестьянам и мещанам печатные сочинения Кулиша и Шевченко, приступив на основании предписания вашего превосходительства от 27 июля за № 158 к раскрытию означенных выше сего обстоятельств, формальным опросом лиц, которым более и менее могли быть известны проделки чиновника Честаховского, я встретил неожиданное затруднение в собрании необходимых по этому предмету сведений: произведенные еще до прибытия моего в Канев заседателем каневской уездной полиции Монастерским формальные допросы лиц о существующем заговоре истребления панов, ляхов и жидов сделались гласны не только в Каневе, но и по окрестным селениям, почему вызванные после сего мною крестьяне для допроса, вероятно, из опасения ответственности, не только сознания на предложенные им вопросы не учинили, но многие из них ложно отозвались, что не знают лично Грицька Честаховского, по поводу чего и имея в виду, что Честаховский навещает за Днепром проживающего в с. Прохоровке коллежского советника Максимовича, которому при гласности настоящего дела мог отдать для сохранения имеющиеся у него бумаги, я признал бесполезным про-

изводить ныне обыск, который, по мнению моему, был необходим до начала или при самом начале производства следствия по этому предмету г. Монастерским.

Однако при видимом сочувствии крестьян с. Пекарей и Хмельной образу поведения чиновника Честаховского, где часто бывал он, и под благовидным предлогом указания местности и приглашения людей для обделки могилы Шевченко, два человека, с которыми он успел сблизиться, чистосердечно сознались,— обещая показания свои подтвердить присягою: что этот чиновник, выйдя с одним из них на гору, называемую Мотовиловщина, где в 1859 году было отведено частным землемером место под усадьбу покойному Тарасу Шевченко, и получив по этому предмету сведения, записал их на бумагу и затем произнес, что Тарас Шевченко терпел гонения от покойного государя императора Николая Павловича, сидел в тюрьме и, наконец, голову положил за вас, крестьяне, и что он же, Тарас, написал правила о свободе крестьян; затем, указывая на местности, отличающиеся своим возвышением от горизонта земли, говорил, что там бились гайдамаки с ляхами; а 20 числа июля он показал обедал (так в оригинале.— *Ред.*) у Грицька в Каневе и ему рассказывал, что приехал губернатор, пред которым он объяснился, что никаких слов против правительства не говорил, почему просил показателя, что если его и других крестьян будут об этом предмете допрашивать, то чтоб сказали: что он, Грицько, кроме совета повиноваться помещикам ничего более не говорил, причем дал ему один рубль серебром кредитным билетом; к сему присовокупил: 1) что, встречаясь с крестьянами, чиновник Грицько приветствовал завсегда: «Здорови були, гайдамаки!!!» и 2) предлагал и требовал от крестьян, чтобы непременно носили свое прежнее национальное платье.

Это показание во многом подтвердил другой крестьянин, с которым также водил знакомство Честаховский, добавляя, что когда он от принятия книжечек соч. Шевченко отказался, объясняясь, что неграмотный, то Грицько, отдавая ему таковые книжки, сказал, что если ты читать не умеешь, то можешь пригласить человека грамотного.

Вредное внушение крестьянам чиновником Честаховским, что Тарас Шевченко написал свободу для крестьян, начинает обнаруживаться, и именно: крестьянин с. Тро-

щина, помещика Цезария Понятовского, по прозванию Галабурда, явясь к управляющему имением с. Грищинец помещицы Ширинской-Шахматовой, сказал, что Тарас Шевченко и чужеземцы дали свободу крестьянам и что через год крестьяне будут иметь свои поля и будут дворяне.

Против вышеизложенного чиновник Честаховский хотя учинил запирательство, но, соображая собранные секретно и расспросом лиц о его поведении и образе действий сведения, нельзя не прийти к тому заключению, что этот чиновник в периоде продолжительного времени пребывания в Каневе под предлогом сооружения могилы над прахом академика Тараса Шевченко успел привить в умах крестьян ложные убеждения о дарованной им свободе вследствие усилий к тому Шевченко, которого этой мнимо заслуженной обстановкой поставив в глазах необразованного сословия людей человеком достойным памяти, в особенности потому, что будто бы он, достигая этой цели, пожертвовал своей жизнью,— таким путем вызывал к покойному сочувствие крестьян, обнаружившееся уже тем, что они, оставляя свои необходимые земледельческие занятия, стекаются из деревень к его могиле для принесения благодарности как избавителю, как деятелю преобразования крепостного состояния.

Представляя при сем дело по означенному предмету на 108 листах, честь имею доложить вашему превосходительству, что для соблюдения формальности, определяемой законом, хотя надлежало некоторым лицам между собой, а другим с чиновником Честаховским дать очную ставку; но как этой мере следопроизводства должно предшествовать приведение к присяге спрошенных лиц, чего на основании данного последнего предписания я не имел права сделать, а потому и чтоб до рассмотрения обстоятельств сделанного мною разыскания не дать настоящему делу особой важности, я ограничился собственно теми данными, которые более и менее характеризуют образ действий чиновника Честаховского, которого обязал подпиской о немедленной явке к г. киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору, изустно передал за исполнением сего наблюдение каневской уездной полиции начальнику.

Независимо сего при сем представляются рапорты: от 15 июля начальника каневской уездной полиции за

№ 523 и уездного стряпчего за № 6; а также книжечки соч. Шевченко, 1-я «Гамалия», 2-я «Псалмы Давидовы», 3-я «Тарасова ночь» и 4-я «Тополя», отобранные от крестьян.

Полковник Грибовский.

ДМШ-123, л. 78—83.

1861 г., 4 августа. Письмо киевского гражданского губернатора генерал-губернатору о расследовании штаб-офицером Грибовским деятельности Честаховского

Секретно

Имею честь представить при сем на благоусмотрение вашего сиятельства произведенное штаб-офицером корпуса жандармов полковником Грибовским расследование на 109 листах о чиновнике Григории Честаховском, распространявшем вредные толки между простонародьем.

При этом препровождая подлинный рапорт по сему предмету полковника Грибовского за № 152 и упоминаемые в нем четыре книжечки, а также переданный при докладе канцелярии вашего сиятельства от 2 августа за № 3552 список сведений о толках в Каневе, почтительнейше докладываю, что чиновник Честаховский еще не прибыл в Киев.

Генерал-лейтенант Гессе.
Верно: столоначальник [подпись].

ДМШ-123, л. 91.

1861 г., 5 августа. Подписка Г. Честаховского о выезде за пределы Украины

1861 года, августа 5 дня, я, нижеподписавшийся чиновник канцелярии капитула российских императорских и морских орденов, губернский секретарь Григорий Честаховский, даю сию подписку г. начальнику Киевской губернии в том, что я обязываюсь выехать из Киева в С.-Петербург не далее седьмого числа сего месяца непременно и что на будущее время ни в каком случае без

разрешения киевского губернского начальника не буду приезжать в Киевскую губернию и пребывать в ней ни под каким предлогом.

Губернский секретарь Г. Честаховский.

ДМШ-123, л. 97.

1861 г., 5 августа. Письмо начальника каневской полиции киевскому губернатору о распространении в Переяславском и Золотоношском уездах слухов об истреблении помещиков

Секретно

За выездом в г. Киев чиновника Честаховского вредные толки в г. Каневе о предстоящем будто бы истреблении панов, ляхов и жидов прекратились; но по полученным мною верным, собранным из-под руки сведениям, известно, что толки эти существуют и доныне в Переяславском и Золотоношском уездах Полтавской губернии, оттоль переносятся проезжающими во вверенный мне уезд и нарушают общественное спокойствие.

О чем вашему сиятельству на благоусмотрение честь имею донести и покорнейше просить начальничьего распоряжения о прекращении существующих в Переяславском и Золотоношском уездах вредных толков и в разрешение сего удостоить меня предписанием; присовокупляя, что об этом вместе с сим донесено мною и господину начальнику губернии.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 99—100.

1861 г., 5 августа. Рапорт начальника каневской уездной полиции киевскому губернатору об аресте крестьянина Галабурды

Секретно

Управляющий имением помещицы княгини Ширинской-Шахматовой, частью с. Грищинец, Кгаевский, 31 минувшего июля уведомил меня, что крестьянин с. Трощина помещика Ц. О. Понятовского Осип Галабурда, 23 минув-

шего июля прийдя в дом к Кгаевскому, требовал возврата своей свитки, оставленной им в грищинецкой экономии в прошлом году за потраву его скотом, но когда Кгаевский сказал, что он тогда еще в Грищинцах не был и о свитке его ничего не знает, а также советовал ему скота на потраву не пускать, то Галабурда, будучи пьян, ответил: «Як будем мати свої поля, тоді не будем на чужі пускати, поздоров боже батька Тараса, він нам дав свободу і... * Тарас три рази умирав і не вмер, він і тепер живе, а поховали тільки його прозваніє, ми ждали год, а ще год підождем, тоді будем мати свої поля і будем дворянами».

По сделанному удостоверению обстоятельства эти подтвердились, причем оказалось, что крестьянин Галабурда поведения неодобрительного, часто напивается допьяна и самопроизвольно бродит по разным местам; в произнесенных им нелепых выражениях не сознался, объясняясь, что он говорил только то, что во время похорон Тараса Шевченко он был в г. Каневе, и тогда всем людям было приказано молиться богу за Тараса; что хотя Тарас Шевченко помер, но слава его будет на всю Украину; что крестьяне будут дворянами, то это он слыхал от разных лиц в виде насмешки по случаю освобождения их из крепостной зависимости; но говорил ли что-либо более изложенного, не помнит потому, что тогда был пьян.

Крестьянина Галабурду я подвергнул аресту при каневской уездной полиции впредь до распоряжения вашего превосходительства.

О чем вашему превосходительству на благоусмотрение честь имею почтительнейше донести, испрашивая в разрешении сего предписания, причем присовокупляю, что о нелепых выражениях крестьянина Галабурды я передал сведения штаб-офицеру корпуса жандармов полковнику 31 минувшего июля за № 625 и донес вместе с сим г. генерал-губернатору.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 111—113.

---

* Одно слово написано неразборчиво.

1861 г., 5 августа. Рапорт начальника каневской уездной полиции киевскому губернатору об арестованном матросе Трусенко

По распоряжению штаб-офицера корпуса жандармов г. полковника Грибовского при каневской уездной полиции содержится под арестом отставной матрос Трусенко, прикосновенный к делу о вредных толках, рассеянных в толпе простого народа чиновником капитула орденов Григорием Честаховским.

Почтительнейше донося об этом вашему превосходительству, имею честь испрашивать в разрешение предписания: следует ли и на дальнейшее время содержать Трусенко под арестом, или же он должен быть освобожден из-под ареста; причем присовокупляю, что об этом вместе с сим донесено мною г. генерал-губернатору.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 107.

1861 г., 7 августа. Рапорт начальника каневской уездной полиции киевскому губернатору о распространении среди крестьян слухов в связи со смертью Т. Г. Шевченко

Секретно

В дополнение донесений моих от 15, 17 минувшего июля и 5 сего августа за № 523, 528 и 663 честь имею почтительнейше донести вашему превосходительству, что тревожные толки и опасения между жителями г. Канева, по миновении 1 сего августа, значительно уменьшились; ныне жители в особенности с опасением ждут 15 числа сего августа; по уезду также распространились подобного рода толки, приводящие в тревожное опасение жителей.

Независимо от сего, по наблюдению полиции, обнаружены следующие обстоятельства, относящиеся до действий чиновника Честаховского и его соучастников:

1. Крестьяне и крестьянки из ближайших к г. Каневу местностей, а именно селений Кончи, Михайловки, Софиевки, Кумеек, М. Мошен (Черкасского уезда), Прохоровки и Гладковщины (Полтавской губернии),— всего не более 30 душ обоего пола собирались 1 сего августа утром в 11 часу на могилу Шевченко отслушать панихиду,

но как панихида отправляема не была, то все они разошлись спокойно по домам в 3 часу пополудни; из рассказов этих крестьян и крестьянок дознано, что они ожидали прихода на могилу панича, который обшивал дерном могилу, что будто бы этот панич рассылал по селениям письма, приглашая ими крестьян на 1 августа слушать на могиле панихиду, затем оставаться там обедать; некоторые из бывших крестьян и крестьянок убеждены, что через действия Тараса Шевченко они получили свободу и получат вскорости еще лучшую волю, а другие поклонялись праху Шевченко, объясняя, что он святой преподобник, и если бы не был преподобный, то его тело из Петербурга не привозили бы; также говорили, что их шло тогда с поименованных и других селений Черкасского уезда несравненно более, но воротились очень много домой из селений, на тракту их следования, Хмельной и Пекарей, будучи остановлены этих селений крестьянами, которые стращали шедших, что они будут взяты под арест, будут подвергнуты наказанию, и что пришли в Канев казаки.

2. Соучастники Честаховского, как надо думать, покушались распространить в последних числах минувшего июля ложные мысли между крестьянами относительно полученной ими свободы, толкуя крестьянам, что теперешнему своему освобождению из крепостной зависимости они обязаны Шевченко, что Шевченко еще лучшую свободу им предоставит, что он не умер и тому подобные нелепости; такие слухи были толкуемы в с. Масловке, затем через несколько дней повторены в м. Козине. В с. Масловке это происходило так: по окончании литургии какой-то молодой человек, одетый в солдатскую шинель, по-видимому, не простого сословия, выйдя из церкви, направился по дороге к м. Козину и, будучи окружен четырьмя-пятью крестьянами, толковал упомянутые нелепости, внушая им сохранять в тайне сказанное им в ожидании, пока это осуществится; а в м. Козине такие же толки на базаре разглашала какая-то монашенка, также, сколько могли заметить крестьяне, переодетый молодой человек; впрочем, толки эти дурных последствий не имели. Крестьяне скрывают эти слухи, и они обнаруживаются чиновниками полиции случайно впоследствии времени. Для отклонения подобных случаев на будущее время я предписал становым приставам строго

наблюдать, чтобы следить за подобными личностями и преследовать их для обнаружения, кто именно эти злонамеренные лица и какого происхождения; а к мировым посредникам Каневского уезда и к начальнику черкасской полиции отнесся: к первым из них, чтобы они строго внушили сельским начальникам иметь наблюдение за появлением подобных лиц, а также доводили бы до сведения полиции, а к начальнику упомянутой полиции на тот предмет, чтобы он следил за крестьянами объясненных селений, из которых они приходили на могилу Шевченко 1 сего августа, для прекращения существующих между ними нелепых толков.

И 3-е, что после 1 августа при самом тщательном наблюдении никогда на могилу Шевченко не собираются.

Почтительнейше донося об этом вашему превосходительству, честь имею испрашивать в разрешение сего предписания: как следует поступать при обнаружении упомянутых злонамеренных лиц, внушающих ложные толки о Шевченко, когда положительных фактов к обвинению их собрать в то же время будет невозможно, то есть арестовывать ли их на месте и доносить вашему превосходительству или же выслать на место жительства.

Начальник уездной полиции Котляров.

ДМШ-123, л. 125—128.

1861г., 10 августа. Письмо киевского генерал-губернатора гражданскому губернатору об арестах в Каневском уезде

В одно время я получил 4 рапорта начальника каневской уездной полиции от 5 сего августа, из которых в двух, за № 662 и 670, донося об арестовании крестьянина с. Трощина Осипа Галабурды за толки в пьяном виде о Шевченко и о крестьянских полях и мещанина г. Канева Захара Дорошенко — за произнесенные тоже в пьяном виде и притом в кабаке угрозы против еврейки Фимкенштейновой, отказавшей ему дать водки в долг,— испрашивает разрешения, как поступить с этими лицами; в третьем рапорте за № 654 просит подобного же разрешения об арестованном по распоряжению полковника Грибовского отставном матросе Трусенко и, наконец, в четвертом рапорте за № 657, донося о полученных сведе-

ниях насчет существования в Переяславском и Золотоношском уездах, Полтавской губернии, толков, подобных тем, которые были в Каневе, о предстоящем будто бы истреблении панов, ляхов и жидов, просит начальнического распоряжения о прекращении этих толков в означенных уездах.

Из рапортов начальника каневской полиции видно, что о всем этом он донес и вашему превосходительству.

Не имея сведений о сделанных Вами по этим донесениям распоряжениях, покорнейше прошу ваше превосходительство приказать начальнику каневской полиции: 1-е, крестьянина Галабурду выдержать под арестом в продолжении недели, считая срок этого ареста с настоящего числа, и затем, вменив ему таковой в наказание и разъяснив неосновательность толкований его о Шевченко и о крестьянских полях, освободить со строгим внушением воздерживаться от всяких нелепых толков, под опасением законной ответственности, и отдать под надзор местного сельского и волостного начальства; 2-е, о поступках мещанина Дорошенко дать ход следственный, имев его под строгим надзором до окончания дела; и 3-е, отставного матроса Трусенко тоже немедленно освободить из-под ареста, сделав ему такое же, как и крестьянину Галабурде, внушение воздерживаться от нелепых толков.

Затем, что касается не имеющего смысла ходатайства начальника каневской полиции о прекращении в Полтавской губернии вредных толков насчет истребления будто бы панов, ляхов и жидов, то я нашел нужным поставить только в известность начальника Полтавской губернии о происходившем в г. Каневе.

При этом я не могу не обратить внимание вашего превосходительства на действия начальника каневской полиции по делу о толках насчет истребления как будто бы панов, ляхов и евреев. Во всех его действиях по этому делу видны какая-то торопливость, необдуманность и нераспорядительность. Всяким нелепым словам, произнесенным в пьяном виде кем-либо из простого народа, всякой бабьей сплетне он придает важность и особенное значение и из каждого вздора делает предмет донесения, спрашивая притом наставлений о дальнейшем образе действий или входя с ходатайствами, лишенными смысла, как это сделал он в одном из приведенных рапортов своих, прося начальнического распоряжения к прекращению толков,

тогда как, действуя в пределах предоставленной ему законом власти, он мог бы и обязан был не давать распространяться нелепым толкам, разъясняя одним неосновательность их, предостерегая других от неуместных рассказов и подвергая иных в установленном законом порядке ответственности, если произведенные ими толки и рассказы действительно клонятся к нарушению общественного спокойствия. Как главный охранитель этого спокойствия во вверенном ему уезде, начальник полиции должен действовать в пределах законности, самостоятельно, под личную ответственность за сохранение порядка и спокойствия, а не затруднять начальство пустой и бесплодной перепиской. Ваше превосходительство не оставите поставить это на вид начальнику каневской уездной полиции.

Генерал-губернатор
князь Васильчиков.

ДМШ-123, л. 113—117.

1861 г., 19 августа. Письмо киевского генерал-губернатора гражданскому губернатору о расследовании слухов вокруг могилы Т. Г. Шевченко

Секретно

После сделанных по каневскому делу распоряжений, известных Вам из отношений моих от 27 и 31 июля за № 3391 и 3544, киевский губернский предводитель дворянства, представляя полученное им по означенному делу отношение каневского уездного предводителя дворянства от 26 июля за № 790, просил моих распоряжений к ограждению спокойствия и безопасности помещиков Каневского уезда.

В отношении этом каневский предводитель дворянства, повторяя известные уже Вам толки и слухи о предстоящем будто бы истреблении панов, ляхов и евреев и находя в них признаки, подобные тем, которые предшествовали прежней гайдамацкой рези в здешнем крае, между прочим объясняет: 1) что могила Шевченко будто служит знаменем соединения людям, порождающим ненависть народа к здешнему дворянству, а под этим предлогом и ко всем помещикам, начальству и духовенству; 2) что приезжающие в эти стороны друзья и почитатели поэта Шевченко имеют будто бы тайные сношения с на-

родом и, читая ему из сочинений Шевченко рассказы о гайдамаччине и представляя известных предводителей гайдамаков Гонту и Железняка священными героями, а саму резь справедливым и святым делом, составляющим славу здешнего народа, позволяют себе толки, возбуждающие будто бы народ против всего высшего у нас сословия; в подтверждение чего приводит рассказ мещанина Кутаха об отзыве будто бы перед ним Честаховского после чтения поэмы Шевченко «Тарасова ночь», что вскоре польется пот и кровь из панов, как лилось это прежде из народа; 3) что сочинения Шевченко и граматка Кулиша, дышащие будто бы неумолимой ненавистью к дворянству, снисходя в массу народа, делаются крайне опасными, потому что народ, видя в них исключительное изображение мести, рези и кровопролития, побуждается к повторению этих дел, а граматка Кулиша распространяется будто бы систематически между простым народом, и такими действиями ослабляется взаимное доверие между помещиками и крестьянами и затрудняется успешное исполнение крестьянской реформы и прочное устройство двух землевладельческих классов; 4) что после искусственно возбужденного будто бы народного энтузиазма к Шевченко народ толпами собирается на его могиле, а некоторые идущие на богомолье в Киев приходят туда как к священному месту, почитая Шевченко как бы народным своим пророком, и 5) что из приезжавших на похороны Шевченко были такие, которые ясно провозглашали мысль, что в здешнем крае должны оставаться только лица православного исповедания, и это обстоятельство подтверждено ему, предводителю, начальником каневской уездной полиции. В заключение предводитель Янковский высказывает свои соображения о существовании в простом народе заговора против помещиков, основывая таковые на уменье здешнего простого народа упорно сохранять тайну, в подтверждение чего приводит дело об убийстве помещика Гудима-Левковича, и на существовании будто бы между простым народом таких лиц, которые отзываются полусловами и в глазах и на физиономиях своих носят какой-то отпечаток строгости и постоянного уныния, — и затем выражает свое мнение о мерах, которые необходимо принять к ограждению спокойствия и безопасности дворянства и которые, по его убеждению, должны состоять в удалении лиц, уличенных в тайных

сношениях с крестьянами, в воспрещении распространения и продажи сочинений Шевченко, Кулиша и других подобных, в усилении войск и в убеждении народа, что правительство строго будет взыскивать с виновных, угрожающих нарушить спокойствие и общественный порядок, что священных ножей нет и не было, для чего следует разрыть могилу Шевченко и показать народу, и что никакой обряд не может быть употреблен на очищение убийства и орудия, которым оно совершено.

Вашему превосходительству достаточно известно действительное положение каневского дела и истинный источник тревожных толков и пустых опасений, созданных напуганным воображением поляков и евреев. Соображая изложенные в отношении каневского предводителя дворянства обстоятельства с произведенным полковником Грибовским разысканием, я не вижу никакого факта, которым бы подтверждалось хоть одно их этих обстоятельств, кроме нелепых толков в простом народе о предстоящем истреблении панов, ляхов и жидов, к которым подал повод Честаховский своим неблагоразумным поведением, а некоторые из приводимых предв[одителем] Янковским обвинений даже вовсе не были в виду при разыскании, так как никаких сведений о них не имелось. Таковы обвинения в значении могилы Шевченко, как знамени соединения людей, возбуждающих ненависть к помещикам, начальству и духовенству, и как священного места для народа, который будто бы приходит туда на поклонение; в тайных сношениях почитателей Шевченко с народом, в представлении ему рези святым и справедливым делом и возбуждении его против всего высшего сословия и, наконец, в открытом провозглашении некоторыми из приезжавших на похороны Шевченко лиц мысли, что в здешнем крае не должны оставаться лица другого исповедания, кроме православного.

Из разыскания Грибовского и из донесений начальника каневской уездной полиции видно только, 1) что могилу Шевченко устраивал Честаховский собственными трудами при пособии нескольких жителей г. Канева и крестьян из соседних деревень не более ежедневно 10 человек, которые помогали ему безвозмездно и пользовались от него только пищей и винной порцией, собирался же на могилу народ только в день отправления обычной шестинедельной панихиды по Шевченко, и на 1 августа собра-

лось было, вследствие приглашения Честаховского, до 30 крестьян и крестьянок из соседних деревень на имевшую быть последнюю, по случаю окончания могилы, панихиду, но как Честаховский в то время уже не был в Каневе и панихида не состоялась, то крестьяне и разошлись спокойно по домам, и 2) что во время пребывания Честаховского в Каневе приезжали туда управляющий имением граф[ини] Левашовой, советник С.-Петербургского губ[ернского] прав[ления] Лазаревский, по делу о выкупе из крепостного состояния семейства покойного Шевченко, и инспектор Киевской гимназии Чалый, которые останавливались в доме каневского жителя Варфоломея Шевченко, не скрывали своего там пребывания и поведением своим не дали местному начальству никакого повода заподозрить их в каких-либо неблагонамеренных стремлениях, как удостоверил в этом и нач[альник] каневской уезд[ной] полиции[...].

Из разыскания Грибовского видно, что Честаховскому выслано было из Петербурга в конце мая сего года для распродажи 161 экземпляр сочинений Шевченко, в том числе 20 экземпляров «Кобзаря» по 1 р. 50 к. за каждый, и 141 мелких стихотворений в малых брошюрках по цене от 3 до 5 коп. каждая, и 25 экземпляров «Граматки» Кулиша последнего издания по 5 коп. за каждый. Все эти сочинения Честаховский успел уже, кажется, распродать.

Затем соображения каневского уезд[ного] пред[водителя] о существовании будто бы в простом народе заговора против помещиков сколько странны, столько же и непонятны по своей нелогичности, как равно и некоторые из предлагаемых им мер к ограждению спокойствия и безопасности дворянства Каневского уезда.

Имея все это в виду, я известил губ[ернского] пред[водителя] двор[янства] Горвата, в ответ на его письмо, о результате сделанного в Каневе разыскания и о принятых мерах к успокоению встревоженных жителей и предупреждению на будущее время поводов к подобным беспокойствам и, высказав ему уверение, что правительство бдительно заботится об ограждении спокойствия и безопасности всех жителей края, имеет средства и сумеет вовремя подавить всякую попытку к нарушению того или другого, просил его, с своей стороны, уверить в этом и каневского пред[водителя] дворянства. Но при всей видимой неосновательности высказанных последним в отно-

шении к г. Горвату обвинений мне желательно было бы знать, на каких данных и фактах они основаны, и потому, препровождая к в. п-ву копию означенного отношения, покорнейше прошу Вас спросить г. Янковского, на чем основаны изложенные в этом отношении его сведения о значении могилы Шевченко, о тайных связях почитателей его с простым народом, представлении ему рези священным делом и возбуждении против всего высшего сословия — помещиков, начальства и духовенства; а также спросить нач[альника] канев[ской] уезд[ной] полиции, сообщал ли он г. Янковскому сведения об открытом провозглашении некоторыми из приезжавших на похороны Шевченко лиц мнения, что в здешнем крае, кроме православных, не должно быть жителей другого исповедания, и кто эти лица, провозглашавшие такую мысль; а между тем в видах успокоения дворянства и других жителей Каневского уезда, напуганных пустыми толками, не оставьте, ваше превосходительство, приказать приостановить на некоторое время распродажу в г. Каневе сочинений Шевченко и «Граматки» Кулиша, если бы таковая доселе еще производилась. Относительно же сборищ на могиле Шевченко и наблюдения за лицами, покушающимися делать народу вредные внушения,— руководствоваться изложенными в отношениях моих к Вам от 27 и 31 минувшего июля за № 3391 и 3544 распоряжениями.

О последующем буду ожидать Вашего уведомления.

Генерал-губернатор
князь Васильчиков.

ДМШ-123, л. 143—150.

1861 г., 19 августа. Письмо киевского генерал-губернатора гражданскому губернатору о распространении «вредных слухов» на Каневщине

Секретно

После отношения моего к в. п-ву от 10 сего августа № 3624 я получил от нач[альника] каневской уезд[ной] полиции, в дополнение к прежним, новое донесение, в котором, доводя до моего сведения о крестьянах, собравшихся было 1 августа, вследствие приглашения Честаховского, к могиле Шевченко на предполагавшуюся панихиду, но по случаю выезда из Канева Честаховского и не-

отправления панихиды спокойно разошедшихся по домам, о существующих между крестьянами насчет святости Шевченко и участия его в освобождении их от крепостного состояния толков, скрываемых крестьянами, но обнаруживаемых случайно чиновниками полиции, и о распространении подобных толков какими-то неизвестными полиции лицами, то молодыми людьми, одним одетым в солдатскую шинель, но, по-видимому, не из простого звания, а другим переодетым, то какой-то монахиней, — испрашивает моего разрешения, как поступать с злонамеренными лицами, внушающими крестьянам ложные толки о Шевченко, когда положительных фактов к обвинению их собрать в то же время будет невозможно, т. е. арестовывать ли их на месте и доносить или же высылать на местожительство; другими словами, нач[альник] полиции просит разрешения поступать по своему усмотрению и произвольно со всяким, кого ему вздумается заподозрить в ложных толках о Шевченко.

Я уже имел случай обратить внимание в. п-ва на отсутствие логики в действиях и донесениях нач[альника] каневской полиции. Последний рапорт его служит новым подтверждением того же недостатка и доказывает полное непонимание им своих обязанностей. Трудно понять, по каким законам логики нач[альник] полиции пришел к мысли просить разрешения арестовывать или высылать на местожительство [лиц], к обвинению которых в распространении вредных толков невозможно найти никаких фактов, и на чем в таких случаях он полагает основывать свои распоряжения относительно этих лиц. Без сомнения, он имел при этом в виду не закон, с положительною ясностию определяющий случаи арестования лиц, уличаемых в каком-либо преступлении, а свое благоусмотрение и произвол, как средство определения виновности всякого лица, какое только ему вздумается подвергнуть аресту или высылке.

Покорнейше прошу в. пр-во, поставив это еще раз на вид нач[альнику] канев[ской] уез[дной] полиции, разъяснить ему, что в действиях своих по охранению спокойствия во вверенном ему уезде и преследованию распространителей вредных слухов он должен строго руководствоваться законом и приступить к задержанию и преданию законной, в установленном порядке, ответственности таких лиц только тогда, когда падающие на них подозре-

ния будут подтверждаться фактами и несомненными данными, под личною ответственностью по законам за всякое неправильное распоряжение относительно какого бы то ни было лица; относительно же двух молодых людей, одетого в солдатской шинели и переодетого, а также какой-то монахини, распространявших будто бы, по полученным начальником полиции сведениям, вредные толки, в. п-во не оставьте приказать ему обнаружить этих лиц, и если взводимое на них обвинение будет подтверждаться, поступить с ними на законном основании.

При этом в ответ на представление в. п-ва от 11 августа № 6821 имею честь уведомить, что если Вы находите виновным стар[шего] засед[ателя] каневской уез[дной] полиции Монастерского и признаете необходимым по делу о Честаховском, то я, с своей стороны, не встречаю к этому никаких препятствий.

Генерал-губернатор
князь Васильчиков.

ДМШ-123, л. 129—130.

1861 г., 31 августа. Распоряжение киевского губернатора о запрещении продажи произведений Т. Г. Шевченко в Каневе

Секретно

Вследствие предложения г. генерал-губернатора и в дополнение к предписанию моему от 27 прошлого июля за № 157 обязываю в. благородие немедленно распорядиться приостановить распродажу в г. Каневе сочинений Шевченко и «Граматки» Кулиша, если бы таковая доселе еще не производилась. Вместе с тем усилить надзор за сборищами на могиле Шевченко и за лицами, покушающимися делать народу вредные внушения, и поступать в этих случаях согласно вышепомянутому за № 157 и последующим моим предписаниям по настоящему делу.

О распоряжениях своих относительно приостановления означенной продажи сочинений и о последствиях таковых обязываетесь донести мне.

Начальник Киевской губернии.

ДМШ-123, л. 163—164

1861 г., 31 августа. Письмо каневскому предводителю дворянства о тайных связях посетителей могилы Т. Г. Шевченко

Секретно

Вследствие предложения г. генерал-губернатора имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие уведомить меня в ближайшем времени, на чем основаны изложенные в отзыве Вашем к г. губернскому предводителю дворянства от 26 июля за № 790 сведения о значении могилы Шевченко, о тайных связях почитателей его с простым народом, представлении ему резни священным делом и возбуждении против всего высшего сословия у нас, помещиков, начальства и духовенства.

Начальник Киевской губернии.

ДМШ-123, л. 161.

1861 г., 16 сентября. Письмо киевского генерал-губернатора гражданскому губернатору о расквартировании в Каневе пехотной роты

Я получил прошение от жителей г. Канева купеческого и мещанского сословий, в котором, выражая опасения за свою безопасность по причине распространившихся было между каневским населением слухов об уничтожении панов, ляхов и жидов, просят о расквартировании вблизи г. Канева пехотного полка, с помещением в самом Каневе полковой квартиры.

Просьбу эту препровождая к вашему превосходительству, покорнейше прошу приказать объявить подписавшимся на ней лицам, чтобы они оставались спокойными и не тревожились пустыми опасениями; что же касается расположения в г. Каневе штаба полка, то ходатайство их не может быть удовлетворено, взамен же вышедших казаков в Каневе расквартирована рота пехотного полка из расположенного в м. Корсуне баталиона.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

ДМШ-123, л. 175.

1861 г., 29 сентября. Письмо полтавского губернатора киевскому губернатору о слухах вокруг могилы Т. Г. Шевченко

Секретно

От 8 и 12 минувшего августа за № 6717 и 6827 ваше превосходительство изволили сообщить мне об источнике неосновательных толков, порожденных было действиями художника Честаховского в Каневском уезде, и что следствием принятых мер неосновательная тревога хотя затихла, но, по донесению начальника каневской уездной полиции, подобные толки распространились будто бы в Переяславском и Золотоношском уездах и оттуда снова переходят в Каневский уезд.

Потребовав в то же время подлежащих по этому предмету объяснений от земских исправников сказанных двух уездов, я получил ныне от них донесения, из которых оказывается, что в Переяславском уезде пронесся было темный слух о беспорядках в Каневском уезде, но чем они сопровождались и какие были к тому побудительные причины, ничего не было слышно, и впоследствии молва о сем, как праздно породившаяся, совершенно прекратилась; о том же, будто помянутые толки передаются из означенного уезда в Каневский уезд, то подобное предположение, по удостоверению местного земского исправника, основано на одних слухах, не имеющих и приблизительного сходства с народным спокойствием во вверенном ему уезде.

Золотоношский земский исправник представляет, что чиновник Честаховский, прибывший с гробом Шевченко в Канев, остался там, после погребения его над Днепром, на горé, для устройства его могилы, что для этих работ он приглашал окрестных жителей, но, не имея достаточных средств, он заменял платежи рабочим угощением их вином, и это служило сближением его с ними; что Честаховский продавал оставшиеся после Шевченко стихотворения и портреты; что перевоз тела его в Канев был поводом к различным толкам об этом украинце, о могиле его и о самом Честаховском; что слухи эти перешли из-за Днепра и в Золотоношский уезд, в село Прохоровку, куда по понедельникам приезжают каневские жители на бывающие там базары. Толковали между прочим, что Грицко

(так в народе называли Честаховского) переодевается в день трижды, раз простым человеком, потом паном, а потом ляхом; что в гробу привезено не тело Шевченка, а ножи; что идет какая-то молва и множество гадов к августу месяцу и что на маковея будут резать ляхов и жидов. Распространителями этой последней молвы, как видно по всему, были евреи и некоторые заднепровские помещики, опасавшиеся возобновления прежней гайдамаччины. Поводом к этому послужило чтение народом шевченковской поэмы «Гайдамаки», в которой изображено, как некогда гайдамаки собирались резать по всей заднепровской Украине ляхов и жидов ножами, освященными в день маковея, Честаховский приезжал из Канева раз или два в Прохоровку на базар и однажды в село Келеберду; но приглашений к маковейскому обеду на могилу Шевченко не делал, а был только, кажется, с целью любопытного художника. Последний раз он приезжал в Прохоровку 2 августа, но для того чтобы видеться с своей невестой и ее матерью, каневской мещанкой, у которой в Каневе квартировал, и чтобы вместе с ними приискать себе землю для жительства в Прохоровке, где упомянутая мещанка издавна держит на откупе сады,— это было пред его отъездом 3 августа на пароходе в Киев. Внезапный выезд Честаховского из Канева произвел тревогу в тамошней полиции, и за ним приезжали в Прохоровку два квартальных надзирателя, с которыми и возвратился он в Канев. После этого никаких уже толков о нем не было, кроме того, что он в Киеве, перед отъездом своим в Петербург, обвенчался на дочери упомянутой каневской мещанки и что вообще переходившие до того из-за Днепра толки не произвели в Золотоношском уезде никакого волнения.

Долгом считая изложенные сведения сообщить вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что в бытность мою в сентябре месяце в Золотоношском уезде я старался лично удостовериться, могли ли иметь там влияние на общественное спокойствие толки, распространившиеся было в Каневском уезде, и убедился, что они, не поддерживаемые никаким вероятием, не возбудили сочувствия в массе народа и не произвели враждебных в нем волнений, а, как порожденные праздным воображением, вскоре совершенно прекратились и что при таком народном спокойствии в Золотоношском уезде никаких

новых толков не могло переходить оттуда в Каневский уезд, по донесению начальника каневской уездной полиции.

Гражданский губернатор Волков.
Помощ[ник] правит[еля] канцелярии Уфнаровский.

ДМШ-123, л. 196—199.

1861 г., 30 сентября. Письмо помощника начальника каневской полиции киевскому губернатору о распространении букварей Шевченко

Секретно

Пристав 2-го стана от 26 сего сентября за № 87 донес мне, что при наблюдении в подведомственном ему стане за обращением малороссийских букварей Кулиша он, получив сведение, что временно обязанный крестьянин с. Зеленок Осип Устимов сын Кудлай (60 лет от роду) привез неизвестно откуда буквари соч. Тараса Шевченко и, будучи в с. Зеленках по делам службы, нарочито заезжал к крестьянину Кудлаю, где при разговорах с ним, весьма отдаленных от цели прибытия к нему, получил сознание Кудлая, что Кудлай, будучи в Черкасском уезде на сахарном заводе купцов Яхно и Семиренко, у которых он состоит подрядчиком 10 лет, получил от Ивана Терентьевича Яхно 12 букварей Тараса Шевченко собственно для себя, из числа коих роздал по одному экземпляру управляющему Дорожинскому, экономам Матковскому и Болевскому, благочинному Грушецкому, священнику с. Зеленок, местному диакону и питейным ревизорам Быстржаневскому и Пилецкому, а четыре остались у него; причем пристав, представляя один экземпляр тех букварей, присовокупил, что последние три экземпляра он оставил у себя.

По поводу сего и на основании предписаний вашего превосходительства от 21 июля и 31 августа сего года за № 157 и 7442 я предписал приставу 2-го стана: розданные крестьянином Кудлаем восемь экземпляров букварей Шевченко под благовидным предлогом отобрать и вместе с оставленными им у себя тремя экземплярами доставить немедленно ко мне; причем как ему, приставу, так равно прочим становым приставам и городскому надзи-

рателю г. Канева строго подтвердил иметь самое ближайшее из-под руки наблюдение к недопущению распространения означенных букварей, а в особенности по сельским приходским школам и в каневской воскресной школе; начальнику же черкасской уездной полиции сообщил вместе с сим сведение о появившихся в его ведомстве букварях.

О чем вашему превосходительству почтительнейше донося, имею честь испрашивать в разрешение предписания: как мне следует поступать с теми букварями, которые будут доставлены приставом 2-го стана, то есть уничтожить ли их или представить вашему превосходительству; причем долгом считаю доложить, что об этом вместе с сим донесено мною г. генерал-губернатору с представлением доставленного приставом 2-го стана одного экземпляра букваря Тараса Шевченко.

Помощник начальника каневской
уездной полиции Булах.

ДМШ-123, л. 194—195.

1861 г., 14 октября. Письмо киевского генерал-губернатора гражданскому губернатору об отмене распоряжений, запрещавших пользование букварем Т. Г. Шевченко

Отношениями от 27 июля за № 3891 я просил ваше превосходительство сделать распоряжение о недопущении только в сельских школах здешнего края малорусских букварей, а 19 августа № 3738, только в видах успокоения дворянства и других жителей Каневского уезда, напуганных пустыми толками по поводу известного Вам Честаховского, приостановить на некоторое время распродажу сочинений Шевченко и граматки Кулиша; между тем помощник начальника каневской уездной полиции от 30 сентября доносит мне, что он отобрал у крестьянина с. Зеленок Кудлая несколько экземпляров южнорусского букваря, приказал местному приставу отобрать другие экземпляры, розданные некоторым крестьянам Кудлаем, и сообщил начальнику черкасской уездной полиции о появлении в его ведомстве означенных букварей, из числа которых один экземпляр представил и мне. Затем при отношении от 6 октября № 8793 я по-

лучил 2 экземпляра граматки Кулиша, отобранные вследствие распоряжения Вашего киевским полицеймейстером в магазине купца Барщевского.

О граматке Кулиша я уже высказал мое мнение в помянутом отношении от 19 августа; букварь же Шевченко оказывается напечатанным в Петербурге, с дозволения цензуры, и ничего в себе противного законам не заключает.

Так как изложенные выше меры о приостановлении распродажи малороссийских букварей были только временными, вызванными известным Вам каневским делом, и должны были ограничиваться единственно Каневским уездом и притом только в цели недопущения их к употреблению в сельских школах, в настоящее же время нет никаких оснований к воспрещению продажи означенных букварей,— то покорнейше прошу ваше превосходительство разъяснить помощнику Булаху и киевскому полициймейстеру истинный смысл вышеизложенных распоряжений моих о малорусских букварях и сочинениях Шевченко и Кулиша, а сделанное Вами по губернии распоряжение о приостановлении распространения малорусских букварей — отменить, вменив только в обязанность начальникам полиций, согласно приведенному отношению моему от 27 июля, не допускать употребления этих букварей в сельских школах,— и о последующем меня уведомить.

Генерал-губернатор
князь Васильчиков.

ДМШ-123, л. 201—202

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бари Эдуард Яковлевич — доктор медицины, статский советник. С Шевченко познакомился 23 ноября 1860 г. у Лазаревского.

[2] Лизогуб Андрей Иванович — помещик из с. Седнева, Черниговской губернии, приятель Шевченко. В первые годы ссылки поэта между ними установилась переписка.

[3] Лазаревский Михаил Матвеевич (1818—1867) — старший советник губернского правления в Петербурге, один из ближайших друзей Т. Г. Шевченко начиная с периода ссылки. Много помогал Шевченко материально, переписывался с ним и принял его на квартиру после возвращения из ссылки. 12 июля 1858 г. Шевченко подарил Лазаревскому свой дневник и написал его портрет.

[4] Григорович Василий Иванович (1786—1865) — конференц-секретарь Академии художеств, принимал участие в выкупе Шевченко из крепостных и помог устроить его в Академию художеств, в Товарищество содействия художникам. Во время ссылки Т. Г. Шевченко переписывался с Григоровичем.

[5] Репнина Варвара Николаевна (1808—1891) — дочь кн. Н. Г. Репнина-Волконского — была близко знакома с Т. Г. Шевченко, заботилась об улучшении его положения во время ссылки и переписывалась с ним.

[6] Залесский Бронислав (1820—1880) — польский историк и художник, революционный деятель, близкий друг Т. Г. Шевченко, с которым он познакомился в 1849 г. в Оренбурге. Переписка между ними не прекращалась до смерти поэта.

[7] Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — историк, профессор Киевского университета, впоследствии — профессор Петербургского университета. Костомаров не преодолел буржуазно-либерального мировоззрения, хотя и был прогрессивным ученым. В Кирилло-Мефодиевском братстве, членом которого он являлся, Костомаров принадлежал к либеральному крылу.

[8] Полонский Яков Петрович (1820—1898) — русский поэт-демократ, был близко знаком с Т. Г. Шевченко. После смерти Шевченко написал воспоминания, освещающие последние годы жизни поэта в Петербурге.

[9] Тарновская Людмила Владимировна — мать В. В. Тарновского (младшего), была близко знакома с Т. Г. Шевченко.

[10] Черненко Федор Иванович — инженер, знакомый Т. Г. Шевченко еще с 40-х годов, вел с ним переписку. После возвращения поэта из ссылки на квартире у Черненко в Петербурге происходили собрания украинцев, которые посещал и Шевченко.

[11] Автопортрет 1860 г. Т. Г. Шевченко написал маслом. Портрет должен был быть разыгран в лотерею в пользу воскресных школ, но был куплен за 200 руб. на академической выставке 1860 г. Именно с этого портрета в 1861 г. Т. Г. Шевченко сделал копию, хранящуюся в настоящее время в Государственном музее Т. Г. Шевченко в Киеве.

[12] И. С. Тургенев в Петербурге встречался с Шевченко и как член литературного фонда хлопотал о выкупе его братьев и сестер из крепостных.

[13] Шевченко Варфоломей Григорьевич (1821—1892) — родился в крепостной семье; усыновленный купцом, он уже в юношеские годы становится купцом 3-й гильдии. Знаком с Т. Г. Шевченко с 1843 г. Сестра Варфоломея Григорьевича была женой брата поэта Иосифа. В. Г. Шевченко принимал участие в похоронах и благоустройстве могилы Шевченко в Каневе.

[14] Н. С. Лесков познакомился с Т. Г. Шевченко в Петербурге в 1861 г. и впоследствии написал о нем воспоминания.

[15] Мокрицкий Петр — один из знакомых Т. Г. Шевченко, по-видимому, брат управителя канцелярии обер-полицмейстера в Петербурге.

[16] Круневич Павел Адамович (1835—1871) — доктор медицины, гофмедик императорского двора в Петербурге.

[17] Лазаревский Василий Матвеевич (1817—1890) — один из братьев Лазаревских, сыгравших большую роль в жизни Шевченко.

[18] Хартахай Феоктист — студент Петербургского университета, в 60-х годах сотрудничал в журнале «Современник».

[19] Гнилосыров Василий Степанович (1836—1900) — украинский писатель-демократ и педагог. Выступал на страницах «Киевской старины» под псевдонимом А. Гаврош.

[20] Курочкин Николай Степанович (1830—1884) — поэт, переводчик. Был в дружеских отношениях с Т. Г. Шевченко, перевел несколько его стихов: «Доля», «Муза», «Огні горять, музика грає», «Один у другого питає». Принимал участие в похоронах Шевченко в Петербурге.

[21] Толстой Федор Петрович (1783—1873) — выдающийся русский медальер, скульптор и художник, вице-президент Академии художеств. Шевченко познакомился с ним и его семьей 28 марта 1858 г., после возвращения из ссылки в Петербург.

[22] «Русская речь» — газета, публиковавшая обзоры литературы, истории, искусства и общественной жизни на Западе и в России. Выходила два раза в неделю. Издатель — Евгения Тур.

[23] Юнге Екатерина Федоровна (1843—1913) — дочь графа Ф. П. Толстого. Была свидетелем событий, связанных с освобождением поэта из ссылки. Юнге часто бывала в обществе Шевченко, училась у него рисовать и была переводчицей между поэтом и Айра Олдриджем. Написала воспоминания о Т. Г. Шевченко.

[24] Белозерский Василий Михайлович (1825—1899) известен как член Кирилло-Мефодиевского братства; был арестован по делу братства в Варшаве.

[25] Хорошевский Владислав Юлианович — председатель поль-

ского демократического кружка в Петербурге, посещал литературные кружки Чернышевского и Добролюбова, был связан с редакцией журнала «Основа».

[26] Пермитянин Южаков — вольнослушатель Петербургского университета. Выступал с речью на похоронах Т. Г. Шевченко в Петербурге.

[27] Чубинский Павел Платонович (1839—1884) — украинский этнограф, автор многочисленных статей по этнографии и статистике. Выступал с речью на похоронах Т. Г. Шевченко в Петербурге.

[28] Афанасьев-Чужбинский Александр Степанович (1817—1875), познакомился с Шевченко в июне 1843 г. Посвятил Т. Г. Шевченко стихотворение «Гарно твоя кобза грає», напечатанное в сборнике «Молодик» за 1843 г.

[29] Жемчужников Лев Михайлович (1828—1912) — известный русский художник, создавший серию реалистических эстампов «Живописная Украина». Личное знакомство Жемчужникова с Т. Г. Шевченко состоялось в Петербурге 17 апреля 1858 г.

[30] Маслов Василий Павлович (умер в 1881 г.) — автор первой биографии Т. Г. Шевченко, вышедшей в 1874 году и переизданной в 1882 г.

[31] Забела Виктор Николаевич (1808—1869) — украинский писатель, романтик, мелкий помещик, владелец хутора Кукуриковщина (Черниговской губернии). Дружил с Н. В. Гоголем, был знаком с Т. Г. Шевченко с 1843 г. Присутствовал на похоронах поэта.

[32] Честаховский Григорий Николаевич (1820—1893). Окончил Петербургскую Академию художеств и удостоен звания художника. Имея демократические взгляды, сдружился с Т. Г. Шевченко.

Комитет по похоронам поэта поручил ему и Александру Лазаревскому сопровождать гроб с прахом Т. Г. Шевченко из Петербурга в Канев. Похороны поэта по существу были демонстрацией против самодержавия. Всюду по пути от Москвы — в Серпухове, Туле, Орле, Севске, Глухове, Кролевце, Батурине, Борзне, Еленовке, Нежине, Козельце, Броварах, Киеве, Каневе гроб встречали массы трудового народа, выражая любовь к великому Кобзарю. После похорон поэта Честаховский остался в Каневе для упорядочения могилы. Местные помещики писали доносы на «агитатора-бунтовщика», в результате которых Г. Честаховский был выслан в Петербург.

[33] Филарет (Гумилевский Дмитрий Григорьевич, 1805—1866) — богослов, историк церкви. С 1859 г.— Черниговский архиепископ.

[34] Смолер — писатель Лужицкой Сербии.

[35] Якушкин Павел Иванович (1820—1872) — сотрудник журнала «Современник», собиратель народных песен, автор очерков из крестьянской жизни.

[36] Желтоножский Иосиф — священник киевской Христорождественской церкви, в которой стоял гроб с прахом Т. Г. Шевченко.

[37] Лебединцев Петр Гаврилович (1819—1896) — киевский кафедральный протоиерей, историк, сотрудник журнала «Киевская старина».

[38] Арсений (Москвин Федор Павлович, 1795—1876) — митрополит Киевский и Галицкий.

[39] Васильчиков Илларион Илларионович — киевский губернатор.

[40] Юзефович Михаил Владимирович — сотрудник Киевской археографической комиссии.

[41] Галаган Григорий Петрович — богатый помещик.

[42] Левицкий Ф. — студент Киевского университета, произнесший речь на пароходе при перевозке гроба с прахом Т. Г. Шевченко из Киева в Канев.

[43] «Русский инвалид» — военная и литературная газета, издававшаяся в Петербурге.

[44] Тризна Роман Дмитриевич — секретарь дворянства Черниговской губернии, впоследствии председатель палаты гражданского суда, инициатор создания воскресных школ на Черниговщине. С Т. Г. Шевченко познакомился в 1846 г., поддерживал с ним переписку.

[45] Стоянов Александр Ильич — один из деятелей первых воскресных школ в Киеве.

[46] Антонович Владимир Бонифатьевич (1834—1908) — буржуазный историк и археолог, профессор Киевского университета.

[47] Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895) — украинский историк, этнограф, публицист и общественный деятель, автор многочисленных статей о Т. Г. Шевченко.

[48] Сошенко Марцелина Тимофеевна, урожденная Виргинская, супруга И. Сошенко. Шевченко познакомился с ней в 1859 г. в Киеве.

[49] Чаповая Надежда, супруга инспектора 2-й киевской гимназии М. К. Чалого. Принимала участие в похоронах Т. Г. Шевченко в Каневе.

[50] Чалый Михаил Корнеевич (1816—1907) — инспектор 2-й киевской гимназии, автор биографии Т. Г. Шевченко. Познакомился с поэтом в 1859 г. Т. Г. Шевченко переписывался с ним в последние годы своей жизни.

[51] Мацкевич — священник каневской церкви, принимал участие в похоронах Т. Г. Шевченко и произнес речь на его могиле.

[52] Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — историк, лингвист, этнограф, археолог, первый ректор Киевского университета. Т. Г. Шевченко познакомился с ним в 1845 г. Максимович принимал участие в похоронах Шевченко в Каневе.

[53] Куліш Панько Олександрович (1819—1897) — український письменник буржуазно-націоналістичного напрямку. З Шевченком познайомився у Києві влітку 1843 р.

СОДЕРЖАНИЕ